

Уилбур Смит
Голубой горизонт
Серия «Кортни», книга 11

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371121
Смит, Уилбур Голубой горизонт : [роман]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-066973-8

Аннотация

Африка.

Земля, где выживают только самые сильные. Самые смелые. Самые безжалостные. Неистовые в страсти, беспощадные в мести и ненависти. Такие, как Джим из могущественного клана Кортни.

Молодой Кортни отправляется на завоевание непокорного континента. Но, с первого взгляда влюбившись в пленницу голландских моряков, он рискует жизнью ради ее свободы.

Теперь Джим – один против целого материка, который таит в себе массу опасностей.

Теперь его и его любимую ждет, казалось бы, неминуемая гибель.

Но Джима Кортни не пугает опасность. Он готов сделать многое, а если надо, то и рискнуть собственной жизнью!..

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

103

Уилбур Смит

Голубой горизонт

Моей жене, моей драгоценной Мохинисо, посвящается – с любовью и благодарностью за все волшебные годы нашей совместной жизни.

Wilbur Smith
BLUE HORIZON

First published in 2003 by Macmillan an imprint of Pan Macmillan Ltd.

Печатается с разрешения Tibor Jones Management Ltd. при содействии литературного агентства Nova Littera.

© Wilbur Smith, 2003

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Три человека стояли на самом берегу моря и смотрели на переливчатую лунную дорожку на темной воде.

– Полнолуние через два дня, – уверенно сказал Джим Кортни. – Большие красные рыбины будут голодны как львы.

Волна накатилась на пляж и зашипела у лодыжек Джима.

– Лучше спустим лодку, чем торчать здесь и болтать! – воскликнул двоюродный брат Джима Мансур Кортни. Его волосы в лунном свете блестели, как только что выплавленная медь, такой же сверкающей была и улыбка. Он легко подтолкнул локтем чернокожего молодого человека в белоснежной набедренной повязке, переминавшегося рядом. – Пойдем, Зама.

Парни вместе взялись за борта. Маленькое судно неохотно двинулось вперед; они поднажали, но лодка застряла в мокром песке.

– Подождем большой волны, – предложил Джим. – Вот она, идет! Ребята, приготовились.

Волна поднялась далеко впереди и рванулась к ним, набирая скорость. Столкнувшись с берегом, она побелела, потом стала кремовой, высоко подняла нос ялика, и юноши дрогнули от ее силы, цепляясь за борта и по пояс погрузившись в воду.

– Теперь дружно! – крикнул Джим, и парни вместе налегли на лодку. – Пошли с ней!

Волна нахлынула свободно и неудержимо, и юноши, оказавшись по плечи в воде, использовали отлив, чтобы сдвинуть лодку.

– За весла! – Джим выплевывал воду, потому что новая волна окатила его с головой.

Парни вцепились в борта ялика и в потоках морской воды перевалились через них. Возбужденно смеясь, они схватили длинные весла, лежавшие наготове, и вставили их в уключины.

– Навались!

Весла ушли в воду и снова появились, оставляя на поверхности маленькие водовороты; в лунном свете с весел словно бы капало серебро. Ялик вздрагивал в бурном прибое, и молодые люди стали грести в ритме, выработанном долгой практикой.

– Куда? – спросил Мансур. Он и Зама смотрели на Джима, что было вполне естественно – он верховодил и всегда принимал решения.

– В Котел! – решительно ответил Джим.

– Я так и думал. – Мансур рассмеялся. – Ты все еще зол на Большую Джули.

Зама, не переставая грести, сплюнул через борт.

– Осторожней, Сомойя. Большая Джули тоже сердится на тебя.

Зама говорил на своем родном языке – лози. «Сомойя» означало «дикий ветер». Так Джима прозвали в детстве за буйный нрав.

Джим нахмурился, вспоминая...

Никто из ребят не видел рыбу, которую они прозвали Большой Джули, но ясно было, что это самка, потому что только самки достигали таких размеров и силы. Парни почувствовали ее силу, передававшуюся из глубины через туго натянутую толстую леску. Морская вода била струей, переливаясь через планширь, а леска глубоко прорезала деревянный борт; с израненных рук ребят капала кровь.

– В 1717 году мой отец был на старой «Деве Омана», когда она огибала мыс Опасности, – сказал Мансур по-арабски, на родном языке своей матери. – Помощник капитана попытался с тросом достичь во время прибоя берега, но на полпути к нему подплыл зубан. Вода была такая прозрачная, что все увидели, как он поднимается с глубины в три морские сажени. Зубан откусил помощнику левую ногу и разом проглотил, как собака цыплячье крылышко. Моряк закричал и забился в воде, окрасившейся кровью: он пытался отпугнуть рыбу. Но зубан сделал круг и откусил вторую ногу. А потом утащил помощника капитана под воду. Больше его никто никогда не видел.

– Ты рассказываешь эту историю всякий раз, как я направляюсь в Котел, – мрачно произнес Джим.

– И всякий раз у тебя от испуга дерьмо становится всех цветов радуги, – сказал Зама по-английски. Эти трое так много времени проводили вместе, что бегло разговаривали на трех языках: английском, арабском и лози. И без усилий переходили с одного языка на другой.

Джим натужно рассмеялся – скорее чтобы успокоиться.

– Где ты научился этому отвратительному выражению, язычник?

Зама улыбнулся.

– У твоего утонченного отца, – ответил он.

Джим не нашел что возразить и посмотрел на светлеющий горизонт.

– Восход через два часа. Хочу до тех пор покончить с Котлом. Это лучшее время, чтобы еще раз попробовать поймать Джули.

Ялик двинулся к центру залива, покачиваясь на высоких капских волнах, накатывающих на берег бесконечными рядами, совершив перед этим долгое путешествие по южной Атлантике. Ветер дул лодке прямо в нос, и мальчики не могли поднять единственный парус. За их спинами поднимался величественный монолитный массив Столовой горы с плоской вершиной. В тени горы пряталось множество стоящих на якоре судов, в основном большие трехмачтовики со спущенными парусами. Эта гавань – настоящий караван-сарай Южных морей. Торговые и военные корабли Голландской Вест-Индской компании – ВОК – и суда полудюжины других государств после долгого плавания по океану пополняли на мысе Доброй Надежды запасы продовольствия и пресной воды.

В столь ранний час на берегу горело лишь несколько огней: тусклые фонари на стенах крепости и свет в окнах таверн, где все еще пировали моряки с бросивших якорь в гавани кораблей. Взгляд Джима невольно устремился к одинокому огоньку, отделенному от остальных милей темного моря. Там располагался склад и контора Торговой компании братьев Кортни, и Джим знал, что светится окно отцовского кабинета на втором этаже большого складского здания.

«Папа опять считает шекели». Джим рассмеялся про себя. Его отец, Том Кортни, был одним из самых преуспевающих купцов на мысе Доброй Надежды.

– Впереди остров, – сказал Мансур, и внимание Джима переключилось на предстоящую работу. Он поправил веревку руля, обмотанную вокруг большого пальца босой правой ноги. Ребята слегка изменили курс, отклонившись влево, и направились к северной оконечности острова Роббен. «Роббен» – так называются по-голландски тюлени, в изобилии живу-

щие на этом скалистом кусочке суши. В воздухе уже чувствовался запах, смрад от испражнений вперемешку с рыбной вонью казался невыносимым.

Подплыв ближе, Джим встал на корме, чтобы свериться с ориентирами и точно подвести ялик к глубокой впадине, которая и называлась Котлом.

Неожиданно Джим кинулся прочь с кормы с тревожным криком:

– Вы только посмотрите на этого дуrolома! Он протаранит нас! Гребите, черт побери, гребите!

Из-за северного мыса острова неслышно и быстро выходил под всеми парусами большой корабль. С ужасающей скоростью под сильным северо-западным ветром он шел прямо на мальчиков.

– Проклятый голландец, сырная башка! – выругался Джим, налегая на длинное весло. – Сухопутное отродье кабацкой шлюхи! На нем даже огней нет!

– А ты где научился таким словам? – тяжело дыша, спросил Мансур между гребками.

– Ты такой же шут гороховый, как этот дурак голландец, – мрачно ответил Джим.

Корабль навис над ними, его нос блестел серебром в лунном свете.

– Окликни его! – В голосе Мансура звучала тревога: он понял, какая страшная опасность им угрожает.

– Не трать силы, – сказал Зама. – Они крепко спят. И нас не услышат. Гребите!

Трое налегли на весла, и маленький кораблик словно полетел по воде, но большой приближался быстрее.

– Нам придется прыгать? – Мансур был серьезно обеспокоен.

– Отлично! – хмыкнул Джим. – Мы прямо над Котлом. Проверишь историю твоего отца. Какую ногу Большая Джули откусит тебе первой?

Ребята молча яростно гребли, в холодной ночи на их искаженных от усилий лицах блестел пот. Они стремились к скалам, где большой корабль не сможет их достать, но были еще в кабельтове от них, а высокие паруса уже закрывали звезды. Мальчишки слышали, как гудит в парусах ветер, как потрескивают бревна борта, как напевно бормочет носовая волна, и налегали изо всех сил на весла, с ужасом глядя вперед. Каждый призывал своего бога или богов.

– Милостивый Иисус, спаси нас! – прошептал Джим.

– Милосердный Аллах! – негромко произнес Мансур.

– Все отцы моего племени! – Зама усердно греб, глаза его в темноте казались светящимися белизной: он видел неизбежную смерть.

Бегущая впереди большого корабля волна приподняла нос ялика, и неожиданно ребят понесло кормой вперед. Транец ушел под поверхность, и ледяная вода стала заливать лодку. Все трое полетели за борт в то мгновение, когда массивный борт парусника задел утлое суденышко. Падая, Джим понял, что касание было скользким. Ялик отбросило в сторону, но его деревянный остов не сломался и не треснул.

Джима увлекло на глубину, при этом парень старался погрузиться еще глубже, поскольку знал, что удар о днище корабля будет смертельным. После путешествия по океану днище заросло ракушками, и острые как бритва створки срежут плоть до самой кости. Джим напрягал все мышцы в ожидании боли, но ее не было. Легкие горели, грудь распирало в неуправляемом стремлении дышать. Но он сдерживался, пока не уверился, что корабль прошел, потом принялся гребсти руками и ногами. Сквозь прозрачную воду Джим увидел золотой силуэт луны, дрожащий и расплывающийся, и рванулся к нему, собрав в кулак силы и волю. Наконец он вынырнул и смог наполнить легкие. Джим лег на спину, задыхаясь и отплеываясь, и стал жадно глотать живительный воздух.

– Мансур! Зама! – прохрипел он, преодолевая боль в груди. – Где вы? Отзовитесь, черт побери!

– Я здесь! – Голос Мансура.

Джим посмотрел в ту сторону. Брат цеплялся за притопленный ялик, длинные рыжие волосы облепили его лицо, как тюленья шерсть. И тут же между ними на поверхности океана появилась еще одна голова.

– Зама.

Двумя мощными гребками Джим добрался до него и перевернул лицом вверх. Зама закашлялся, исторгнув фонтан воды и рвоты. Он попытался обеими руками ухватить Джима за шею, но тот увернулся и подтащил брата к лодке.

– Вот. Держись. – Он направил руку Замы к борту. Все трое совершенно обессилели и задыхались.

Первым пришел в себя Джим – настолько, что смог излить свой гнев.

– Ублюдок, рожденный шлюхой! – выдавил он, глядя вслед удаляющемуся кораблю. Тот спокойно уходил вдаль. – Даже не подозревает, что едва не убил нас.

– Воняет сильнее, чем от тюленьей колонии. – Голос Мансура все еще звучал хрипло. Пытаясь говорить, парень закашлялся.

Джим принялся и уловил зловоние.

– Работорговец. Проклятый работорговец! – Он плюнул вслед судну. – Этот запах ни с чем не спутаешь.

– Или корабль с осужденными, – сказал Мансур. – Наверно, везет каторжников из Амстердама в Батавию.

Ребята увидели, что корабль лег на новый курс, его паруса в свете луны меняли форму; судно вошло в залив и присоединилось к другим стоявшим на якоре.

– Хотел бы я встретить его капитана в одном из кабаков в порту, – мрачно произнес Джим.

– Забудь! – посоветовал Мансур. – Он воткнет нож тебе между ребрами или еще куда. Давайте вычерпывать воду из лодки.

Борта поднимались над водой всего на несколько пальцев, и Джиму пришлось перебраться через транец. Он ощупью нашел под сиденьем деревянное ведро. Все снаряжение было прочно привязано, чтобы его не унесло в опасном преодолении полосы прибоя. Джим начал выплескивать воду сплошным потоком за борт. Когда половина воды была убрана, Зама уже достаточно восстановил силы, чтобы забраться в лодку, и они стали вычерпывать воду по очереди. Джим подобрал весла, плававшие поблизости, и проверил остальное снаряжение.

– Все рыболовные снасти на месте. – Он раскрыл мешок и заглянул внутрь. – Даже приманка.

– Будем продолжать? – спросил Мансур.

– Конечно! А почему бы и нет, во имя дьявола?

– Ну... – Мансур засомневался. – Мы ведь едва не утонули.

– Но ведь не утонули, – резко возразил Джим. – Зама почти осушил лодку, а Котел всего в кабельтове от нас. Большая Джули ждет завтрака. Давайте покормим ее.

Ребята снова сели в ялик и взялись за весла.

– Этот чертов ублюдок, сырная голова, украл у нас час времени, – горько посетовал Джим.

– Мог отобрать гораздо больше, Сомойя, – рассмеялся Зама. – Если бы ты меня не вытаскил...

Джим достал из мешка с приманкой дохлую рыбу и бросил ему в голову. Хорошее настроение быстро восстанавливалось, чувство товарищества возвращалось.

– Разобрать весла! Подходим, – сообщил Джим, и ребята начали сложный маневр, чтобы лодка оказалась точно над зелеными глубинами. Якорь бросили на краю ямы, с юга от

Котла, чтобы ялик отнесло к подводному каньону. Сильное течение, бурление которого дало этому месту название, усложняло задачу, и мальчишки дважды промахнулись. Обливаясь потом и бранясь, они дважды поднимали пятидесятифунтовый камень, служивший якорем, и начинали все сначала. Рассвет украдкой, как вор, уже подбирался с востока, прежде чем Джим леской с грузилом измерил глубину, чтобы убедиться, что лодка находится в максимально выгодной позиции. Леска уходила вниз через борт, а парень отмерял ее длину расставленными руками.

– Тридцать три сажени! – воскликнул Джим, почувствовав, что свинцовое грузило легло на дно. – Почти двести футов. Мы прямо над столовой Большой Джули. – Он быстро, двумя руками, поднял грузило. – Цепляйте наживку, парни!

Все бросились к мешку с приманкой. Джим добрался до него первым и прямо из рук Мансура выхватил лучшую – серую кефаль длиной со свое предплечье. Он сам поймал ее накануне в лагуне рядом со складом компании.

– Больно жирно для тебя, – рассудительно объяснил Джим Мансуру. – Справиться с Большой Джули может только настоящий рыбак.

Он продел в глаз кефали острое стального крючка для ловли акул, который висел на тросе длиной в две руки. Джим потряс десятифунтовой стальной цепочкой, легкой, но прочной. Альф, кузнец отца, специально выковал ее для Джима. И парень был уверен, что она выдержит, даже когда король зубанов попытается оборвать ее об утес. Джим повертел наживкой над головой, с каждым взмахом пропуская между пальцами все больше лески, пока не забросил ее вместе со стальной цепочкой далеко вперед. Наживка начала погружаться, и Джим постепенно вытравливал вслед за ней леску.

– Прямо в глотку Большой Джули, – усмехнулся он. – На этот раз она от нас не уйдет. На этот раз она моя.

Почувствовав, что грузило опустилось на песчаное дно, парень положил леску на дно лодки и придавил ее босой правой ногой. Обе руки должны были быть свободны, чтобы вопреки сильному течению постоянно удерживать над Котлом ялик с погруженной в воду леской.

Зама и Мансур использовали в качестве наживки куски макрели, крючки поменьше и более тонкую леску. И почти сразу начали вытаскивать бьющихся серебристых лещей, пятнистых небольших акул, которые хрюкали словно поросята, когда парни снимали их с крючков и бросали в воду на дне лодки.

– Маленькие рыбки для малышей! – насмехался над ними Джим. Он не отрываясь следил за своей леской. Солнце поднялось над горизонтом и согрело озябших ребят. Все трое сбросили верхнюю одежду и остались только в коротких панталонах.

Совсем рядом, на скалах острова, кишели тюлени, они плескались, вспенивая воду. Неожиданно большой тюлень проплыл под лодкой, схватил рыбу, которую вытягивал Мансур, сорвал ее с крючка и вынырнул с добычей в зубах в нескольких метрах от ялика.

– Будь ты проклят! – в гневе закричал Мансур.

Тюлень прижал рыбу лапами к груди и принялся спокойно рвать ее на куски. Джим бросил весло, порывлся в мешке со снаряжением, извлек оттуда пращу и вложил в гнездо обкатанный водой камень. Парень подбирал камни на берегу ручья в северной части имения, и каждый из них был круглым, гладким и в меру увесистым. Джим упражнялся с пращей, пока не научился сбивать высоко летящего гуся четырьмя бросками из пяти. Он принялся крутить пращу над головой; она загудела от напряжения. Потом Джим выпустил ее, и камень вылетел из гнезда. Он попал тюленю прямо в круглую черную голову, и все услышали, как хрустнула хрупкая кость. Животное умерло мгновенно, и туша поплыла по течению, конвульсивно дергаясь.

– Больше не будет красть рыбу. – Джим спрятал пращу в мешок. – Да и остальные получили урок хороших манер.

Стадо тюленей бросилось в стороны от лодки. Джим снова взялся за весло, и ребята возобновили прерванный разговор.

Мансур только на прошлой неделе вернулся на одном из торговых кораблей Кортни из плавания на север вдоль восточного побережья Африки, до самого Ормузского пролива. Он описывал друзьям чудеса, которые видел, и удивительные приключения, пережитые с отцом, капитаном «Дара Аллаха».

Отец Мансура Дориан Кортни был вторым партнером компании. В детстве его похитили арабские пираты и продали оманскому принцу, который усыновил его и обратил в ислам. Его сводный брат Том Кортни был христианином. Когда он отыскал и освободил младшего брата, они стали успешными партнерами. Вдвоем они получили доступ к миру обеих религий, и их предприятие процветало. Последние двадцать лет братья торговали в Индии, Аравии и Африке и отправляли свои экзотические товары в Европу.

Пока Мансур говорил, Джим смотрел на брата и в который раз завидовал его красоте и обаянию. Все это Мансур унаследовал от отца вместе с рыже-золотыми волосами, которые густой копной ниспадали ему на спину. Как и Дориан, он был гибок и стремителен. Сам Джим, как и его отец, – массивен и силен. Отец Зама Аболи сравнивал братьев с быком и газелью.

– Послушай, брат! – усмехнулся Мансур, прерывая свой рассказ, чтобы подразнить Джима. – Мы с Замой уже завалили лодку рыбой до самых поручней, а ты еще и не начал. Поймай рыбу!

– Я всегда качество ставил выше количества, – снисходительно ответил Джим.

– Ну, поскольку тебе все равно нечего делать, расскажи нам о своем путешествии в земли готтентотов. – Мансур бросил в лодку еще одну извивающуюся блестящую рыбу.

Простое честное лицо Джима вспыхнуло от радости, едва он вспомнил об этом путешествии. Он инстинктивно устремил свой взгляд за залив, на неровные горы, которые утреннее солнце окрасило золотом.

– Мы шли тридцать восемь дней, – похвастал он, – к северу, за горы, через большую пустыню, далеко за границы колонии, которые губернатор и совет ВОК в Амстердаме запретили пересекать. Мы шли по землям, где до нас никогда не бывал белый человек.

В его истории не было поэтических красот, как у его брата, но его энтузиазм оказался заразителен. Мансур и Зама смеялись вместе с ним, когда он описывал варварские племена, встреченные в пути, и бесконечные стада дичи на равнинах. Иногда Джим обращался к Зама:

– Я ведь говорю правду, Зама? Ты был там со мной. Скажи Мансуру, что это правда.

Зама с серьезным видом кивал:

– Это правда. Клянусь могилой своего отца. Каждое слово правда.

– Когда-нибудь я туда вернусь. – Джим давал это обещание скорее себе, чем остальным. – Вернусь и пересеку голубой горизонт на самом краю земли.

– И я буду с тобой, Сомойя! – Зама посмотрел на него с любовью и доверием.

Он помнил напутствие отца перед смертью. Тогда он лежал на своем ночном кароссе, согбенный под бременем прожитых лет, словно состарившийся великан, который до того, казалось, поддерживал само небо. «Джим Кортни – подлинный сын своего отца, – прошептал Аболи. – Держись его, как я держался Тома. Ты никогда не пожалеешь об этом, сын мой».

– Я буду с тобой, – повторил Зама, и Джим подмигнул ему.

– Конечно, будешь, мошенник. Больше никто тебя не получит. – И он так сильно хлопнул Заму по спине, что едва не сбросил с банки.

Джим сказал бы еще что-то, но в этот момент леска под его босой ногой дернулась, и он торжествующе закричал:

– Джули постучала в дверь! Входи, Большая Джули!

Он бросил весло и схватил леску обеими руками, готовый стравить за борт цепь. Остальные без приказа оставили снасти и принялись вытаскивать свои лески. Они знали, как важно предоставить Джиму свободное водное пространство для работы с крупной рыбой.

– Иди, моя красавица, – шептал Джим рыбе, осторожно держа леску между большим и указательным пальцами. Он ничего не чувствовал, только мягкое давление течения. – Иди, дорогая. Папа тебя любит, – умолял он.

И тут он заметил, что что-то изменилось. В ощущениях появилось нечто новое, едва заметное. Его нервы были натянуты словно струны.

– Она здесь. Она по-прежнему здесь.

Леска снова провисла.

– Не покидай меня, милая. Пожалуйста, не покидай. – Джим перегнулся через борт ялика, высоко поднял леску, так что она опускалась из его пальцев в зеленую воду под прямым углом.

Остальные наблюдали, затаив дыхание, и увидели, как неожиданно руку Джима повело вниз, явно под воздействием огромной тяжести. Мышцы парня напряглись, как гадюки, готовые к нападению; все молчали, замерев. Рука Джима едва не коснулась поверхности воды.

– Да! – негромко сказал Джим. – Пора! – Он откинулся назад и, совершая движение всем телом, потянул леску. – Да! И да! И да! – Говоря это, он каждый раз перехватывал леску, тащил правой, левой, снова правой. Но леска не поддавалась даже силе Джима.

– Это не рыба, – произнес Мансур. – Рыба не может быть такой сильной. Должно быть, ты зацепился за дно.

Джим ничего не ответил. Он старался изо всех сил, коленями упираясь в дно лодки, чтобы получить дополнительную точку опоры. Зубы его были стиснуты, лицо побагровело, глаза выпучились.

– Держите леску! – выдохнул он, и двое ребят вскочили, чтобы помочь ему, но не успели добраться до кормы, как Джим покачнулся и боком упал на дно лодки. Леска рвалась из его пальцев, и все почувствовали запах паленой плоти, как от бараньих ребрышек на углях: это леска кромсала кожу Джима.

Парень вскрикнул от боли, но упрямо не выпускал ее. Могучим усилием он прижал леску к планширю и попытался зафиксировать ее там, но только содрал еще раз кожу, когда костяшки пальцев ударились о дерево; одной рукой Джим стащил шапку, чтобы использовать ее как рукавицу. Все трое орали, как демоны в адском пламени:

– Помогите! Хватайте конец!

– Пусть уходит! У тебя распрямится крючок!

– Давай ведро. Налей воды. Сейчас леска загорится.

Зама сумел обеими руками ухватиться за леску, но даже вдвоем они вряд ли смогли бы помешать большой рыбе уйти. Леска, елозя по борту, шипела от напряжения, и парни чувствовали, с какой силой ее тянет зубан.

– Ради Христа, смочи ее! – крикнул Джим, и Мансур зачерпнул за бортом полное ведро и вылил воду ребятам на руки и на шипящую леску. Когда лески коснулась вода, поднялся столб пара. – Мансур, живее, живее! Привяжи второй конец!

Мансур действовал быстро, с проворством и ловкостью, которыми славился, но и он едва успел. Как только он затянул узел, леска вырвалась и, рассекая мальчику кожу на пальцах, ушла в зеленые глубины.

– Остановись! – умолял Джим рыбу. – Ты хочешь убить нас, Джули? Остановись, моя красавица.

– Еще полсекунды, и леска ускользнула бы, – заметил Мансур. – Джим, позволь осмотреть тебя. У нас кровь по всей палубе.

– Нет, нет! – яростно помотал головой Джим. – Джули сбавляет прыть. Скоро сердце не выдержит.

– У нее или у тебя? – спросил Мансур.

– Тебе надо выступать на сцене, брат, – мрачно посоветовал ему Джим. – Здесь твои таланты пропадают.

Бег лески начал замедляться. Пройдя через израненные пальцы, она совсем остановилась.

– Оставь ведро с водой, – скомандовал Джим. – Хватайтесь за леску.

Парни, объединив усилия, встали на палубе от носа до кормы, согнувшись вдвое и пропуская леску меж ног.

– Раз-два, взяли! – синхронизировал их движения Джим, и они потянули леску, вложив все свои силы в рывок. Цепь начала подниматься; Мансур, стоявший последним, сворачивал ее. Еще четырежды большая рыба собиралась с силами и пыталась уплыть, но парни заставляли ее вернуться, и каждый раз леска уходила на все меньшую глубину. Силы рыбы медленно убывали.

Наконец Джим, стоявший на линии первым, радостно крикнул:

– Вот она! Я вижу ее внизу!

Рыба глубоко под корпусом лодки пошла по кругу. Когда она поворачивала, ее бронзово-красный бок поймал солнечный луч и заблестел, как зеркало.

– Милостивый Иисус, она прекрасна! – Джим разглядел огромный круглый золотой глаз, глядящий на него сквозь изумрудную воду.

Зубан судорожно раскрывал и закрывал пасть, жабры раздувались, посылая в организм кислород, которого сейчас не хватало рыбе. Пасть была такой большой, что в нее поместились бы голова и плечи взрослого мужчины, и ее усеивали ряды острых зубов длиной с указательный палец.

– Теперь я верю в рассказ дяди Дорри. – Джим тяжело дышал от напряжения. – Эти зубы легко могут перекусить ногу человека.

Наконец, спустя два часа после того, как рыба схватила приманку, она оказалась рядом с лодкой. Втроем ребята с трудом подняли гигантскую голову из воды. Как только они это сделали, рыба принялась в последний раз отчаянно биться. Тело ее было длиной в половину роста высокого мужчины, а толщиной в середине с шотландского пони. Рыба изгибалась так, что ее нос коснулся широких плавников хвоста сначала с одной стороны, потом с другой. Столбы морской воды заливали юношей; все трое промокли так, словно стояли под водопадом. Но продолжали держать, пока яростные спазмы не ослабли. Джим сказал:

– Держите ее. Она готова к встрече со священником.

Он достал из-под транца дубинку. Ее конец был утяжелен свинцом, сама дубинка была отлично уравновешена и увесисто лежала в правой руке. Джим высоко поднял ее над рыбьей головой и вложил весь свой вес в удар, который пришелся в костный бугорок над блестящими желтыми глазами. Массивное тело застыло, предсмертная дрожь пробежала по сверкающим солнечно-красным бокам. Потом жизнь ушла из тела, и рыба белым брюхом вверх поплыла рядом с лодкой, раскрыв пластинчатые жабры, словно это был дамский веер.

Вспотевшие, промокшие, тяжело дыша, лелея поврежденные руки, молодые люди держались за транец и с благоговением разглядывали убитое ими удивительное существо. У них не было подходящих слов, чтобы выразить торжество и одновременно грусть, веселье и печаль, которые охватывают охотника после того, как кульминация миновала.

– Именем пророка, это сущий Левиафан, – негромко сказал Мансур. – Рядом с ним я чувствую себя таким маленьким...

– Акулы будут здесь с минуты на минуту, – нарушил очарование мгновения Джим. – Помогите поднять ее на борт.

Ребята продели в жабры веревку и все вместе взялись за нее. Ялик опасно накренился, когда они втаскивали рыбу. Лодка едва вместила добычу, на банках негде было сесть, поэтому пришлось примоститься на планшире. Сорванная с рыбы чешуйка плыла рядом; она была размером с золотой дублон и так же ярко блестела.

Мансур подобрал ее, повернул так, чтобы в ней отразилось солнце, и с восхищением смотрел на нее.

– Надо отвезти эту рыбу домой, в Хай-Уэлд, – сказал он.

– Зачем? – резко спросил Джим.

– Чтобы показать семье, моему отцу и моему.

– К ночи она утратит цвет, чешуйки высохнут и потускнеют, а мясо начнет гнить и вонять. – Джим покачал головой. – Я хочу запомнить ее такой, во всем ее великолепии.

– Так что нам с ней делать?

– Продадим начальнику интендантской службы корабля ВОК.

– Такое замечательное создание. Продать его, как мешок картошки? Это святотатство, – заявил Мансур.

– Даю тебе зверей земных и рыб морских. Убивай! Ешь! – прочитал по памяти Джим. – Бытие. Слова самого Бога. Как это может быть святотатством?

– Твоего Бога, не моего, – возразил Мансур.

– Он один и тот же Бог, твой и мой. Мы только называем его по-разному.

– Он и мой Бог, – не пожелал остаться в стороне Зама. – Кулу-Кулу, величайший из великих.

Джим перевязал раненую руку клочком ткани.

– В таком случае именем Кулу-Кулу. Этот зубан – пропуск на борт голландского корабля. Я хочу использовать его как рекомендательное письмо к интенданту. Я собираюсь продать ему не только рыбу, но все, что производит Хай-Уэлд.

В спину ребятам со скоростью десять узлов дул свежий северо-западный ветер, они смогли поставить единственный парус и быстро прошли по заливу. Под защитой пушек крепости на якорях стояли восемь кораблей. Большинство здесь находились уже несколько недель и обеспечили себя провизией.

Джим показал на судно, пришедшее последним.

– Они много месяцев не ступали на сушу. И истомились по свежей пище. Вероятно, уже всю страдают от цинги. – Джим повернул руль, пробираясь между кораблями. – После того что они с нами сделали, непременно надо на них нажать.

Все Кортни были купцами до мозга костей, и даже для самых молодых из них слово «прибыль» имело священный смысл. Джим направился к голландскому кораблю. Это был высокий трехпалубный бриг, с двадцатью пушками с каждого борта и квадратными парусами на трех мачтах – большой и широкий, хорошо вооруженный купец, под вымпелом компании ВОК и флагом Голландской республики. Когда подошли ближе, стал виден ущерб, причиненный корпусу бурями. Судну явно пришлось в плавании нелегко. Еще ближе Джим рассмотрел на корме поблекшие золоченые буквы: *Het Gelukkige Meeuw*, «Золотая чайка»! Джим улыбнулся тому, насколько не идет старому паруснику это пышное название. Но тут его зеленые глаза сузились от удивления и интереса.

– Женщины, клянусь Богом! – Он показал вперед. – Сотни женщин.

Мансур и Зама вскочили, вцепились в мачту и вглядывались вперед, заслоня глаза от солнца.

– Ты прав! – воскликнул Мансур.

Женщины, кроме жен бюргеров, их флегматичных и строго охраняемых дочерей и проституток из портовых таверн, – большая редкость на мысе Доброй Надежды.

– Только посмотрите на них! – благоговейно выдохнул Джим. – Только посмотрите на этих красавиц.

Вся передняя часть палубы была заполнена женщинами.

– Откуда ты знаешь, что они красавицы? – спросил Мансур. – Мы слишком далеко, чтобы судить. Небось уродливые старухи.

– Нет, Бог не может быть к нам так жесток. – Джим возбужденно рассмеялся. – Каждая из них – ангел небесный. Я просто знаю.

На юте расположилась небольшая группа офицеров, а матросы уже работали, заменяя поврежденные балки и обновляя корпус. Но трое в ялике видели только женские фигуры на палубе. До ребят снова донеслось зловоние, и Джим в ужасе произнес:

– У них на ногах кандалы.

У него из троих было самое острое зрение, и он заметил, что женщины бредут по палубе цепочкой, скованные, как рабы.

– Осужденные, – согласился Мансур. – Твои ангелы небесные – осужденные преступницы. Страшны как смертный грех.

Теперь юноши подплыли достаточно близко, чтобы разглядеть черты лица этих обворванных, их серые немытые волосы, беззубые рты, сморщенную старческую кожу, ввалившиеся глаза, уродливые синяки и цинготные опухоли. Женщины тупым, безнадежным взглядом смотрели на приближающуюся лодку, не проявляя ни интереса, ни эмоций.

Даже похоть Джима несколько поутихла. Перед ребятами были не люди, а избитые, измученные животные. Их парусиновые платья-рубашки были грязны и изорваны. Очевидно, они не снимали их с самого Амстердама, а воды у них не было не только на стирку, но и на то, чтобы вымыться. У мачтовых кнехтов и на юте, нависающем над палубой, стояли стражники, вооруженные мушкетами. Когда ялик приблизился на расстояние окрика, офицер в голубом флотском мундире подошел к борту и поднес к губам рупор.

– Отойдите! – приказал он по-голландски. – Это корабль-тюрьма. Держитесь в стороне, или мы будем стрелять.

– Он серьезно, Джим, – сказал Мансур. – Давай уберемся отсюда.

Джим не обратил внимания на его слова и поднял одну из рыбин.

– Vars vis! – закричал он в ответ. – Свежая рыба! Только что из моря. Поймана час назад.

Офицер у поручня помедлил в нерешительности, и Джим воспользовался представившейся возможностью.

– Посмотрите! – Он пнул большую тушу, занимавшую всю лодку. – Зубан. Лучшее мясо во всем море! Здесь достаточно, чтобы неделю кормить всех на борту.

– Подождите! – Офицер торопливо направился к группе, расположившейся на юте. Последовало недолгое обсуждение, и он вернулся к борту.

– Хорошо. Подойдите. Но держитесь подальше от нашего носа. Цепляйтесь за корму.

Мансур спустил маленький парус, и ребята на веслах прошли вдоль корабля. У трапа стояли три матроса, нацелив на ялик мушкеты.

– Никаких фортелей, – предупредил офицер, – если не хотите получить пулю в живот. Джим благодарно улыбнулся, глядя вверх, и показал пустые руки.

– Мы не причиним никакого вреда, минхеер. Мы честные рыбаки.

Его по-прежнему привлекали ряды закованных в кандалы женщин, он с отвращением и жалостью смотрел, как они печальной вереницей бредут вдоль ближнего борта. Но тут все внимание пришлось уделить подходу к паруснику. Джим все проделал с хваткой опытного моряка, и Зама бросил конец троса матросу, ждавшему наверху.

Корабельный интендант, полный лысый мужчина, перегнулся за борт и принялся изучать предлагаемый товар. Гигантская туша зубана произвела на него впечатление.

– Не хочу кричать. Поднимайся, поговорим, – произнес он и приказал матросам спустить веревочную лестницу. Джим только и ждал этого приглашения: он, как акробат, взобрался по пострадавшему от бурь боку корабля и прыгнул рядом с толстяком, шлепнув босыми ногами о палубу.

– Почему? – Вопрос интенданта прозвучал двусмысленно, и он расчетливым взглядом педераста осмотрел тело Джима. «Отличный кусок мяса», – подумал он, разглядывая мускулистые руки и плечи, длинные красивые ноги, отличный загар.

– Пятнадцать серебряных гульденов за всю рыбу на борту. – Джим сделал ударение на слове «рыбу»: ему был очевиден интерес интенданта.

– Ты что, рехнулся? – ответил толстяк. – Ты вместе с твоей грязной лодкой и половины этого не стоишь.

– Лодка и я не продаюсь, – с удовольствием заверил Джим. Торгуясь, он был в своей стихии. Отец хорошо выучил его. Джим не испытывал никаких угрызений совести, используя пристрастие интенданта к мальчикам, чтобы выторговать у него лучшую цену. Они сошлись на восьми гульденах.

– Одну рыбу я хочу оставить для семейного обеда, – сказал Джим, и интендант усмехнулся.

– Здорово торгуешься, керел!

Он плюнул на правую руку и протянул ее. Джим плюнул себе на ладонь, и они обменялись рукопожатием, закрепляя сделку.

Интендант дольше необходимого задержал руку Джима.

– Что еще можешь предложить, молодой жеребец?

Он подмигнул и провел языком по толстым, потрескавшимся от солнца губам.

Джим ответил не сразу. Он подошел к борту и стал наблюдать, как экипаж «Золотой чайки» опускает в лодку сетку, чтобы забрать улов. Мансур и Зама с большим трудом уложили в нее зубана. Рыбу подняли наверх и вывалили на палубу. Джим повернулся к интенданту.

– Могу предложить доставить свежие овощи: картошку, лук, тыквы, фрукты – все, что хотите, за половину цены, которую вам пришлось бы заплатить, если покупать на огородах компании, – сказал Джим.

– Ты хорошо знаешь, что это монополия ВОК, – ответил толстяк. – Мне запрещено покупать у частных продавцов.

– Это можно поправить, сунув несколько гульденов в нужный карман. – Джим пальцем коснулся носа. Все хорошо знали, как легко подкупить чиновников компании на Доброй Надежде. Здесь продажность – образ жизни.

– Ну хорошо. Привези все лучшее, что у тебя есть, – согласился интендант и по-отечески положил руку на плечо парня. – Но смотри, чтобы тебя не поймали. Я совсем не хочу, чтобы такого красивого мальчика хлестали кнутом.

Джим постарался уклониться от его прикосновения, но почти незаметно: никогда не расстраивай покупателя. На палубе возникло неожиданное смятение, и, благодарный за возможность уйти от назойливого внимания потного интенданта, Джим оглянулся.

Первую группу женщин вели назад, на нижнюю палубу, а навстречу им из трюма поднимались, чтобы прогуляться на свежем воздухе, другие. Джим взглянул на девушку, шедшую первой в новой группе осужденных. Дыхание его участилось, кровь громко застучала в висках. Девушка была высокая, но страшно худая и бледная. Одета в балахон из грязной парусины с таким изношенным подолом, что в дыры видны колени. Ноги тонкие и костлявые, плоть словно истаяла от голода, руки такие же. Под бесформенным платьем тело каза-

лось мальчишеским, ему не хватало округлых женских форм. Но Джим не смотрел на ее фигуру – он смотрел девушке в глаза.

Голова у девушки была маленькая, грациозно сидящая на длинной шее, как нераспустившийся тюльпан на стебле. Кожа была безупречная и такая прозрачная, что Джиму показалось, будто он видит сквозь нее кости скелета. Даже в отчаянных обстоятельствах девушка явно старалась окончательно не погружаться в пучину безысходности и безразличия. Волосы она убрала с лица назад и каким-то образом умудрилась расчесать их и сохранить в чистоте. Они доходили ей до талии, тонкие, как китайский шелк, светлые и блестящие, как золотая гиней на солнце. У Джима перехватило дух почти на минуту от ее взгляда. Радужки глаз у нее были голубые, цвета африканского неба в полдень. Когда девушка впервые посмотрела на Джима, ее глаза широко раскрылись. Потом рот приоткрылся, и показались зубы, ровные и белые, без щелей между ними. Девушка резко остановилась, и шедшая за ней женщина наткнулась на нее. Обе потеряли равновесие и едва не упали. Зазвенели цепи на ногах, и еще одна женщина злобно зашипела на девушку с акцентом антверпенских доков:

– Шагай, принцесса, шевели киской, красотка.

Девушка, казалось, ничего не заметила. К ней подошел один из тюремщиков.

– Двигай, глупая корова.

Концом хлыста с узлами он ударил девушку по обнаженной руке, оставив яркий красный рубец. Джим с трудом сдержался, чтобы не броситься на защиту, и ближайший стражник уловил его движение. Он повернул мушкет стволом в сторону Джима. Парень сделал шаг назад. Он прекрасно представлял, что на таком расстоянии дробь разорвет ему живот и выпустит внутренности. Девушка заметила его нерешительность и по-своему поняла ее. Она двигалась, на ходу растирая рубец, от боли у нее выступили слезы. Проходя мимо Джима, она не отводила измученного взгляда от его лица. Парень стоял неподвижно, словно врос в палубу. Он знал, что говорить с девушкой опасно и бессмысленно, но слова вырвались раньше, чем он сумел прикусить язык, и в его голосе звучала жалость:

– Да тебя совсем заморили голодом.

Легкое подобие улыбки тронуло ее губы, но больше она ничем не показала, что слышала его. Старая ведьма за спиной у девушки подтолкнула ее.

– Тебе сегодня не достанется молодой петушок, твое высочество. Придется пользоваться собственным пальцем. Шагай.

И девушка пошла по палубе, прочь от Джима.

– Позволь дать тебе совет, керел, – сказал интендант за его плечом. – Не связывайся с этими тварями. Это кратчайший путь в ад.

Джим изобразил улыбку.

– Я человек храбрый, но не глупый. – Он протянул руку, интендант отсчитал восемь серебряных гульденов и положил ему в ладонь. Джим перенес ногу через борт. – До встречи. Завтра утром я привезу овощи. Потом мы сможем вместе сойти на берег и выпьем грогу в одной из таверн. – Опускаясь в ялик, он пробормотал: – Тогда я смогу сломать тебе шею и обе жирные ноги.

Джим занял место у руля.

– Отходим. Подними парус, – велел он Заме и повернул ялик по ветру. Лодка двинулась вдоль борта «Золотой чайки». Орудийные порты были открыты, чтобы впустить на палубу свежий воздух. Оказавшись на уровне одного из портов, Джим заглянул в него. Картина заполненной людьми, зловонной палубы наводила на мысли об аде, а отвратительный запах – о свинарнике или выгребной яме. В тесном помещении с низким потолком месяцами непрерывно находились сотни людей.

Джим перевел взгляд с порта на поручень высоко над головой. Парень по-прежнему подсознательно искал девушку, однако не думал, что увидит ее. Но тут сердце его забилося

сильнее: на него смотрели неправдоподобно голубые глаза. Цепочка женщин брела вдоль борта.

– Имя! Как тебя зовут? – крикнул Джим. Он вдруг сообразил, что это сейчас для него самое важное в мире.

Ее ответ унес ветер, но он прочел его по губам:

– Луиза.

– Я вернусь, Луиза. Не вешай нос, – безрассудно пообещал он, и девушка без всякого выражения взглянула на него. И тогда он сделал нечто еще более безрассудное. Понимая, что девушка умирает с голоду, Джим поднял со дна лодки розового тупорыла, которого не стал продавать. Тот весил почти десять фунтов, но парень легко подбросил его. Луиза протянула руки и схватила рыбу, на ее лице появилось выражение отчаяния. Уродливая проститутка, шедшая за ней, прыгнула вперед и попыталась вырвать у нее добычу. Немедленно три или четыре женщины вмешались в схватку, они дрались из-за рыбы, как стая волчиц. Подбежали тюремщики и стали стегать узниц хлыстами с узлами на веревках. Джим с отвращением отвернулся, его сердце разрывалось от жалости и какого-то иного чувства, которого он никогда не испытывал прежде.

Трое плыли в мрачном молчании, но каждые несколько минут Джим оглядывался на тюремный корабль.

– Ты ничего не можешь для нее сделать, – сказал наконец Мансур. – Забудь о ней, брат. Она для тебя недоступна.

Лицо Джима потемнело от гнева и раздражения.

– Правда? Думаешь, ты все знаешь, Мансур Кортни? Посмотрим. Посмотрим!

Впереди на берегу один из конюхов держал в упряжи нескольких мулов, готовых вытащить ялик из воды.

– Не сидите, как бакланы, которые сушат крылья на скалах! – рявкнул на ребят Джим. – Убрать парус! – Его охватил гнев, не направленный ни на что конкретное.

Парни остановились на краю прибоя, приготовив весла и поджидая подходящую волну. Увидев ее, Джим крикнул:

– Вот она. Вместе – р-раз!

Волна подхватила их, и мальчики с замиранием сердца понеслись на ее гребне к берегу. Волна далеко протащила их и отхлынула, оставив ялик на песке. Все спрыгнули, подбежал конюх, и ялик быстро привязали к цепи. Юноши трусили рядом с мулами, подгоняя их, пока ялик не оказался выше границы прилива, потом отвязали его.

– Упряжка нам снова понадобится завтра рано утром, – сказал Джим конюху. – Держи ее наготове.

– Значит, мы снова отправимся на этот проклятый корабль? – спокойно спросил Мансур.

– Отвезем овощи. – Джим старательно изобразил невинность.

– А что ты хочешь получить взамен? – с такой же деланной небрежностью поинтересовался Мансур.

Джим легко ущипнул его за руку, и ребята сели на неоседланных мулов. Джим ехал на последнем. Он все время смотрел на стоящий в заливе тюремный корабль. Мулы проследовали вдоль берега лагуны, потом вверх по холму к белым постройкам складов и поместья. Том Кортни назвал его Хай-Уэлд – в честь большого дома в Девоне, где они с Дорианом родились и который не видели уже много лет. Только название и было общим у этих двух домов. Здешнее здание было в капском стиле. Крыша покрыта толстым слоем тростника. Грациозные фронтоны и арка, ведущая в центральный двор, созданы известным голландским архитектором Анрейтом. Название поместья и семейный герб помещены в центре сложной фрески над аркой, в окружении херувимов и святых. На гербе изображена пушка с

длинным стволом на колесном лафете, а на ленте внизу написано: «ТКБК» – Торговая компания братьев Кортни. И на отдельной табличке: «Хай-Уэлд, 1711». Дом построили в тот год, когда родились Джим и Мансур.

Когда юноши с грохотом въехали на мощный булыжником внутренний двор, из двери главного склада показался Том Кортни, крупный мужчина ростом больше шести футов, с тяжелыми мощными плечами. Черная борода в полосках серебра, лысину окружают густые космы волос, спадающих на плечи. Живот, некогда плоский и твердый, теперь приобрел солидный объем. Лицо в морщинах от частого смеха, в глазах – уверенность преуспевающего человека.

– Джеймс Кортни! Тебя так долго не было, что я забыл, как ты выглядишь. Приятно, что ты заглянул к нам, не намерен ли ты сегодня поработать?

Джим виновато ссутулился.

– Нас едва не потопил голландский парусник. Потом мы поймали красного зубана величиной с телегу. Два часа его вытаскивали. Пришлось продать его на одно из судов в заливе.

– Клянусь Иисусом, парень, у тебя было хлопотное утро. Не рассказывай о своих дальнейших горестях, позволь догадаться самому. На вас напал французский военный корабль, а потом погнался раненый гиппопотам. – Том захохотал от собственной шутки. – Так сколько ты получил за зубана размером с телегу?

– Восемь серебряных гульденов.

Том присвистнул.

– Должно быть, настоящее чудовище.

Но тут его лицо стало серьезным.

– Это не причина, мальчик. Я не давал тебе неделю отпуска. Ты должен был вернуться несколько часов назад.

– Я торговался с интендантом голландского корабля, – ответил Джим. – Он возьмет всю провизию, которую мы доставим, и по хорошей цене, папа.

Взгляд Тома из добродушного сделался пронизательным.

– Похоже, ты действительно не терял времени зря. Молодец, парень.

В это мгновение из дверей кухни на противоположном конце двора появилась красивая женщина ростом почти с Тома. Волосы ее были убраны в тяжелый пучок, а закатанные рукава открывали полные загорелые руки.

– Том Кортни, неужто ты не понимаешь, что бедный ребенок ушел сегодня не позавтракав? Пусть поест сначала, а потом уже будешь его ругать.

– Сара Кортни, – ответил Том, – этому твоему бедному ребенку давно уже не пять лет.

– Тебе тоже пора поесть, – отозвалась Сара. – Мы с Ясмими и девушками все утро провозились на кухне. Ступайте немедленно, вы все.

Том, сдаваясь, поднял руки.

– Сара, ты тиран, но я готов съесть буйвола вместе с рогами, – сказал он. Том спустился с веранды, одной рукой обнял за плечи Джима, другой Мансура и повел их к дверям кухни, где с выпачканными в муке руками ждала Сара.

Зама повел упряжку мулов к конюшне.

– Зама, передай моему брату, что женщины ждут его на ленч! – крикнул ему вслед Том.

– Передам, баас.

Обращаясь к хозяину Хай-Уэлда, Зама воспользовался самой почтительной формой.

– Как только поешь, возвращайся сюда со всеми людьми, – предупредил его Джим. – Нужно будет подготовить груз на завтра для «Золотой чайки».

На кухне хлопотало множество женщин, в основном освобожденных домашних рабынь, изящных золотокожих обитательниц Батавии. Джим прижал мать к груди.

– Не будь олухом, Джеймс. – Сара сделала вид, что сердится на него, но покраснела от удовольствия, когда он поднял ее и поцеловал в обе щеки. – Немедленно поставь меня и дай заняться делом.

– Ну, если ты меня не любишь, то тетя Ясси души во мне не чаёт. – Джим подошел к стройной миловидной женщине, обнимавшей своего сына. – Эй, Мансур! Теперь моя очередь. – И забрал Ясмину из объятий Мансура. Она была в длинном платье-гагра¹ и в яркой шелковой блузке.

Ясмину была стройна и легка, как девушка, кожа у нее цвета золотистого янтаря, раскосые глаза темны, как оникс. Белоснежная прядь в густых черных волосах – не признак старости: Ясмину, как и ее мать и бабушка, родилась с этой прядью.

Женщины суетились вокруг мужчин, а те расселись за длинным столом желтого дерева, уставленным чашками и тарелками. Здесь были блюда с бобути² по-малайски, из баранины с приправами, яйцами и йогуртом, огромный пирог с олениной и картошкой (газель добыли в вельде Джим и Мансур), ломти хлеба, горячего, только что из печи, глиняные плошки с желтым сливочным маслом, кувшины с густой простоквашей и пивом.

– Где Дориан? – поинтересовался Том, сидящий во главе стола. – Опять опаздывает!

– Кто-то меня звал? – В кухню вошел Дориан, стройный и подтянутый, красивый и добродушный, с волосами цвета меди, такими же, как и у его сына. На нем были высокие сапоги для верховой езды, запыленные до колен, и широкополая соломенная шляпа. Он взмахнул ею, и женщины радостным хором поздоровались с ним.

– Тише вы! Раскудахтались, как куры, к которым в курятник забрался шакал, – взревел Том. Шум чуть-чуть притих. – Давай, Дорри, садись, пока женщины вконец не спятили. Послушаем рассказ о гигантском зубане, которого поймали ребята, и о том, как они договаривались с кораблем ВОК в гавани.

Дориан устроился рядом с братом и взрезал ножом корку пирога. До самых балок под высоким потолком поднялся столб ароматного пара, и все одобрительно зашумели. Сара принялась накладывать еду на голубые, с изображением листьев ивы, тарелки, комната наполнилась голосами, мужчины смеялись, женщины демонстрировали свою привязанность к ним.

– А что с нашим мальчиком Джимом? – Сара обратилась к мужу через весь стол. Чтобы он ее услышал, ей пришлось повысить голос.

– Ничего, – отозвался Том, поднося ко рту полную ложку. Он пристально посмотрел на сына. – Или все-таки?..

Постепенно над столом повисла тишина, все обратили свои взоры на Джима.

– Почему ты не ешь? – с тревогой спросила Сара. Аппетит Джима был в семье притчей во языцех. – Тебе нужна сера с патокой³?

– Все в порядке, я просто не голоден. – Джим поедая глазами кусок пирога, к которому почти не притронулся, потом оглядел лица окружающих. – Ну что уставились? Я не собираюсь лечь и помереть.

Сара продолжала смотреть на него:

– Что случилось?

Джим знал, что мать видит его насквозь, словно он стеклянный. Он вскочил.

– Прошу меня извинить. – Джим отодвинул стул и вышел из кухни во двор.

Том встал, намереваясь пойти за ним, но Сара покачала головой.

¹ Хлопчатобумажное платье, украшенное вышивкой, бисером и т. п. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Южноафриканское блюдо из мяса с приправами и яйцами.

³ Применялось как слабительное.

– Оставь его, – сказала она, и муж послушно опустил на стул. Только один человек мог отдавать приказы Тому Кортни. Контрастируя с недавним приподнятым настроением, комнату окутала тяжелая тревожная тишина.

Сара обвела взглядом сидящих за столом.

– Что сегодня произошло, Мансур?

– Джим поднимался на борт тюремного корабля... И увидел там нечто огорчительное.

– Что же? – осведомилась Сара.

– Корабль полон осужденных женщин. Они в цепях, их бьют, они голодают. Из трюма несет, как из свинарника. – В голосе Мансура смешивались отвращение и жалость. Все молчали, представив описанную Мансуром картину.

Потом Сара негромко произнесла:

– И одна из женщин на борту молодая и красивая.

– Откуда ты знаешь? – удивленно вскинул брови Мансур.

Джим миновал арку и спустился по холму к загону на краю лагуны. Когда из-за леса стала видна дорога, парень сунул в рот два пальца и свистнул. Жеребец пасся в стороне от остальных лошадей, у самой воды. Услышав свист, конь поднял голову, и прядка на его лбу сверкнула на солнце, как диадема. Он изогнул шею, раздул широкие, характерные для арабских коней ноздри и посмотрел на Джима блестящими глазами. Джим снова свистнул.

– Ко мне, Драмфайр⁴, – позвал он. – Ко мне!

Жеребец в несколько шагов перешел на полный галоп. Для такого крупного животного он двигался с изяществом антилопы. Джим взглянул на него, и его мрачное настроение начало рассеиваться. Шкура животного блестела, словно промасленное красное дерево, а гриву относил назад, как боевой выпел. Подкованные сталью копыта вырывали куски зеленого дерна, а их топот напоминал ураганный огонь батареи орудий. В честь этого Джим и назвал коня.

На гонках в прошлое Рождество, выступая на Драмфайре против бюргеров колонии и офицеров кавалерийского отряда, Джим выиграл губернаторский приз – золотую пластину. Драмфайр доказал, что он самый быстрый жеребец во всей Африке, и Джим отверг предложенные ему за коня полковником Стефанусом Кайзером, командиром гарнизона, две тысячи гульденов. Всадник и лошадь в тот день победили, но друзей не приобрели.

Драмфайр несся по тропе прямо на Джима. Ему нравилось заставлять хозяина отступать. Но Джим остался на месте, и в самое последнее мгновение Драмфайр свернул – так близко, что поднятый им ветер взъерошил Джиму волосы. Жеребец резко остановился, взмахнул головой и заржал.

– Баловник, – сказал ему Джим. – Веди себя прилично.

Внезапно став ласковым, как кошка, Драмфайр ткнулся носом в грудь Джима и стал обнюхивать карманы, пока не учуял запах сливового пирога.

– Сладостен! – строго произнес Джим.

Драмфайр толкал его головой, вначале легко, потом все сильнее и требовательнее, так что парень едва не падал.

– Ты этого не заслуживаешь, но... – смягчился Джим и достал пирог. Драмфайр зарылся мордой в его ладони и мягкими бархатными губами подобрал все до последней крошки. Джим вытер пальцы о его лоснящуюся шею, потом положил руку на холку коня, легко вскочил ему на спину и слегка сжал бока. Драмфайр двинулся с места и вскоре перешел на свой неподражаемый аллюр, так что ветер срывал слезинки с уголков глаз всадника. Они неслись по берегу лагуны, но когда Джим большим пальцем ноги коснулся шеи жеребца,

⁴ Ураганный огонь (англ.).

тот без колебаний повернул и бросился в воду, обратив в бегство косяк кефали; рыбы разлетелись по зеленой поверхности, как горсть серебряных гульденов. Драмфайр мгновенно оказался на глубине, и Джим слез с него и поплыл рядом. Он ухватился за длинную гриву и позволил жеребцу тащить себя на буксире. Плавание было страстью Драмфайра, и он от удовольствия громко фыркал. Как только ноги коня нащупали землю противоположного берега, Джим сел ему на спину, и они галопом вылетели из воды.

Джим повернул вниз по течению, они пересекли высокие дюны, оставляя в белом песке глубокие отпечатки копыт, и оказались на другой стороне, где шумел высокий прибой. Драмфайр не останавливаясь пролетел по кромке воды, он несясь по плотному влажному песку, потом, когда на берег накатилась волна, оказался по брюхо в соленой воде. В конце концов Джим перевел коня на шаг. Жеребец совершенно развеял его мрачное настроение, гнев и чувство вины исчезли, их унес ветер. Джим подпрыгнул и во весь рост встал на спине коня, и Драмфайр изменил шаг так, чтобы всадник удерживал равновесие. Это был трюк, которому они научили друг друга.

Джим с высоты осмотрел залив. «Золотая чайка» повернулась и стояла теперь боком к берегу. Издали она казалась приличной и респектабельной, как жена бюргера, ничем не выдавая, какие ужасы таятся за ее тусклым бортом.

– Ветер меняется, – сказал Джим Драмфайру, который наострил уши, прислушиваясь к голосу хозяина. – Несколько дней будет бушевать буря. – Он представил себе, каково будет на нижней палубе корабля-тюрьмы: залив открыт на запад, а буря идет с той стороны. Сразу вернулось мрачное настроение.

Джим сел верхом и, немного успокоившись, направился к крепости. К тому времени как они добрались до массивных каменных стен, его одежда просохла, но сапоги, сшитые из шкуры куду, оставались сырыми.

Капитан Гуго ван Хоген, квартирмейстер гарнизона, находился у себя в кабинете, вблизи главного порохового склада. Он дружески поздоровался с Джимом и предложил трубку с турецким табаком и чашку арабского кофе. От табака Джим отказался, но с удовольствием выпил темный горький напиток, к которому его приучила тетя Ясмینی. Джим и квартирмейстер были знакомы давно. Между ними был уговор, что Джим – неофициальный представитель всей семьи Кортни. Если Гуго подписывал документ, что компания не может поставить на корабль продовольствие, любой частный торговец, упомянутый в этом документе, имел право восполнить нехватку.

К тому же Гуго был заядлым рыболовом, и Джим пересказал ему сагу о зубане под возгласы «Ag пее, парень» и «Dis пее wag пее! Это неправда!».

Когда Джим распрощался с Гуго, пожав ему руку, в кармане у него лежала лицензия, позволяющая Торговой компании братьев Кортни продать провизию голландскому кораблю.

– В субботу я снова приду и выпью с вами кофе. – Джим подмигнул.

Гуго радостно кивнул.

– Я буду искренне рад, мой молодой друг.

По долгому опыту он знал, что Джим принесет комиссионные – кошель с золотыми и серебряными монетами.

Вернувшись в конюшню Хай-Уэлда, Джим сам обтер жеребца, не доверяя это конюхам, и оставил его у яслей с кукурузой, политой патокой. Драмфайр – сладкоежка.

Поля и сады поместья кишели освобожденными рабами, занятыми сбором овощей и фруктов для «Золотой чайки». Большая часть корзин была уже наполнена картошкой и яблоками, тыквами и репой. За работой приглядывали Том и Мансур. Джим оставил их за этим занятием, а сам прошел на бойню. В просторном холодном помещении без окон с крюков на потолке свешивалось множество туш недавно забитых овец. Джим достал из ножен на поясе клинок и, прежде чем присоединиться к своему дяде Дориану, привычно наострил лезвие

на точильном камне. Чтобы приготовить необходимое кораблю, всем в поместье пришлось засучить рукава. Освобожденные рабы тащили из загона персидских овец с жирными курдюками, переворачивали, хватали за голову и перерезали горло ударом ножа. Другие подвешивали убитых животных на крюки и срезали окровавленную шкуру.

Несколько недель назад Карл Отто, мясник поместья – как знал о голландском корабле, – заполнил копильню окороками и сосисками. На кухне женщины – от самых молодых до старух – помогали Саре и Ясмине раскладывать в посуду соленые и маринованные овощи и фрукты.

Несмотря на все усилия, полдень уже давно миновал, когда вереница запряженных мулами повозок с грузом двинулась к берегу. Продукты перегружали в шлюпки почти всю ночь, и когда закончили, уже занимался рассвет.

Вопреки опасениям Джима, ветер не усилился, волнение на море и прибой были вполне сносными, когда мулы стащили вниз по берегу тяжело нагруженные шлюпки. К тому времени как маленькая флотилия вышла в море, на востоке уже появились первые лучи солнца. Джим сидел у руля в первой шлюпке, а Мансур – за веслами.

– Что у тебя в мешке, Джим? – спросил он между гребками.

– Не спрашивай, а то совру.

Джим искоса взглянул на водонепроницаемый парусиновый мешок, лежавший у его ног. Говорил он негромко, чтобы не услышал отец. К счастью, Том Кортни, стоявший на носу, за годы, отданные охоте, столько раз стрелял из тяжелого мушкета, что слух его ослаб.

– Подарок для возлюбленной?

Мансур хитро улыбнулся в темноте, но Джим словно оглох. Стрела попала слишком близко к цели, чтобы он мог сохранять спокойствие. Он старательно упаковал в мешок кусок соленой, высушенной на солнце оленины – вездесущего билтонга капских буров, десять фунтов жестких корабельных сухарей, завернутых в ткань, складной нож и треугольный напильник, который стащил в мастерской имения, а также черепаший гребень матери и короткое письмо по-голландски на листке бумаги.

Они подошли к «Золотой чайке», и Том громко крикнул:

– Шлюпка с припасами! Прошу разрешения причалить к борту!

С корабля послышался ответный крик, и они подгребли и легко ударились о борт.

Подобрав под себя длинные ноги, Луиза Левен сидела на жесткой палубе в шумной полутьме, рассеиваемой только слабым светом фонарей для ночного боя. Плечи ее покрывало лишь очень тонкое хлопчатобумажное одеяло самого низкого качества. Орудийные порты были закрыты и забраны болтами. Охранники не хотели рисковать: берег рядом, и кое-кто из женщин мог решиться броситься в холодную зеленую воду, несмотря на риск угодить в пасть чудовищным акулам, которых привлекает многочисленная тюленья колония на острове Роббен. Когда днем женщин выводили на палубу, кок выбросил за борт полное ведро внутренностей зубана. И главный тюремщик показал женщинам треугольные плавники акул, торопившихся схватить окровавленные куски.

– Пусть ни одна грязнуля не попытается сбежать, – предупредил он.

В самом начале пути Луиза отвоевала себе место под одной из больших бронзовых пушек. Она была сильнее большинства состарившихся и изголодавшихся женщин и по необходимости научилась защищаться. Жизнь на борту походила на жизнь в стае диких животных: окружавшие ее женщины были опасны и безжалостны, как волчицы, но гораздо умнее и коварнее. С самого начала Луиза понимала, что должна раздобыть какое-нибудь оружие, поэтому оторвала медную полоску снизу орудийного лафета. Долгие ночные часы она затачивала эту полоску о ствол пушки, пока не получился обоюдоострый кинжал. Она оторвала край платья и сделала из него рукоять. И носила кинжал на поясе под платьем днем и ночью.

До сих пор ей пришлось порезать только одну женщину, Недду, из Фрисландии⁵, с мощными бедрами и толстым задом, с полными руками и сморщенным лицом, покрытым веснушками. Когда-то она была известной сводней, поставлявшей знатым людям продажных девок. Ее главным ремеслом была поставка детей богачам. Но она из жадности попыталась шантажировать своих клиентов.

Однажды жаркой тропической ночью, когда корабль лежал в дрейфе южнее экватора, Недда забралась на Луизу и придавила своей тяжестью. Луиза отбивалась и кричала, но никто из тюремщиков или других женщин не пришел ей на помощь. Напротив, они смеялись и подбадривали Недду:

- Покажи этой высокомерной суке!
- Ишь, как кричит! Ей это нравится!
- Давай, Недда! Засунь кулак в ее царскую дырку!

Почувствовав, что женщина толстым коленом раздвигает ей ноги, Луиза просунула руку вниз, достала кинжал и вспорола морщинистую щеку Недды. Та взревела и скатилась с нее, зажимая кровоточащую рану. Потом со стонами и всхлипываниями уползла в темноту. На следующей неделе рана воспалилась, и Недда, скорчившись, как медведица, сидела в самом темном углу нижней палубы – лицо ее раздулось вдвое, гной пропитывал грязную повязку и капал с подбородка, желтый и густой, как масло. С тех пор Недда держалась подальше от Луизы, и ее пример стал наукой для остальных женщин. Луизу оставили в покое.

Это ужасное плавание казалось Луизе вечностью. Даже во время передышки, когда «Золотая чайка» стояла на якоре в Столовом заливе, ее преследовала мысль о невероятности того, что ей пришлось пережить. Она поглубже забиралась в свое убежище под пушкой и дрожала, когда воспоминания пронзали ее, словно шипами. Женщины теснились вокруг. Их так плотно набили на нижнюю палубу, что было почти невозможно избежать прикосновений грязных тел, кишевших вшами. Во время штормов испражнения расплескивались из ведер и текли по палубе. От них промокала одежда женщин и тонкие одеяла, на которых они лежали. В короткие периоды спокойствия на море экипаж через люки пускал в трюм струи морской воды, и женщины пемзой драили доски палубы. Но все было напрасно, потому что в следующую бурю их снова покрывала грязь. На рассвете, когда открывали люки, женщины по очереди поднимались наверх и под насмешливые крики тюремщиков и моряков выливали ведра через борт.

По воскресеньям в любую погоду осужденных выгоняли наверх, их окружали стражники с заряженными мушкетами. Женщины в ножных кандалах, в рваных парусиновых платьях дрожали от холода, обхватив себя руками, их кожа синела и покрывалась зябкими мурашками, а тем временем священник Голландской реформатской церкви обличал их грехи. Когда это испытание заканчивалось, моряки развешивали на палубе парусину, загоняли за нее женщин и пускали струи морской воды из помп. Луиза и некоторые самые чистоплотные женщины раздевались и пытались смыть грязь. Парусину раздувало ветром, и укрыться за ней было почти невозможно; моряки за помпами свистели и обменивались непристойными замечаниями:

- Посмотри на титьки этой коровы!
- В эту большую волосатую гавань может войти военный корабль.

Луиза научилась прикрываться мокрым платьем; присев, она заслонялась от остальных женщин. Несколько часов чистоты стоили унижений, но как только платье высыхало и тепло тела пробуждало гнид, Луиза начинала чесаться. Своим бронзовым кинжалом она вырезала из дерева подобие гребня и каждый день часами вычесывала под орудием гнид из длин-

⁵ Провинция на севере Голландии.

ных золотистых волос и поросших волосами участков тела. Ее жалкие попытки сохранить чистоту словно подчеркивали неряшливость других женщин, и это приводило их в ярость.

– Вы только поглядите на ее проклятое высочество! Опять чешет волосню на своей дырке.

– Конечно. Она ведь лучше нас. Нешто ты не знала? Когда мы прибудем в Батавию, она выйдет замуж за губернатора.

– Пригласишь нас на венчание, принцесса?

– Недда будет твоей подружкой. Правда, Недда?

Шрам на толстой щеке Недды перекашивался из-за улыбки, но глаза в тусклом свете фонаря были полны ненависти.

Луиза научилась не обращать на них внимания. В дымном пламени фонаря, висевшего на крюке у нее над головой, она накаляла лезвие кинжала, потом проводила им по швам своего платья, и гниды с шипением лопались. Луиза вновь протягивала лезвие к огню и, пока держала его там, смотрела в узкую щель крышки оружейного порта.

Своим кинжалом она расширила щель, и у нее появилась возможность выглядывать наружу, хотя крышка была закрыта на всякий замок. Луиза многие недели пыталась ослабить свои ножные кандалы. Сажей от лампы она натерла следы надрезов на дереве, пальцами втирая ее в древесину, чтобы скрыть дело рук своих от корабельных офицеров, которые по воскресеньям, пока осужденные на верхней палубе слушали проповедь и мылись, тщательно обыскивали оружейную палубу. Луиза всегда возвращалась на место в ужасе, что ее работу обнаружили. А когда выяснялось, что этого не произошло, ее облегчение было так велико, что она начинала плакать.

Отчаяние постоянно было рядом; оно таилось, как дикий зверь, всегда готовое прыгнуть и овладеть ею. Не раз за прошедшие месяцы она затачивала кинжал так, что можно было сбрить волоски на руке. Потом пряталась под оружейным лафетом и нащупывала бие-ние жилки на запястье, где та проходит совсем близко к коже. Однажды она приложила лезвие к руке и собралась с силами, чтобы сделать разрез, но потом подняла голову и посмотрела на узкую полоску света, пробивающуюся через щель в крышке оружейного порта. Этот свет показался ей обещанием.

«Нет, – шепотом сказала она себе. – Я убегу. Я все вытерплю и убегу».

И чтобы подкрепить свою решимость, долгие дни, пока корабль шел сквозь бури южной Атлантики, она вспоминала о светлых, счастливых днях своего детства, которое теперь казалось таким далеким, словно в тумане. Она училась уходить в царство воображения, отгораживаться от реальности, в плену которой жила.

Она цеплялась за воспоминания об отце: вот Хендрик Левен в черном, застегнутом до самого подбородка костюме, вот его белый накрахмаленный кружевной воротник, любовно выглаженные матерью чулки на худых ногах, дешевые пряжки на башмаках с квадратными носами, начищенные так, что сверкали, словно чистое серебро. Мрачные черты под широкими полями высокой черной шляпы не вязались с озорными голубыми глазами. Цвет глаз Луиза унаследовала от него. Она помнила все его забавные и увлекательные рассказы. Когда она была маленькой, он каждый вечер уносил ее по лестнице вверх в кровать. Укрывал и сидел, рассказывая что-нибудь, пока она отчаянно боролась со сном. Став старше, она ходила с отцом в сад, держась за его руку, проходила по тюльпанным полям имения, отправляясь на ежедневные уроки. Сейчас она тайком улыбалась, вспоминая, с каким бесконечным терпением он отвечал на ее вопросы и какая у него была гордая улыбка, когда она после ничтожных подсказок находила решение математической задачи.

Хендрик Левен служил учителем в семье ван Риттерс, одной из самых влиятельных купеческих семей Амстердама. Козн ван Риттерс входил в число Семнадцати – совета директоров ВОК. Его склады тянулись по обоим берегам внутреннего канала на целую милю, и он

посредством флота из пятидесяти трех судов торговал со всем миром. Его сельское поместье было одним из великолепнейших в Голландии.

Зимой многочисленное семейство жило в Хоис-Брабанте, большом здании, выходящем на канал. У семьи Луизы в этом здании было три свои комнаты на самом верхнем этаже, и из окна своей спальни она видела тяжело груженные баржи и приходящие с моря рыбацкие лодки.

Однако больше всего ей нравилась весна. Тогда вся семья переселялась за город, в Моои-Уитсиг, их сельское поместье. В эти волшебные дни Хендрик с семьей жил в коттедже, который отделяло от большого дома озеро. Луиза помнила, как с наступлением тепла с юга прилетали большие стаи гусей. Они с плеском опускались на воду озера, и их крики будили ее на рассвете. Она ежилась под стеганым одеялом и слушала храп отца в соседней комнате. Никогда ей не было так тепло и уютно, как в такие мгновения.

Мать Луизы, Энн, была англичанкой. Ее отец привез дочь в Голландию еще ребенком. Он был капралом в охране Вильгельма Оранского, после того как тот стал королем Англии. Когда Энн исполнилось шестнадцать, ее в качестве помощницы повара приняли в число челяди ван Риттерсов, а еще год спустя она вышла замуж за Хендрика.

Мать Луизы была полной и веселой, ее всегда окружали восхитительные кухонные ароматы: пряностей и ванили, шафрана и свежего хлеба. По ее настоянию Луиза выучила английский язык, и, оставаясь наедине, они всегда разговаривали по-английски. Луизе легко давались языки. Вдобавок Энн научила ее готовить и печь, шить и вышивать и вообще всем женским премудростям.

По особому разрешению минхеера ван Риттерса Луизе было позволено учиться с хозяйскими детьми, хотя при этом ей следовало сидеть сзади и молчать. Только оставаясь наедине с отцом, она могла задавать вопросы, которые ежедневно рвались у нее с языка. Она очень рано усвоила почтительные манеры.

Только дважды за эти годы Луиза видела меффрау ван Риттерс. Оба раза она украдкой наблюдала за ней из окна классной комнаты и видела, как та садилась в огромную карету с глухими черными занавесями, сопровождаемая десятком слуг. Это была загадочная фигура, закутанная во множество слоев черного вышитого шелка, с темной вуалью на лице. Луиза как-то слышала, как мать судачила со служанками о хозяйке. Та страдала от какой-то кожной болезни, сделавшей ее лицо чудовищным, как адское видение. Даже муж и дети никогда не видели ее без вуали.

Минхеер ван Риттерс иногда посещал классную комнату, чтобы проверить, каковы успехи его детей. Он часто улыбался красивой скромной девочке, сидящей в глубине класса. Однажды даже остановился возле Луизы и посмотрел, как она аккуратным почерком пишет на своей грифельной доске. Он улыбнулся и коснулся ее головы.

– Какие у тебя прекрасные волосы, малышка, – прошептал он.

Его собственные дочери были полными и некрасивыми.

Луиза покраснела. Она думала, какой он добрый и в то же время далекий и могущественный, как Господь Бог. Он даже походил на изображение Бога на огромной картине маслом в банкетном зале. Картина была написана знаменитым художником Рембрандтом Харменсом ван Рейном, протеже семейства ван Риттерсов. Говорили, что позировал художнику дед минхеера. На картине изображалось воскрешение Христа: милосердный Господь отправлял спасенные души в рай, а на втором плане демоны варили грешников в адских котлах. Эта картина зачаровывала Луизу, и она проводила перед ней целые часы.

Сейчас, на зловонной нижней палубе «Золотой чайки», вычесывая из волос гнид, Луиза чувствовала себя одной из тех несчастных, что осуждены на адские муки. Она чувствовала, как подступают слезы, и попыталась прогнать печальные мысли, но они не остав-

ляли ее. Ей было всего десять лет, когда на Амстердам снова обрушилась черная чума, начавшаяся, как и раньше, в населенных крысами доках, а потом захватившая весь город.

Минхеер ван Риттерс со всем семейством бежал из Хоис-Брабанта, убежище семья нашла в Моои-Уитсиг. Хозяин приказал закрыть все ворота поместья и приставил к ним вооруженных стражников, чтобы не пропускать чужаков. Но когда слуги распаковывали кожаные чемоданы, привезенные из Амстердама, оттуда выскочила огромная крыса и убежала по лестнице. Однако они еще несколько недель чувствовали себя в безопасности, пока одна из служанок, разнося еду за обедом, не упала в обморок у хозяйского стола.

Двое слуг унесли девушку на кухню и положили на длинный стол. Когда мать Луизы растегнула высокий воротник, она ахнула, увидев на горле девушки красноречивое ожерелье из багровых пятен – чумных язв, так называемое кольцо роз. Она так расстроилась, что даже не заметила, как черная блоха из одежды девушки прыгнула в ее собственное платье. На следующий день еще до заката девушка умерла.

Когда наутро отец Луизы вошел в класс, не хватало двух хозяйских детей. Вошла одна из нянек и что-то прошептала ему на ухо. Он кивнул и сказал:

– Кобус и Тинус сегодня не будут учиться с нами. А теперь, малыши, откройте книги для чтения на пятой странице. Нет, Петронелла, это страница десять.

Петронелла была ровесницей Луизы и единственная из всех детей ван Риттерсов дружила с ней. Они сидели на одной парте в глубине класса. Она часто приносила Луизе маленькие подарки и иногда приглашала в детскую поиграть с ее куклами. В день рождения она подарила Луизе одну из своих любимых кукол. Конечно, нянька заставила Луизу вернуть куклу.

Когда они шли по берегу озера, Петронелла взяла Луизу за руку.

– Тинусу ночью было так плохо, – прошептала она. – Его рвало. И пахло ужасно.

Позже посреди утренних занятий Петронелла неожиданно встала и без разрешения направилась к выходу.

– Ты куда, Петронелла? – резко спросил Хендрик Левен. Она повернулась и посмотрела на него. Лицо ее было очень бледно. Потом, ни слова не сказав, девочка упала.

Вечером отец сказал Луизе:

– Минхеер ван Риттерс приказал прервать уроки. Никому из нас не разрешается заходить в большой дом, пока болезнь не пройдет. Мы останемся во флигеле.

– А что мы будем есть, папа? – спросила Луиза, которая, как и ее мать, всегда была практична.

– Мама принесла из кладовки снедь: сыр, ветчину, сосиски, яблоки и картошку. У нас здесь есть небольшой огород, и еще кроличий садок и цыплята. Ты поможешь мне работать на огороде. Мы продолжим уроки. Теперь, когда глупые дети тебя не сдерживают, ты будешь продвигаться быстрее. Это будет как каникулы. Мы не позволим тебе скучать. Но тебе воспрещается покидать сад, понятно? – сказал он серьезно, расчесывая красный укус блохи на костлявом запястье.

Три дня они наслаждались жизнью. Но на следующее утро, когда Луиза помогала маме готовить завтрак, Энн потеряла сознание у плиты и плеснула себе на ногу кипятком. Луиза помогла отцу отнести ее по лестнице наверх и уложить на большую кровать. Они закутали обожженную ногу бинтами, пропитанными медом. Потом Хендрик растегнул воротник Энн и с ужасом увидел на горле красное кольцо роз.

Лихорадка налетела на Энн, как летняя гроза. Через час ее кожа покрылась красными пятнами и казалась на ощупь обжигающей. Луиза и Хендрик принесли холодной воды из озера.

– Будь сильной, дорогая, – шептал жене Хендрик, а она металась на пропотевшем тюфяке. – Господь защитит тебя.

Ночью они по очереди сидели у постели больной, но утром Луиза вскрикнула и позвала отца. Когда он поднялся, Луиза показала на обнаженную нижнюю часть тела матери. В паху с обеих сторон, на соединении бедер с животом, видны были чудовищные нарывы размером с кулак Луизы. Они были твердые, как камень, и черно-лиловые, цвета спелых слив.

– Бубоны!

Хендрик прикоснулся к одной опухоли. Энн дико закричала от боли, вызванной легким прикосновением, и испустила столб газов и жидких испражнений, запачкав постель.

Хендрик и Луиза сняли ее с вонючей постели и уложили на чистый тюфяк на полу. К вечеру ее боль стала столь сильной и мучительной, что Хендрик больше не мог выносить криков жены. Глаза его налились кровью, в них была мука.

– Принеси мою бритву, – приказал он Луизе.

Она побежала к умывальнику в углу спальни и принесла бритву. У нее была прекрасная перламутровая ручка. Луизе нравилось по утрам смотреть, как отец мылит щеки, а потом срезает белые мыльные хлопья блестящим лезвием.

– Что ты будешь делать, папа? – спросила она, глядя, как он точит лезвие на кожаном ремне.

– Надо выпустить яд. Он убивает твою мать. Держи ее крепче.

Луиза осторожно взяла мать за запястья.

– Все будет в порядке, мама. Папа тебя вылечит.

Хендрик снял черный камзол и, оставшись в белой рубашке, подошел к кровати. Он придавил ноги жены, не давая ей вырваться. По его щекам катился пот, а рука сильно дрожала, когда он поднес бритву к лиловому нарыву в паху.

– Прости меня, милосердный Господь, – прошептал он и провел лезвием по нарыву, глубоко разрезая его. Мгновение ничего не происходило, потом из раны вырвался густой поток черной крови, смешанной с желтым, как горчица, гноем. Он обрызгал перед рубахи Хендрика и низкий потолок спальни над его головой.

Спина Энн изогнулась, как тетива лука, и Луизу отбросило к стене. Хендрик забился в угол, потрясенный яростными судорогами жены. Энн дергалась, каталась и кричала, лицо ее так страшно исказилось, что Луиза пришла в ужас. Она обеими руками зажала рот, чтобы не закричать, глядя, как кровь бьет из раны мощными толчками. Постепенно пульсирующий алый фонтан уменьшился, и боль Энн стихла. Она перестала кричать и лежала, неподвижная и смертельно бледная, в растекающейся луже крови.

Луиза подползла к ней и коснулась ее руки.

– Мама, теперь все хорошо. Папа выпустил яд. Ты скоро выздоровеешь.

Она посмотрела на отца. Она никогда не видела его таким: он плакал, губы его обмякли и посинели. С подбородка капала слюна.

– Не плачь, папа, – прошептала Луиза. – Мама скоро проснется.

Но Энн не проснулась.

Отец взял из кладовой с инструментами лопату и прошел в дальний конец сада. Он начал копать мягкую почву под большой яблоней. К середине дня могила была достаточно глубока. Он вернулся домой. Его голубые глаза были пустыми, как небо над головой. Отца била дрожь. Луиза помогла ему завернуть тело матери в пропитанную потом простыню и пошла рядом, когда он понес жену по саду. Он положил тело у открытой могилы и спрыгнул в нее. Потом протянул руки и подхватил Энн. Положил на мягкую, пахнущую грибами землю, выбрался и взялся за лопату.

Луиза плакала, глядя, как он засыпает могилу и утрамбовывает землю. Потом сходила в поле за изгородью и нарвала цветов. Когда она вернулась, отца в саду не было. Луиза положила цветы туда, где должна была быть голова ее матери. Казалось, источник ее слез пересох. Всхлипы были болезненными и сухими.

Вернувшись в дом, она застала отца за столом, в рубашке, грязной от крови и могильной земли. Голову он опустил на руки, и его плечи дрожали. А когда он поднял голову и посмотрел на дочь, лицо его было бледным и пятнистым, а зубы стучали.

– Папа, ты тоже заболел?

Она бросилась к нему, но отшатнулась, когда он открыл рот и изверг поток коричневой от желчи рвоты. Рвота расплескалась по высокобленной поверхности стола. А отец упал из кресла на каменный пол. Он был слишком тяжел, чтобы Луиза могла его поднять или хотя бы втащить по ступеням, и она ухаживала за ним там, где он упал, вытирала рвоту и жидкие испражнения, смачивала ледяной водой из озера, чтобы сбить жар. Но не смогла заставить себя вскрывать нарывы. Два дня спустя он так и умер на полу кухни.

– Теперь я должна быть храброй, – сказала себе Луиза. – Я не маленькая. Мне десять лет. Никто мне не поможет. Я должна позаботиться о папе сама.

Она пошла в сад. Лопата лежала возле могилы матери, там, где ее оставил отец. Луиза начала копать. Работа шла трудно и медленно. Когда края ямы достигли ее подбородка, она больше не могла выбрасывать из нее землю своими детскими руками. Тогда она взяла на кухне ведро, заполняла его землей и на веревке вытаскивала со дна могилы. Когда стемнело, она продолжила работу при свете лампы. Углубив яму до своего роста, Луиза пошла на кухню и попыталась вытащить тело отца. Она страшно устала, руки ее были в волдырях от черенка лопаты, и она не могла ими пошевелить. Она закрыла одеялом лицо отца, его пятнистую кожу и невидящие глаза, потом легла рядом и спала до утра.

Когда она проснулась, солнечный свет сквозь окна кухни бил ей в глаза. Она встала и отрезала кусок окорока, висевшего в кладовой, и ломоть сыра. Съела все это с куском черствого хлеба. Потом пошла на конюшню, что за большим домом. Она помнила, что ей запрещено туда ходить, поэтому пробиралась вдоль изгороди. Конюшня была пуста, и Луиза поняла, что конюхи бежали вместе с остальными слугами. Она пролезла в тайное отверстие в изгороди, которое они обнаружили с Петронеллой. Лошади были в стойлах, некормленные и непоенные. Она открыла дверь и выгнала их в загон. Они сразу поскакали к озеру, выстроились на его берегу и принялись пить.

Луиза взяла в помещении для упряжи недоуздок и подошла к пони Петронеллы, пока тот еще пил. Петронелла позволяла ей ездить верхом на пони, поэтому лошадь знала ее и доверяла ей. Как только пони поднял голову – с его губ капала вода, – Луиза через уши надела на него недоуздок и повела к дому. Задняя дверь была достаточно широка, чтобы пони смог пройти.

Луиза долго колебалась, пытаясь найти более уважительный способ доставить тело отца к могиле, но в конце концов нашла веревку, обвязала ею ноги, и пони потащил тело в сад; голова отца подпрыгивала на неровной земле.

Когда тело через край перевалилось в неглубокую могилу, Луиза заплакала в последний раз. Она сняла недоуздок с головы пони и отпустила лошадку пастись в загон. Потом спустилась к отцу в могилу и попыталась аккуратно уложить его конечности, но те окоченели. Она так и оставила его, пошла в поле, нарвала еще одну охапку цветов и разложила вокруг тела. Потом склонилась у открытой могилы и высоким чистым голосом спела первый стих «Господь пастырь мой» по-английски, как учила ее мать. Потом начала засыпать тело землей. Когда она бросила в могилу последнюю лопату земли, уже стемнело; Луиза вернулась во флигель, физически и эмоционально совершенно изнуренная.

У нее не было ни сил, ни желания есть или подняться по лестнице и лечь в кровать. Она легла на пол у очага и почти сразу уснула мертвым сном. Проснулась она незадолго до рассвета, ее мучили жажда и страшная головная боль, от которой словно раскалывался череп. Попытавшись встать, она пошатнулась и упала, ударившись о стену. Ее тошнило, у нее кружилась голова, переполненный мочевой пузырь давал о себе знать резами. Она попробовала

выйти в сад, чтобы облегчиться, но накатил тошнота. Луиза согнулась, ее вырвало прямо на кухонный пол, и она с ужасом увидела желтую лужу, расплывшуюся между ее ногами. Спотыкаясь, она подошла к кастрюлям матери, висевшим на стене, и посмотрела на свое отражение в полированном дне одной из них. Затем медленно, пересиливая себя, коснулась горла и посмотрела на розовое ожерелье, появившееся на ее молочной коже.

Ноги у нее подогнулись, и она упала на каменные плиты пола. Темные облака отчаяния затмили мозг, в глазах потемнело. Но неожиданно в этой тьме Луиза обнаружила горящую искру, крошечную искру силы и решимости. И та помогла отогнать тьму.

«Мне нужно подумать, – прошептала она себе. – Я должна встать. Я знаю, что будет дальше, как было с мамой и папой. Мне нужно подготовиться. – Держась за стену, она поднялась на ноги и стояла покачиваясь. – Я должна торопиться. Я чувствую, что конец быстро приближается. – Она помнила страшную жажду, мучившую ее умирающих родителей. – Вода! – шептала она. И, шатаясь, пошла с пустым ведром к насосу во дворе. Каждое нажатие на длинную ручку было испытанием ее сил и храбрости. – Не все умирают, – шептала она себе, работая, – я слышала разговоры взрослых. Говорят, некоторые молодые и сильные выживают. Они не умирают. – Вода лилась в ведро. – Я не умру! Не умру! Не умру!»

Когда ведро наполнилось, она добралась до кроличьего садка, потом до курятника и выпустила всех животных, чтобы они кормились сами.

– Я не смогу о вас заботиться, – объяснила она им.

Шатаясь, она дотащила ведро до кухни, заливая водой ноги. Поставила его рядом с очагом и повесила на его бок медный ковш. «Еда!» – прошептала она, отгоняя головокружительные миражи. Принесла из кладовой остатки сыра и ветчины и ведро с яблоками и поставила так, чтобы могла дотянуться.

«Холод. Ночью будет холодно».

Она подползла к комоду, где мать хранила остатки своего приданого, достала два шерстяных одеяла и овчину и положила у очага. Потом принесла из угла охапку дров и, преодолевая приступ дрожи, разожгла огонь.

«Дверь! Нужно закрыть дверь!»

Она слышала, что в городе голодные свиньи и собаки врывались в дома, где больные не могли от них защититься. Животные пожирали их живьем. Луиза закрыла дверь и опустила засов. Нашла отцовский топор и нож, который он использовал для резьбы, и положила под тюфяк.

На крыше и в стенах дома водились крысы. Она слышала по ночам, как они бегают, а мать жаловалась на ночные набеги на кладовку. Петронелла рассказывала Луизе, как огромная крыса пробралась в детскую большого дома, когда новая нянька напилась джина. Отец увидел отвратительного зверя в кровати маленькой сестры Петронеллы и приказал конюхам избить пьяную няньку. Крики несчастной женщины долетали до классной комнаты, и дети с ужасом переглядывались, слыша их. Теперь по коже Луизы ползли мурашки, когда она думала, что будет беспомощно лежать под острыми как бритва зубами крыс.

Из последних сил она сняла с крюка на стене самую большую материнскую медную кастрюлю и поставила в угол, закрыв крышкой. Луиза была чистоплотной девочкой, и мысль, что она обмарается, как родители, вызывала у нее отвращение.

«Это все, что я могу сделать, – прошептала она и упала на овчину. Темные тучи словно кружили в ее голове, кровь в жилах будто кипела от жара лихорадки. – Господь наш, иже еси на небеси...»

Она прочла молитву по-английски, как учила ее мать, и душная тьма поглотила ее. Возможно, прошла целая вечность, прежде чем она поднялась к поверхности сознания, как пловец, поднимающийся с огромной глубины. Тьму сменил ослепительный белый свет. Словно

солнце на снежном поле, этот свет ошеломлял и слепил. Вместе со светом пришел холод, останавливавший кровь в жилах и морозивший кости, так что Луизу сильно зазнобило.

С трудом поворачиваясь, она укрылась овечьей шкурой и свернулась клубком, поджав колени к груди. Со страхом потрогала себя сзади: плоть с ее ягодиц словно стояла, кости торчали. Луиза пальцами прощупала себя, со страхом ожидая, что почувствует мокрые, скользкие испражнения, но кожа была сухой. Она понюхала палец. Он был чист.

Она помнила, как отец говорил матери: «Самый плохой знак – понос. Те, кто выживает, не прочищают внутренности».

«Это знак от Иисуса, – прошептала себе Луиза, стуча зубами. – Я не обмаралась. Я не умру».

Но тут обжигающий жар вновь прогнал холод и белый свет. Луиза в беспамятстве металась на тюфяке, звала отца и мать, взывала к Иисусу. Ее разбудила жажда: в горле горел огонь, язык, как раскаленный на солнце камень, заполнил весь пересохший рот. Луиза попыталась приподняться на локте и дотянуться до ковша. С первой попытки она почти все содержимое медного ковша пролила себе на грудь, потом давясь проглотила то, что осталось. При второй попытке она осушила весь ковш. Она отдохнула и выпила еще один ковш. Наконец она утолила жажду, и огонь в крови словно немного погас. Луиза свернулась под овчиной, в ее животе булькала выпитая вода. На этот раз сморивший ее сон был глубоким, но естественным.

Разбудила ее боль. Она не понимала, где она и в чем причина боли. Раскрыла глаза и посмотрела вниз. Одна ее нога высунулась из-под овчины. Над ее босой ступней сидело что-то величиной с кота, серое и волосатое. Луиза не сразу поняла, что это, но потом снова почувствовала рывок и боль. Ей хотелось пнуть чудовище ногой или закричать, но ужас лишил ее способности двигаться. Оживали ее худшие кошмары.

Тварь подняла голову и посмотрела на Луизу блестящими бусинками глаз. Она держала усами и поводила длинным острым носом, и ее острые изогнутые резцы, нависавшие над нижней губой, покраснели от крови Луизы. Крыса грызла ее лодыжку. Девочка и крыса смотрели друг на друга, но Луиза все еще была парализована ужасом. Крыса опустила голову и снова впилась в ее плоть. Луиза потянулась к ножу, лежавшему возле ее головы, и со стремительностью кошки ударила мерзкую тварь. Крыса проявила почти такое же проворство: она подпрыгнула, но острие ножа разрезало ей брюхо. Крыса завизжала и перевернулась.

Луиза выронила нож и широко раскрытыми глазами смотрела, как крыса ползет по полу, волоча за собой пурпурный комок внутренностей. Девочка тяжело дышала, и прошло немало времени, прежде чем ее сердце забилось медленнее, а дыхание успокоилось. И тут она поняла, что пережитое потрясение вернуло ей силы. Она села и осмотрела раненую ногу. Укусы глубокие. Она оторвала полоску от ночной рубашки и перевязала лодыжку. Потом поняла, что хочет есть. Подползла к столу и, держась за него, встала. Крыса погрызла окорок, но Луиза обрезала поврежденную часть, отрезала толстый кусок и положила на ломоть хлеба. Сыр уже покрылся зеленой плесенью – свидетельство того, как долго она без сознания пролежала у очага. Но, несмотря на плесень, он был великолепен. Луиза выпила последний ковш воды. Ей хотелось снова наполнить ведро, но она знала, что на это ей не хватит сил, к тому же она боялась открывать дверь.

Она подползла к большой медной кастрюле в углу и села на нее. Облегчаясь, высоко подняла юбку и осмотрела нижнюю часть тела. Живот гладкий, без пятен, невинная щель внизу еще не поросла волосами. Но Луиза смотрела на разбухшие бубоны в паху. Они были тверды как желудь, и прикосновение к ним вызывало боль, но цвет и размер у них были не такие ужасные, как у тех, что убили ее мать. Луиза подумала о бритве, но поняла, что у нее не хватит смелости сделать это.

«Я не умру!» Впервые она по-настоящему поверила в это. Опустила юбку и ползком вернулась к тюфяку. Сжимая в руке нож для резьбы, она снова уснула. После этого дни и ночи смешались в похожую на сон череду беспмятства и коротких пробуждений. Постепенно периоды бодрствования удлинялись. Каждый раз, просыпаясь, она чувствовала себя более сильной, более способной позаботиться о себе. Пользуясь кастрюлей в углу, Луиза видела, что бубоны уменьшились и сменили цвет с багрового на розовый. Прикосновение к ним вызывало меньшую боль, но Луиза знала, что должна пить.

Собрав все силы и всю храбрость, она вышла во двор и снова наполнила ведро. Потом опять закрылась в кухне. Когда от окорока осталась только обглоданная кость, а ведро с яблоками опустело, Луиза нашла в себе достаточно сил, чтобы пойти в огород и набрать полный подол репы и картошки. С помощью отцовского огнива она разожгла огонь в очаге и сварила овощную похлебку на кости от окорока. Еда была восхитительна, и Луиза почувствовала, как к ней возвращаются силы. После этого она каждое утро намечала для себя задания на день.

Прежде всего она опорожнила кастрюлю, которой пользовалась как ночным горшком, вылила ее содержимое в компостную яму отца, а потом вымыла щелоком и горячей водой и снова повесила на крюк. Она знала, что так хотела бы ее мать. Усилие изнурило ее, и она ползком вернулась к овчине.

На следующее утро она почувствовала в себе достаточно сил, чтобы наполнить из насоса ведро, снять грязную одежду и вымыться с головы до ног с ложкой драгоценного мыла, которое ее мать делала, кипятя овечий жир с древесной золой. Луиза радовалась, видя, что бубоны в паху почти исчезли. Она кончиками пальцев сильно нажимала на них, но боль была вполне терпима. Потом она достала из комода чистую одежду.

Утром следующего дня она снова почувствовала голод. Поймала, схватив за уши, одного из кроликов, которые доверчиво бегали по саду, собралась с духом и перебила ему шею палкой, которую для этой цели держал отец. Выпотрошила и освежевала тушку, как учила ее мать, разрубила на четыре части и положила в кастрюлю с луком и картошкой. А когда ела, добела обсосала кости.

Еще день спустя она прошла в дальний конец сада и все утро чистила и украшала могилы родителей. До сих пор она не решалась покинуть безопасный огород флигеля, но теперь набралась смелости и пробралась через дыру в изгороди к теплице. Убедилась, что никто ее не видит. Поместье казалось пустым. Она сняла с полок несколько самых красивых цветков в горшках, поставила их в ручную тележку, вернулась к флигелю и посадила цветы в мягкую землю на могилах. Работая, она разговаривала с родителями, излагала все подробности своих испытаний, рассказывала о крысе, о кролике, о том, как готовила похлебку в трехном котле.

– Прости, мама, что я так воспользовалась твоей лучшей кастрюлей, – со стыдом понурила она голову, – но я ее вымыла и снова повесила на стену.

Когда вид украшенных могил ее устроил, ее снова охватило любопытство. Она вновь пробралась через дыру в изгороди и пошла кружным путем через рощу лиственниц, чтобы подойти к большому дому с юга. Дом был тих и мрачен, все окна закрыты ставнями. Осторожно подойдя к парадной двери, Луиза обнаружила, что та заперта. Она смотрела на красный крест, грубо нарисованный кем-то на двери. Краска, как кровь, стекала по панели. Это было предупреждение: чума.

И Луиза вдруг почувствовала себя одинокой и брошенной. Она села на ступеньки у двери.

– Кажется, я единственная во всем мире уцелела. Все остальные умерли.

Наконец она встала и, осмелев от отчаяния, обогнула дом и подошла к задней двери, которая вела на кухню и в помещения для слуг. Дернула дверь. К ее удивлению, та была не заперта.

– Эй! – крикнула Луиза. – Есть кто-нибудь? Сталс! Ханс! Где вы?

Кухня была пуста. Девочка подошла к судомойне и просунула голову в дверь.

– Эй!

Ответа не было. Луиза обошла весь дом, заглядывала в каждую комнату, но все они были пусты. Везде были следы поспешного бегства семьи. Луиза ни к чему не притронулась и, уходя, тщательно закрыла дверь.

По пути к флигелю ей пришла в голову мысль. Луиза свернула с дороги и прошла к часовне в конце розария. Некоторые надгробия на кладбище были поставлены двести лет назад и поросли зеленым мхом, но у входа в часовню виднелись новые могилы. На них еще не было могильных камней. Букеты цветов на них поблекли и завяли. На каждой могиле была карточка с черной каймой с именами и прощальными посланиями. Чернила в дождь потекли, но Луиза смогла прочесть имена. Она нашла карточку с надписью «Петронелла Катрина Сусанна ван Риттерс». Здесь, между могилами двух своих младших братьев, лежала ее подруга.

Луиза вернулась в коттедж и плакала, пока не уснула. Проснувшись, она снова почувствовала себя больной и слабой, в полной мере вернулись печаль и одиночество. Она заставила себя выйти во двор и вымыла под насосом руки и лицо. Неожиданно она подняла голову, по ее лицу бежала вода и капала с подбородка. Она наклонила голову, прислушалась, и на ее лице медленно появилась радость. Голубые глаза заблестели.

– Люди! – сказала она вслух. – Голоса. – Слабые, но доносятся со стороны большого дома. – Они вернулись. Я больше не одна.

С еще влажным лицом она побежала к дыре в изгороди, пролезла в нее и пошла к большому дому. Чем ближе она подходила, тем громче звучали голоса. У гончарной мастерской она остановилась, переводя дух, и хотела уже побежать по лужайке, но инстинкт предупредил ее, что необходимо быть осторожной. Она помедлила и осторожно высунула голову из-за угла красной кирпичной стены. Холодок ужаса пробежал по ее спине.

Она думала увидеть на подъездной дороге кареты с гербом ван Риттерсов, выходящих из этих карет членов семьи, а вокруг – их кучеров, конюхов и слуг. Вместо этого незнакомые люди входили в дом и выходили из него, вытаскивая столовое серебро, вороха одежды, картины. Дверь была разбита, ее панели криво висели на петлях.

Грабители с криками и возбужденным смехом сваливали добычу в тележки. Луиза видела, что это городское отребье из доков и трущоб, дезертиры, беглецы из тюрем и барачников, которые распахнули двери, когда чума уничтожила признаки законного правления.

Эти люди были одеты в лохмотья, в изодранные армейские мундиры и в награбленное – в неподходящую для них богатую одежду. Один разбойник в высокой шляпе с плюмажем, размахивая квадратной бутылкой с джином, спускался по лестнице, неся в другой руке тяжелый золотой поднос. Лицо его, раскрасневшееся, со следами пьянства и разврата, было обращено к Луизе. Пораженная увиденным, она не успела спрятаться, и он ее заметил.

– Бабенка! Клянусь сатаной и всеми демонами ада, настоящая бабенка! Молодая и аппетитная, как спелое красное яблоко. – Он бросил бутылку и вытащил саблю. – Иди сюда, сладкая маленькая кобылица. Посмотрим, что ты прячешь под юбкой.

И он побежал вниз по лестнице.

Его товарищи подняли дикий крик.

– Баба! За ней, парни! Кто поймает, первым получит вишенку!

Орущей стаей они побежали по лужайкам к ней. Луиза повернулась и бросилась бежать. Вначале она инстинктивно кинулась в безопасность флигеля, потом поняла, что там

они поймают ее, как хорьки – кроликов в садке. Она повернула и по выгону направилась к лесу. Земля была мягкой под ногами, которые после болезни еще не обрели всей силы и быстроты. Ее догоняли, крики преследователей звучали громко и торжествующе. Луиза достигла деревьев ненамного раньше первых из них, но она хорошо знала этот лес, который был ее детской площадкой. Она резко повернула и побежала по едва различимой тропе, потом нырнула в заросли ежевики и можжевельника.

Каждые несколько минут она останавливалась и прислушивалась, и с каждым разом крики преследователей звучали все слабее. Наконец они совсем стихли. Ужас прошел, но Луиза понимала, что оставлять лес еще слишком опасно. Нашла самые густые заросли колючих кустарников и на животе заползла в них, пока они не скрыли ее совершенно. Потом закопалась в опавшую листву так, что видны были только рот и глаза: она видела поляну, которую только что покинула. Луиза лежала, тяжело дыша и дрожа. Постепенно она успокоилась и затаилась неподвижно, пока тени деревьев не вытянулись по земле. Криков преследователей не было слышно, и Луиза поползла в сторону поляны.

Она уже собиралась встать, но сморщила нос и пригнулась. Уловила волну табачного запаха и снова легла, прижавшись к земле. Ужас с новой силой охватил ее. Спустя несколько долгих напряженных минут она медленно подняла голову. На дальней стороне поляны, прислонившись спиной к толстой березе, сидел человек. Он курил глиняную трубку с длинным черенком, но его глаза обыскивали поляну. Луиза сразу его узнала. Это был тот самый человек в шляпе с перьями, который первым ее заметил и возглавил погоню. Он был так близко, что она слышала каждую его затяжку. Она зарылась лицом в перегнившую листву и постаралась сдержать дрожь. Девочка не знала, что он сделает с ней, когда найдет, но чувствовала, что это будет хуже самых страшных ее кошмаров.

Она лежала, слушала, как попыхивает трубка, и ее ужас усиливался. Неожиданно мужчина откашлялся и выплюнул комок густой слизи. Она слышала, как плевок упал у ее головы, и у нее едва не сдали нервы. Только собрав все свое мужество и самообладание, она не позволила себе вскочить и побежать.

Время словно остановилось, но постепенно ее голые руки почувствовали, что становится холоднее. Но она не подняла головы. Потом услышала шорох листвы и тяжелые шаги, приближающиеся к ней. Шаги остановились у самой ее головы, и мужчина проревел так близко, что у нее остановилось сердце:

– Вот ты где! Я тебя вижу! Я иду. Беги! Лучше беги!

Застывшее сердце ожило и заколотилось о ребра, но Луиза заставила себя лежать неподвижно. Последовало новое долгое молчание, потом шаги начали удаляться от того места, где она лежала. Девочка слышала, как он бормочет себе под нос:

– Грязная маленькая шлюха! Все равно у нее, наверно, дурная болезнь.

Луиза продолжала неподвижно лежать до полной темноты, пока не услышала, как высоко на березе крикнула сова. Тогда она встала и осторожно пошла по лесу, вздрагивая от шепуршания в ночи маленьких существ.

Несколько дней после этого она не выходила из флигеля. Днем она погружалась в отцовские книги. Одна из них ее особенно заинтересовала, она прочла ее от корки до корки и принялась перечитывать. Книжка называлась «В Черной Африке». Луизу зачаровывали рассказы о необычных животных и диких племенах, они помогали скоротать долгие дни. Она читала об огромных волосатых людях, живущих на деревьях, о племенах людоедов и о крошечных пигмеях с единственным глазом посреди лба. Чтение стало для нее лекарством от страха. Однажды вечером она уснула за кухонным столом, положив золотую голову на раскрытую книгу. Пламя в лампе продолжало гореть.

Этот свет проник наружу сквозь окна без занавесок и стал заметен через дыру в ограде. Две темные фигуры, двигавшиеся по дороге, остановились и хрипло обменялись несколь-

кими словами. Потом прошли в ворота в изгороди. Один направился к парадной двери домика, второй зашел сзади.

– Ты кто?

Хриплый окрик разбудил Луизу, и она мгновенно вскочила.

– Мы знаем, что ты здесь! Выходи!

Она бросилась к черному ходу, отодвинула засов, распахнула дверь и выбежала в ночь. И в то же мгновение мускулистая мужская рука схватила ее за шею и приподняла, брыкающуюся, как новорожденного котенка.

Мужчина, который держал ее, отодвинул задвижку своей лампы и осветил лицо Луизы.

– Ты кто? – спросил он.

В свете лампы она узнала это красное лицо и густые бакенбарды.

– Ян! – пропищала она. – Это я! Луиза! Луиза Левен.

Ян был лакеем ван Риттерса. Воинственное выражение с его лица медленно исчезло, сменившись удивлением.

– Малышка Луиза? Это правда ты? Мы думали, что ты умерла вместе с остальными.

Через несколько дней в карете со спасенным имуществом семейства ван Риттерсов Ян отвез Луизу в Амстердам. Когда он провел ее на кухню Хоис-Брабанта, слуги окружили ее и приветствовали. Красота, воспитанность, приветливость и добрый нрав сделали ее любимцей всех слуг. Они горевали, когда слышали о смерти Энн и Хендрика. Никак не могли поверить, что малышка Луиза, всего десяти лет от роду, могла выжить без родителей и друзей и проявила при этом необычайную изобретательность и мужество. Элиза, кухарка, подруга ее матери, сразу взяла ее под свою опеку.

По мере того как распространялась весть о появлении Луизы, ей приходилось снова и снова рассказывать свою историю. Даже рабочие из доков и моряки с кораблей ван Риттерса приходили ее послушать.

Еженедельно Сталс, дворецкий и управляющий, писал отчеты минхееру ван Риттерсу в Лондон, где тот с оставшимися домочадцами спасался от чумы. Минхеер был настолько добр, что ответил: «Проследите, чтобы девочку приняли и дали ей работу по хозяйству. Ей можно платить как посудомойке. Вернувшись в Амстердам, я решу, что с ней делать дальше».

В начале декабря, когда холод очистил Амстердам от последних следов чумы, минхеер ван Риттерс привез в город всю семью. Его жена умерла во время эпидемии, но ее отсутствие никак не сказалось на жизни семейства. Из двенадцати детей эпидемию пережили только пятеро. Однажды утром, когда минхеер ван Риттерс уже месяц был в Амстердаме и смог разделиться с самыми важными делами, ждавшими его внимания, он приказал Сталсу привести к нему Луизу.

Она неуверенно остановилась в дверях библиотеки минхеера ван Риттерса. Хозяин поднял голову от толстой книги в кожаном переплете, в которую что-то записывал.

– Иди сюда, дитя, – сказал он. – Подойди, чтобы я мог тебя рассмотреть.

Сталс подвел ее к столу великого человека. Луиза сделала книксен, и ван Риттерс одобрительно улыбнулся.

– Твой отец был хорошим человеком и научил тебя учтивости. – Он встал и остановился перед высоким окном. Минуту смотрел сквозь прозрачное стекло на один из своих кораблей, откуда в склад перегружали тюки тканей из Вест-Индии. Потом повернулся и принялся разглядывать Луизу. С тех пор как он видел ее в последний раз, она выросла и ее лицо, руки и ноги пополнели. Он знал, что она переболела чумой, но здоровье вернулось к ней. На лице Луизы не осталось ни следа страданий. Красивая девочка, даже очень красивая, решил он наконец. И красота эта не холодная и безжизненная: лицо умное и внимательное. Глаза

живые и сверкают, как прекрасные голубые сапфиры. Кожа безупречная, но самое привлекательное в ней – волосы: на плечи падают две длинные косы. Ван Риттерс задал несколько вопросов.

Луиза постаралась скрыть свой страх и преклонение перед ним и отвечать разумно.

– Ты посещаешь уроки, девочка?

– У меня остались книги отца, минхеер. Я читаю перед сном каждый день.

– Какую работу ты выполняешь?

– Мою и чищу овощи, вымешиваю тесто для хлеба и помогаю Питер мыть и развешивать котлы и кастрюли, минхеер.

– Ты довольна?

– О да, минхеер. Элиза, кухарка, очень добра ко мне, как мать.

– Думаю, можно найти для тебя более полезную работу.

Ван Риттерс задумчиво погладил бороду.

Элиза и Сталс учили Луизу, как вести себя с хозяином.

– Всегда помни, что он один из величайших в мире людей. Всегда зови его «ваше превосходительство» или «минхеер». Приседай, когда встречаешь его и когда уходишь.

– Всегда точно выполняй, что он велит. Если он задает вопрос, отвечай прямо, но никогда не противоречь.

– Стой прямо, не горбись. Держи руки сжатыми перед собой, не топчись, не вертись и не ковыряй в носу.

Инструкций было столько, что Луиза начинала путаться. Однако теперь, когда она стояла перед хозяином, к ней вернулась храбрость. Он был одет в костюм из ткани высшего качества с воротником из белоснежных кружев. Пряжки туфель – чистое серебро, рукоять висевшего на поясе кинжала – золотая и украшена сверкающими рубинами. Он высок, ноги в черных шелковых чулках красивые и мускулистые, как у человека вдвое моложе. Хотя его волосы тронуты серебром, они густые и прекрасно подстрижены и убраны. Борода почти совершенно серебряная, но аккуратно подстрижена по-вандейковски. Вокруг глаз – тонкие морщинки от смеха, но тыльная сторона ладони, которой он поглаживает бороду, гладкая и совершенно без старческих пятен. На указательном пальце – огромный рубин. Несмотря на все это великолепие и достоинство, взгляд у него добрый. Она почему-то знала, что может ему доверять, как всегда верила, что о ней позаботится добрый Иисус.

– Гертруде нужен кто-то, чтобы приглядывать за ней. – Ван Риттерс принял решение. Гертруда – младшая из его выживших дочерей. Ей семь лет, это некрасивая, глуповатая и капризная девочка. – Ты будешь ее компаньонкой и поможешь ей с уроками. Я знаю, ты умная девочка.

Луиза пала духом. Она так привязалась к Элизе, женщине, заменившей Энн в качестве старшей на кухне. Она не хотела отказываться от атмосферы тепла и безопасности, окружавшей ее в помещениях для слуг, и отправляться наверх, ухаживать за ноющей Гертрудой. Ей хотелось возразить. Но Элиза предупредила: никогда не возражай. Поэтому Луиза понурилась и присела.

– Сталс, позаботьтесь, чтобы она была прилично одета. Ей будут платить как младшей няне, и у нее будет своя комната возле детской.

Ван Риттерс отпустил их и вернулся за письменный стол.

Луиза знала: придется приспособливаться к обстоятельствам. У нее нет выбора. Минхеер – повелитель ее вселенной. Она знала, что если попробует противиться его желаниям, ее страдания будут безграничными. И поэтому она решила завоевать доверие Гертруды. Это нелегко: младшая дочь хозяина была капризна и неразумна. Не довольствуясь тем, что Луиза стала ее рабыней в течение всего дня, она звала ее ночью, когда просыпалась от кошмара или даже когда хотела на горшок. Никогда не жалуясь, всегда веселая, Луиза посте-

пенно завоевала ее. Она учила девочку простым играм, защищала, когда ее обижали братья и сестры, пела ей перед сном или что-нибудь читала. Когда Гертруду преследовали кошмары, Луиза ложилась в ее постель, обнимала и укачивала. Постепенно Гертруда отказалась от роли мучительницы Луизы. Ее родная мать превратилась в далекую фигуру, вечно скрытую за вуалью, и Гертруда даже не могла вспомнить ее лица. Гертруда нашла замену матери и ходила за Луизой, как собачонка. Вскоре Луиза научилась обуздывать ее дикие истерики и капризы, когда девочка падала на пол, швыряла едой в стены или пыталась выброситься из окна в канал. Никому раньше это не удавалось, но Луиза успокаивала ее тихими словами, потом брала за руку и уводила в ее комнату. Через несколько минут девочка снова смеялась, хлопала в ладоши и вместе с Луизой пела детские песни. Вначале Луиза руководствовалась по отношению к Гертруде только сознанием долга, но со временем полюбила ее своеобразной материнской любовью.

Минхеер ван Риттерс видел перемены, происходящие в дочери. Заходя в детскую, он часто обменивался с Луизой несколькими добрыми словами. На приеме по случаю Рождества он смотрел, как Луиза танцует со своей подопечной, настолько же стройная и грациозная, насколько Гертруда коренастая и неуклюжая. Ван Риттерс улыбнулся, когда Гертруда подарила Луизе на Рождество пару крошечных сережек с жемчужинами, а Луиза поцеловала ее и обняла.

Несколько месяцев спустя ван Риттерс пригласил Луизу в свою библиотеку. Какое-то время он обсуждал с ней смягчившийся нрав Гертруды и говорил, как он доволен ею. Когда она уходила, он коснулся ее волос.

– Ты выросла и стала очень красивой молодой женщиной. Мне нужно глядеть в оба, чтобы какой-нибудь деревенщина не увел тебя от нас. Ты нужна нам с Гертрудой.

Луизу покорила его снисходительность.

На тринадцатый день рождения Луизы Гертруда попросила отца сделать своей компаньонке особенный подарок. Ван Риттерс отвозил одного из своих сыновей в Англию, где тот должен был поступить в Кембриджский университет, и Гертруда попросила взять их с Луизой в путешествие. Ван Риттерс снисходительно согласился.

Они отплыли на одном из кораблей ван Риттерса и почти все лето провели, навещая большие города Англии. Луиза была очарована родиной матери и использовала любую возможность попрактиковаться в английском языке.

Ван Риттерсы целую неделю провели в Кембридже, потому что минхеер хотел посмотреть, как устроится его сын. Он снял все комнаты в «Рыжем кабане», лучшей гостинице университетского города. Как обычно, Луиза спала на своей постели в углу комнаты Гертруды. Однажды утром она одевалась, а Гертруда сидела в своей кровати и болтала с ней. Неожиданно она протянула руку и ткнула Луизу в грудь.

– Смотри, Луиза, какие у тебя выросли титьки.

Луиза мягко отвела ее руку. За последние несколько месяцев у нее под сосками возникли камешки, что возвещало наступление половой зрелости. Груды выросли, соски стали нежными и чувствительными. А прикосновение Гертруды было грубым.

– Не нужно так делать, Гerti. Мне больно, а ты сказала нехорошее слово.

– Прости, Луиза. – На глаза девочки навернулись слезы. – Я не хотела делать тебе больно.

– Ничего. – Луиза поцеловала ее. – Что хочешь на завтрак?

– Пирожные. – Слезы мгновенно просохли. – Много пирожных с кремом и клубничным джемом.

– А потом пойдем смотреть Панча и Джуди⁶, – предложила Луиза.

⁶ Герои уличных представлений.

– Правда, Луиза? Мы правда пойдем?

Когда Луиза отправилась просить разрешения у минхеера ван Риттерса, тот неожиданно решил пойти с ними. В карете Гертруда в своей непредсказуемой манере вернулась к утренней теме. Она доверительным тоном заявила:

– У Луизы розовые тити. И соски торчат.

Луиза опустила глаза и прошептала:

– Я тебе говорила, Гerti, это нехорошее слово. Ты обещала больше не произносить его.

– Прости, Луиза. Я забыла.

Гертруда выглядела расстроенной.

Луиза сжала ее руку.

– Я не сержусь, просто хочу, чтобы ты вела себя как благородная дама.

Ван Риттерс словно не слышал этого обмена репликами. Он не поднимал головы от книги, которую держал на коленях. Однако во время кукольного представления, когда крючконосый Панч колотил вопящую жену дубинкой по голове, Луиза искоса взглянула на него и заметила, что минхеер разглядывает нежные выпуклости под ее блузкой. Она почувствовала, как кровь прихлынула к щекам, и торопливо закуталась в шаль.

В Амстердам они возвращались уже осенью. Первую ночь в море Гертруда пролежала в постели, страдая морской болезнью. Луиза заботилась о ней и подставляла миску, когда девочку рвало. Наконец Гертруда крепко уснула, и Луиза вышла из зловонной душной каюты. Ей хотелось глотнуть свежего морского воздуха, и она торопливо поднялась по трапу на верхнюю палубу. Но у выхода остановилась, увидев на юте высокую элегантную фигуру ван Риттерса. Офицеры и экипаж оставили наветренный борт для него: это была привилегия владельца корабля. Луиза хотела сразу спуститься вниз, но он заметил ее и подозвал.

– Как моя Гerti?

– Она спит, минхеер. Уверена, утром она будет чувствовать себя лучше.

В этот момент большая волна подхватила корабль, и он резко накренился. Потеряв равновесие, Луиза столкнулась с хозяином. Он обнял ее за плечи.

– Простите, минхеер, – хрипло сказала она. – Я поскользнулась.

Она попыталась отодвинуться, но он крепко держал ее. Она смутилась, не зная, что делать дальше. Вырваться она не смела. А он не отпускал ее, и – она едва могла поверить в это – другая его рука сжала ее правую грудь. Она ахнула и задрожала, чувствуя, как он сжимает пальцами ее разбухший чувствительный сосок. Но он был мягок, в отличие от своей дочери. Его пальцы не причиняли боли. С ужасающим стыдом она поняла, что ей нравится это прикосновение.

– Мне холодно, – прошептала она.

– Да, – ответил он, – ты должна спуститься, не то простудишься.

Он отпустил ее и повернулся к поручню. От его сигары летели искры, их уносил ветер.

После возвращения в Хоис-Брабант она несколько недель не видела хозяина. Сталс говорил Элизе, что минхеер отправился по делам в Париж. Однако Луиза не забыла короткое происшествие на корабле. Иногда по ночам она просыпалась и лежала без сна, сгорая со стыда, заново переживая случившееся. Она думала, что это ее вина. Такого великого человека, как минхеер ван Риттерс, конечно, винить нельзя. Когда она об этом думала, ее соски горели и странно зудели. Она чувствовала в себе большое зло и, выбравшись из кровати, встала коленями на холодный пол и начала молиться.

Из темноты Гертруда сказала:

– Луиза, я хочу на горшок.

Луиза с облегчением заторопилась к ней, чтобы девочка не обмочилась в постели. За последующие недели сознание вины постепенно ослабло, но никогда не оставляло ее окончательно.

Затем в один прекрасный день Сталс отыскал ее в детской.

– Минхеер ван Риттерс хочет тебя видеть. Ступай немедленно. Надеюсь, ты ничего не натворила, девочка?

Торопливо причесываясь, Луиза сказала Гертруде, куда идет.

– Можно я с тобой?

– Сперва дорисуй корабль. Постарайся не выходить за пределы линий. Я скоро вернусь.

С сильно бьющимся сердцем она постучала в дверь библиотеки. Она знала, ее ждет наказание за то, что она сделала на корабле. Он может приказать конюхам избить ее, как сделали с пьяной нянькой. Или, что гораздо хуже, просто выбросить ее на улицу.

– Входите!

Голос его звучал строго.

Войдя, она присела.

– Вы посылали за мной, минхеер.

– Да, заходи, Луиза. – Она остановилась перед столом, но он знаком велел ей обойти стол и встать с ним рядом. – Я хочу поговорить с тобой о своей дочери.

Вместо обычного черного камзола с кружевным воротником на нем был халат из тяжелого китайского шелка, застегнутый спереди. По этому домашнему одеянию и по спокойному, дружелюбному выражению его лица Луиза поняла, что он не сердится. И почувствовала облегчение. Он не станет ее наказывать. Следующие его слова подтвердили это:

– Я думаю, Гертруде пора учиться ездить верхом. Ты хорошая наездница. Я видел, как ты помогала конюхам с выездкой лошадей. Хочу услышать твое мнение.

– О да, минхеер. Я уверена, Гертруде это понравится. Старый Бамбл очень спокойный мерин...

Довольная, она принялась развивать план, стоя у самого плеча ван Риттерса. На столе перед ним лежала толстая книга в зеленом кожаном переплете. Он небрежно раскрыл ее. Луиза не могла не увидеть раскрытую страницу, и голос ее смолк. Зажав рот руками, она смотрела на рисунок, занимавший всю страницу ин-фолио. Очевидно, это был рисунок большого мастера. Красивый молодой человек сидел, откинувшись, в кресле. Перед ним стояла хорошенькая смеющаяся девушка. Луиза увидела, что девушка могла бы быть ее двойником. Широко расставленные глаза девушки – небесно-лазурного цвета, а юбку она поднимала высоко, к самой талии, чтобы молодой человек мог увидеть клубок золотистых волос между ее бедер. Художник преувеличил размеры выпяченных губ, выглядывавших из этого клубка.

Этого хватило бы, чтобы у нее сбилось дыхание, но на рисунке было и другое, гораздо хуже. Клапан на штанах молодого человека был раскрыт, и оттуда выглядывал светлый стержень с розовой головкой. Молодой человек легко держал его пальцами и словно нацеливался на розовое отверстие девушки.

Луиза никогда не видела обнаженных мужчин. И хотя слышала, как на кухне служанки с жаром это обсуждают, ничего подобного не ожидала. Она смотрела в губительном очаровании, не в силах отвести взгляд. И чувствовала, как кровь прихлынула к горлу и заликает щеки. Ее обуяли стыд и ужас.

– Мне показалось, девушка похожа на тебя, хотя не так красива, – спокойно сказал ван Риттерс. – Ты согласна, моя дорогая?

– Не... не знаю, – прошептала она. Тут рука минхеера ван Риттерса легко легла ей на ягодицу, и ноги у Луизы едва не подкосились. От прикосновения ее кожа под нижней юбкой словно загорелась. Он сжал ее маленькую круглую ягодицу, и она поняла, что надо попросить его остановиться или бежать из комнаты. Но не могла. Сталс и Элиза много раз

говорили ей, что она всегда должна повиноваться минхееру. И ее как парализовало. Она принадлежит ему, как любая из его лошадей или собак. Она его имущество, его рабыня. И должна повиноваться ему без возражений, даже если не уверена в том, что он делает и чего хочет от нее.

– Конечно, Рембрандт позволил себе некоторую художественную вольность относительно размеров.

Луиза не могла верить, что художник, написавший величественную фигуру Бога, нарисовал и это, но не исключала такого: даже знаменитый художник должен делать то, чего требует от него великий человек.

«Прости меня, милосердный Иисус», – взмолилась она и крепко зажмурилась, чтобы не видеть эту порочную картинку. Она услышала шелест шелка и его голос:

– Посмотри, Луиза, как это выглядит на самом деле.

Глаза ее были плотно закрыты, и он провел рукой по ее ягодицам, мягко, но настойчиво.

– Ты теперь большая девочка, Луиза. Тебе пора знать такие вещи. Открой глаза, дорогая.

Она послушно приоткрыла глаза. И увидела, что хозяин распахнул халат, а под халатом ничего нет. Она смотрела на предмет, который гордо восставал из складок шелка. На рисунке было простое и романтизированное его изображение. Он массивно поднимался из гнезда жестких черных волос и, казалось, был толщиной в ее запястье. Головка была не розовая, как на рисунке, а цвета спелой сливы.

Разрез на конце головки смотрел на нее, как глаз циклопа. Она снова крепко зажмурилась.

– Я обещала погулять с Гертрудой, – прошептала она.

– Ты очень добра к ней, Луиза. – Голос ван Риттерса звучал хрипло, такого она никогда раньше не слышала. – Но теперь ты должна быть добра и ко мне.

Он просунул руку ей под юбку и провел пальцами по обнаженной ноге. Задержался на мягкой ямке под коленом, и Луиза задрожала еще сильнее. Он говорил ласково и уверенно, но она знала, что он поступает плохо. Пальцы его оставили ямку и передвинулись на бедро. Прикосновение не было ни беглым, ни неуверенным, но властным, и она не могла противиться.

– Ты должна быть добра со мной, – повторил он, и Луиза поняла, что он имеет право этого от нее требовать. Она всем ему обязана. Если ему так нужно, у нее нет выбора... и в то же время она знала, что это плохо и Иисус ее накажет. Может, Он больше не будет любить ее из-за того, что они делают. Она услышала шелест страниц: хозяин свободной рукой перелистывал книгу, потом сказал:

– Посмотри!

Она попыталась хоть в этом не послушаться его и крепче закрыла глаза. Его прикосновение стало требовательнее, рука начала гладить впадинку, где ягодицы переходят в бедра.

Луиза открыла глаза – всего на мгновение – и сквозь ресницы посмотрела на новую страницу книги. Девушка, так на нее похожая, стояла на коленях перед молодым человеком. Юбка ее сзади была задрана, а обнаженный зад гладкий и округлый. И она, и молодой человек смотрели юноше в промежность. На лице девушки было ласковое выражение, словно она смотрит на любимую зверюшку, может, на котенка. Она держала это в своих маленьких руках, но ее изящные пальцы не могли обхватить его целиком.

– Правда, прекрасный рисунок? – спросил ван Риттерс. Луиза, несмотря на то, что перед ней был порок, испытывала странное сочувствие к этой паре. Они улыбались, они как будто любили друг друга и наслаждались тем, что делают. Она забыла снова закрыть глаза.

– Ты видишь, Луиза, что Господь создал мужчин и женщин разными. Каждый из них незавершен, но вместе они составляют целое.

Она не понимала, о чем он говорит, но она часто не понимала и слова отца или священника во время проповедей.

– Вот почему эта пара на рисунке кажется такой счастливой, и вот почему ты видишь, что они полны любви друг к другу.

С мягкой властью его пальцы заскользили между ее ногами, перешли к месту соединения бедер. И тут он стал делать с ней что-то другое. Она почувствовала, что раздвигает ноги, чтобы ему было легче. Ощущение, которое ее охватило, она никогда раньше не испытывала. Она чувствовала, как счастье и любовь, о которых он говорил, распространяются в ней, пронизывают все ее существо. Она инстинктивно поняла: он хочет, чтобы она делала то же, что девушка на рисунке. Под мягким давлением его руки она опустилась на колени, и эта странная, уродливая и прекрасная штука оказалась в нескольких дюймах от ее глаз. Она смотрела в распахнутый халат хозяина, и потрясение и страх рассеивались. Она увидела, что, как и на картинке, эта очень приятная штука. Как та девушка, она взяла ее в руки. Ван Риттерс издал легкий стон, и Луиза ощутила, как горяча и тверда эта штука. Она ее зачаровала. Она мягко сжала ее и почувствовала порыв жизни, словно эта штука обладала собственным, самостоятельным существованием. Она принадлежала ей, и Луиза испытала странное ощущение власти, словно держала в руках самую суть его жизни.

Он опустил руки и накрыл ими ее ладони. Начал двигать их взад-вперед. Вначале она не поняла, что он делает, потом догадалась, что он показывает, чего хочет от нее. Ей очень хотелось доставить ему удовольствие, и она быстро и легко училась. Она стала проворно двигать пальцами, как ткач на ткацком станке, а он откинулся в кресле и застонал. Она подумала, что ему больно, и хотела встать, но он снова остановил ее рукой на плече и с отчаянием в голосе сказал:

– Нет, Луиза, продолжай. Не останавливайся. Ты такая хорошая, умная девочка.

Неожиданно он задрожал, громко выдохнул, вытащил из кармана красный шелковый носовой платок и прикрыл им свою промежность и ее руки. Она не хотела отпускать его, даже когда почувствовала, что ей в руки ударила горячая вязкая жидкость и промочила шелковую ткань. Когда Луиза попыталась продолжить свое занятие, он остановил ее.

– Достаточно, моя дорогая. Ты сделала меня очень счастливым.

Много времени спустя он приподнялся. Взял по одной ее маленькие руки и вытер шелковой тканью дочиста. Она не испытывала никакого отвращения. Он ласково улыбался и сказал:

– Я очень тобой доволен, но ты никому не должна рассказывать, что мы сегодня делали. Поняла, Луиза?

Она энергично кивнула. Ощущение вины испарилось, и она чувствовала благодарность и почтение.

– Теперь можешь вернуться к Гертруде. Завтра начнете уроки. Конечно, вы пойдете в школу верховой езды.

В следующие несколько недель Луиза видела его всего раз, и то издали. Она поднималась по лестнице в комнату Гертруды, когда лакей распахнул дверь и минхеер ван Риттерс повел процессию гостей. Это были прекрасно одетые процветающие дамы и господа. Луиза знала, что по меньшей мере четверо из них – члены Совета семнадцати, директора ВОК. Они явно хорошо пообедали и были веселы и шумны. Она спряталась за занавесом, пока они проходили, и смотрела на минхеера ван Риттерса со странным ощущением желания. На нем был длинный завитой парик, а также лента и звезда ордена Золотого Руна. Он был великолепен. Луиза испытала острую ненависть к улыбающейся элегантной женщине, которую он вел под руку. После того как они миновали ее убежище, она побежала в комнату, которую делила с Гертрудой, упала на кровать и заплакала.

– Почему он не хочет больше меня видеть? Чем я ему не угодила?

Она каждый день думала о происшествии в библиотеке, особенно когда гасила лампы и ложилась в постель в комнате рядом с комнатой Гертруды.

Но вот однажды минхеер ван Риттерс приехал в школу верховой езды. Луиза учила Гертруду приседать. Девочка была неловкой, неуклюжей, и Луизе пришлось ее подхватить, когда она потеряла равновесие, но ван Риттерс слегка улыбнулся и ответил ей игривым поклоном.

– Ваш преданный слуга, – сказал он, и Гертруда захихикала.

Минхеер не обращался непосредственно к Луизе, и она понимала, что не может говорить с ним без приглашения. Он посмотрел, как Гертруда сделала круг. Луизе приходилось идти рядом с пони, пухлое лицо Гертруды было искажено ужасом. Затем ван Риттерс исчез так же внезапно, как появился.

Прошла еще неделя. Луизу разрывали противоречивые чувства. Временами сознание грандиозности совершенного ею греха возвращалось и преследовало ее. Она позволила мужчине касаться себя, играть с ней, и получала удовольствие, держа эту его чудовищную штуку. Ей даже начинало это сниться, и она просыпалась в смутении, ее только недавно созревшие груди и интимные части горели и зудели. И, словно в наказание за грехи, ее груди все разбухали, пока не стали распирают блузку. Она пыталась спрятать их, держала руки скрещенными перед собой, но видела, как теперь стали поглядывать на нее конюхи и лакеи.

Ей хотелось поговорить о том, что случилось, с Элизой и попросить совета, но минхеер ван Риттерс запретил ей это делать. Поэтому она молчала.

Неожиданно Сталс сказал:

– Ты должна переселиться в собственную комнату. Приказ минхеера.

Луиза удивленно посмотрела на него.

– Но как же Гертруда? Она не может спать одна.

– Хозяин считает, что ей пора научиться. У нее тоже будет новая комната, а твоя – рядом. Гертруде дадут колокольчик, чтобы она могла вызывать тебя ночью.

Новые комнаты девочек располагались на этаже под библиотекой и спальней минхеера. Луиза превратила переезд в игру и смягчила опасения Гертруды. Они взяли всех ее кукол и устроили прием, чтобы познакомить с новым жильем. Луиза научилась говорить разными голосами за каждую игрушку – это всегда вызывало у Гертруды смех. Когда каждая кукла по очереди рассказала Гертруде, как она довольна новым домом, Гертруда успокоилась.

Комната Луизы оказалась светлой и просторной. Мебель решительно великолепная, с бархатными занавесями, позолоченными стульями и кроватью под пологом. На кровати пуховая перина и толстые одеяла. Был даже камин, отделанный мрамором, хотя Сталс предупредил, что ей будут давать одно ведро угля в неделю. Но – чудо из чудес – здесь оказалось и маленькое отгороженное помещение, в нем резное сиденье со скрывавшей его крышкой, а под сиденьем – ночной горшок. В первую ночь, ложась в постель, Луиза радовалась. Казалось, ей никогда не было так тепло, как в тот вечер.

Она очнулась от глубокого, без сновидений, сна и лежала неподвижно, пытаясь определить, что ее разбудило. Потом звук раздался снова, и ее сердце дрогнуло. Это были шаги, но доносились они со стороны забранной панелью стены в глубине комнаты. Луизу охватил страх перед сверхъестественным, и она не могла ни пошевелиться, ни закричать. Потом послышался скрип открывающейся двери, и ниоткуда показался призрачный свет. Медленно разошлась панель в дальней стене, и появилась неопределенная фигура. Высокий бородатый мужчина в штанах и белой рубашке с широкими сверху и суживающимися книзу рукавами и с шейным платком.

– Луиза!

Голос звучал глухо и отдавался необычным эхом. Именно такой голос должен быть у призрака. Луиза укрылась с головой и лежала, затаив дыхание. Она слышала приближающиеся к кровати шаги и видела сквозь щель в одеяле колеблющийся свет. Возле нее шаги остановились, и неожиданно одеяло было отброшено. На этот раз Луиза закричала, хотя понимала, что тщетно: Гертруда в соседней комнате спит крепко, даже землетрясение ее не разбудит, и на этом этаже Хоис-Брабанта они с ней одни. Она смотрела в лицо над собой в таком ужасе, что даже при свете лампы не узнала вошедшего.

– Не бойся, дитя. Я не причиню тебе вреда.

– О минхеер! – Она с облегчением крепко прижалась к его груди. – Я думала, вы привидение.

– Спокойней, дитя. – Он погладил ее по волосам. – Все позади. Бояться нечего. – Ей потребовалось немало времени, чтобы успокоиться. Тогда он сказал: – Я тебя не оставлю здесь одну. Идем со мной.

Он взял ее за руку, и она доверчиво пошла за ним босиком, в одной ночной рубашке. Он провел ее через дверь в стене. За ней оказалась винтовая лестница. Они поднялись по этой лестнице и прошли через другую потайную дверь. И неожиданно оказались в великолепном помещении, таком просторном, что даже пятьдесят свечей, горевших в канделябрах, оставляли дальние углы и потолок в тени. Он провел ее к камину, в котором высоко плясало желтое пламя.

Минхеер обнял ее и погладил по голове.

– Ты думала, я забыл тебя?

Она кивнула:

– Я думала, вы на меня рассердились и больше меня не любите.

Он усмехнулся и поднял ее лицо к свету.

– Какая ты красавица, малышка. Вот как я на тебя сердит и вот как я тебя не люблю.

Он поцеловал ее в губы, и она ощутила острый ароматный вкус его сигар, от которого почувствовала себя в безопасности. Наконец он разнял руки и усадил Луизу на мягкий диван перед камином. Потом прошел к столу, где стояли хрустальные бокалы и графин с рубиново-красной жидкостью. Налил и принес ей.

– Выпей. Это прогонит дурные мысли.

Она подавилась и закашлялась от крепкого спиртного, но потом дивное тепло разлилось по ее телу до кончиков пальцев на руках и ногах. Хозяин сел рядом, гладил ее по волосам и негромко рассказывал, как она красива, какая она хорошая девочка и как он скучал по ней. Успокоенная теплом в желудке и гипнотическим голосом, Луиза положила голову ему на грудь. Он приподнял край ее ночной рубашки, и она выбралась из нее. Теперь она была совершенно нагая. Она не испытывала никакого стыда, когда он играл ее телом и целовал лицо. И поворачивалась так, чтобы ему было удобнее.

Неожиданно он встал. Она смотрела, как он снимает рубашку и штаны. Когда он вернулся к дивану и остановился перед ней, ему не нужно было направлять ее руки: она сама совершенно естественно протянула их. Она смотрела на его член, когда, как он учил ее, оттянула назад кожу, обнажив блестящую, цвета сливы головку. Тогда он взял ее руки, отвел их и опустил перед ней на пол. Развел ей колени и уложил ее на спину, на мягкий бархат дивана. Опустил лицо, и она почувствовала, как его усы щекочут ее тело между бедер и перемещаются выше.

– Что вы делаете?! – в тревоге воскликнула Луиза. Раньше он так не делал, и она попыталась сесть. Он прижал ее, и она вдруг закричала и впилась ногтями ему в плечи. Его губы прижались к ее самым интимным местам. Ощущение было таким острым, что на мгновение Луизе показалось, что она теряет сознание.

Он спускался за ней по винтовой лестнице не каждый вечер. Часто по вечерам слышался грохот карет на булыжной мостовой под окном Луизы. Она задувала свечу и из-за занавески смотрела, как на очередной банкет или званый вечер приезжают гости минхеера ван Риттерса. После их отъезда она долго лежала без сна, надеясь услышать его шаги на лестнице, но обычно ее ждало разочарование.

На недели или даже месяцы он исчезал, уплывал на одном из своих кораблей в далекие края с необычными названиями. Когда его не было, она скучала и не находила себе места. Луиза обнаружила, что у нее не хватает терпения даже на Гертруду, и была очень недовольна собой.

Когда он возвращался, его присутствие заполняло весь большой дом, даже слуги оживлялись, всех охватывало возбуждение. Неожиданно всякая скука, всякое томление исчезали, когда Луиза слышала его шаги на лестнице, и она вскакивала с кровати и бежала к потайной двери встретить его. Позже он придумал сигнал, чтобы вызывать ее к себе, а не спускаться к ней. За ужином он посылал лакея с розой для Гертруды. Никто из слуг, доставлявших розу, не считал это странным: все знали, что минхеер испытывает необъяснимую привязанность к своей некрасивой и не слишком умной дочери. Но в такие вечера дверь наверху винтовой лестницы оставалась открытой, и когда Луиза проходила в нее, он ее ждал.

Эти встречи никогда не бывали одинаковыми. Каждый раз он изобретал для них обоих какую-нибудь новую игру. Заставлял ее надевать фантастические костюмы, играть роль молочницы, конюха или принцессы. Иногда приказывал ей надевать маску в виде головы демона или дикого зверя.

В другие вечера они разглядывали рисунки в зеленой книге и потом разыгрывали изображенные на них сцены. Когда он в первый раз показал ей рисунок, на котором девушка лежала под юношей и его стержень был на всю длину погружен в нее, Луиза не поверила, что такое возможно. Но он был мягок, терпелив и предупредителен, так что когда это произошло, боль не была сильной и лишь несколько капель девственной крови упали на простыни широкой кровати. Луизе казалось, что она добилась чего-то невероятного, и, оставшись одна, она со страхом и благоговением разглядывала нижнюю часть своего тела. Она была убеждена, что теперь уж хозяин ничему больше не может ее научить. Считала, что научилась доставлять ему и себе наслаждение самым удобным способом. Но она ошибалась.

Он уехал в одно из своих бесконечных путешествий, на этот раз в город под названием Санкт-Петербург, ко двору царя Петра Алексеевича – которого некоторые называли Петром Великим, – чтобы позаботиться о своих интересах в торговле ценными мехами. Когда он вернулся, Луиза была вне себя от возбуждения, и ей не пришлось долго ждать вызова. В этот вечер лакей принес Гертруде красную розу; Луиза в это время нарезала жареного цыпленка.

– Чему ты так радуешься, Луиза? – спросила Гертруда, глядя, как Луиза танцует по спальне.

– Потому что я люблю тебя, Гerti, и всех на свете, – пропела Луиза.

Гертруда захлопала в ладоши.

– А я люблю тебя, Луиза.

Вечером, войдя через потайную дверь в спальню минхеера ван Риттерса, Луиза изумленно остановилась. Новая игра... она смутилась и даже испугалась. Слишком похоже на явь и страшно.

Голова минхеера ван Риттерса скрывалась под плотной черной кожаной маской с грубыми прорезями для глаз и рта. На нем был черный кожаный фартук и блестящие черные сапоги выше колен. Руки в черных перчатках он скрестил на груди. Она едва сумела оторвать от него взгляд, чтобы посмотреть на злое сооружение, стоявшее в центре комнаты. К таким привязывают преступников, когда публично бичуют их перед зданием суда. Но вместо обычных цепей с верха треножника свисали шелковые шнуры.

Она улыбнулась дрожащими губами, но он непроницаемо смотрел на нее через прорези в черном капюшоне. Ей захотелось повернуться и убежать, но он предвосхитил ее намерение. Подошел к двери и запер ее на ключ. Потом положил ключ в передний карман своего фартука. Ноги под ней подогнулись, и она опустилась на пол.

– Простите, – прошептала она. – Пожалуйста, не делайте мне больно.

– За грех блуда ты приговариваешься к двадцати ударам хлыстом.

Голос его звучал строго и резко.

– Пожалуйста, отпустите меня. Я не хочу играть в эту игру.

– Это не игра.

Он подошел к ней и, хотя она просила сжалиться, поднял и провел к треножнику. Привязал руки высоко над головой шелковыми шнурами. Луиза, с длинными золотистыми волосами, спадавшими на лицо, оглядывалась на него.

– Что вы со мной сделаете?

Он прошел к столу у дальней стены комнаты и, повернувшись к Луизе спиной, что-то взял. Потом, с театральной медлительностью, снова повернулся к ней с хлыстом в руке. Она заскулила, стараясь высвободиться из шелковых уз, связывавших руки, повисла на треножнике, дергаясь и извиваясь. Он подошел к ней, вложил палец в разрез ночной рубашки и разорвал ее донизу. Отбросил обрывки, и Луиза осталась обнаженной. Потом обошел треножник, остановился перед ней, и она увидела большую выпуклость под кожаным фартуком – свидетельство его возбуждения.

– Двадцать ударов, – повторил он холодным, незнакомым чужим голосом, – и ты будешь считать каждый удар. Поняла, маленькая распутница?

– Я не понимаю, в чем провинилась. Мне казалось, вам нравится.

Он взмахнул хлыстом, и плетью просвистела в воздухе у самого ее лица. Потом он зашел сзади, и она закрыла глаза и напряглась всем телом, но все равно боль была невероятной, и Луиза громко закричала.

– Считай, – приказал он, и она подчинилась, шевеля побелевшими дрожащими губами.

– Один! – прокричала она.

Так продолжалось без жалости, без перерывов, пока она не лишилась чувств. Он поднес к ее носу маленький зеленый флакон, и едкие испарения привели ее в себя. И все началось снова.

– Считай! – приказал он.

Наконец она смогла прошептать «двадцать», и он положил хлыст на стол. Подходя к ней, он развязывал кожаные ремешки фартука. Луиза висела на треножнике, не в силах поднять голову или упереться во что-нибудь. Спина, ягодицы и верхняя часть ног горели словно в огне.

Он подошел к ней сзади, и она почувствовала, как он раздвигает ее красные исхлестанные ягодицы. Последовала боль, еще более сильная, чем все предыдущее. Он вошел в нее самым противоестественным, извращенным путем, разрывал ее на части. Страшная боль охватила внутренности Луизы, и в ней нашлись новые силы, чтобы кричать, кричать...

Наконец он снял ее с треножника, закутал в одеяло и отнес вниз по лестнице. И, ни слова не сказав, оставил в кровати, в слезах. Утром, с трудом добравшись до туалета и сев на резное сиденье, она обнаружила, что по-прежнему кровоточит.

Семь дней спустя, когда ее шрамы еще не залечились, Гертруда снова получила красную розу. Дрожа, беззвучно плача, Луиза поднялась по лестнице в ответ на призыв. А когда вошла, в центре комнаты стоял треножник, а на минхеере были маска и кожаный фартук палача.

Ей потребовались месяцы, чтобы набраться храбрости, но наконец она пошла к Элизе и рассказала, как обращается с ней минхеер. Она задрала юбку и повернулась, чтобы показать шрамы на спине. Потом нагнулась и показала красный, воспаленный задний проход.

– Прикройся, бесстыдная шлюха, – закричала Элиза и ударила ее по щеке. – Как ты смеешь клеветать на такого великого и доброго человека? Я немедленно доложу об этом минхееру, а пока велю Сталсу закрыть тебя в винном погребе.

Два дня Луиза провела на каменном полу в темном углу погреба. Боль ниже спины грозила поглотить всю ее душу. На третий день за ней из города явились сержант и трое солдат из городской стражи. Когда ее выводили во двор кухни, она поискала взглядом Гертруду, Элизу или Сталса, но не увидела ни их, ни других слуг.

– Спасибо, что спасли меня, – сказала она сержанту. – Еще день я бы не перенесла.

Он бросил на нее загадочный взгляд.

– Мы обыскали твою комнату и нашли украденные тобой драгоценности, – сказал он. – Какая чудовищная неблагодарность по отношению к человеку, который был так добр к тебе! Посмотрим, что скажет магистрат.

Магистрат страдал от последствий вчерашних вечерних излишеств. Он был одним из пятидесяти гостей на приеме в Хоис-Брабанте, чьи погреба и стол славились по всем Нидерландам. Коэн ван Риттерс был его старым другом, и магистрат сердито посмотрел на молодую женщину, которую привели к нему. Накануне вечером Коэн говорил с ним об этой девчонке, пока они курили сигары и приканчивали бутылку старого коньяка. Магистрат нетерпеливо выслушал отчет сержанта о найденных доказательствах; сержант положил перед ним сверток с украденными драгоценностями, найденный в комнате Луизы.

– Подсудимая приговаривается к пожизненной каторге в Батавии, – вынес решение магистрат.

«Золотая чайка» стояла в гавани, готовая к отплытию. Из суда Луизу отвели прямо на корабль. Там ее встретил старший надзиратель. Он внес ее имя в список, потом двое его людей надели на ноги девушке цепи и отвели ее на нижнюю палубу.

И вот теперь, почти год спустя, «Золотая чайка» стоит на якоре в Столовом заливе. Даже сквозь толстые дубовые доски борта Луиза расслышала окрик:

– Шлюпка с продуктами. Разрешите причалить?

Она очнулась после долгой задумчивости и всмотрелась в щель крышки оружейного порта. И увидела шлюпку, в которой гребли к кораблю несколько черных и белых. На носу стоял высокий широкоплечий головорез, и Луиза вздрогнула, узнав того, что был за рулем. Тот самый молодой человек, который спросил ее имя и бросил ей рыбу. Она дралась за обладание этим драгоценным даром, потом разрезала своим лезвием и поделилась с тремя другими женщинами. Они не были ее подругами – на борту этого корабля друзей вообще не могло быть, но в самом начале плавания эти четверо заключили договор о взаимозащите, просто чтобы выжить. Они съели рыбу сырой под завистливыми взглядами других женщин, которые столпились вокруг, ожидая возможности ухватить кусок.

Глядя, как тяжело груженная продуктами шлюпка причаливает к борту корабля, Луиза с тоской вспоминала замечательный вкус сырой рыбы. Послышался стук, крики, заскрипели лебедки, офицеры выкрикивали приказы. Луиза в щель видела, как на борт поднимают корзины и ящики со свежими продуктами. Она чувствовала запах фруктов и свежесамаринованных овощей. Рот ее наполнился слюной, но она знала, что большая часть этого изобилия пойдет в офицерскую столовую, а то, что останется, – матросам и тюремщикам. И ничего не дойдет до заключенных. Как и раньше, они будут получать сухари, изъеденные долгоносиками, и соленую свинину, кишашую червями.

Неожиданно она услышала стук в крышку оружейного порта дальше по палубе и мужской голос, произносивший негромко, но настойчиво:

– Луиза! Есть здесь Луиза?

Прежде чем она смогла ответить, другая женщина завопила в ответ:

– Я, дорогой, я Луиза. Хочешь попробовать мой горшочек с медом?

Все рассмеялись.

Луиза узнала мужской голос. Она пыталась перекричать хор грязных предложений и обвинений, но женщины заглушали ее со злобной радостью, и она поняла, что ее не услышат. С растущим отчаянием она всматривалась в щель, но поле зрения было ограничено.

– Я здесь! – кричала она по-голландски. – Я Луиза!

Неожиданно перед ней появилось его лицо. Он, должно быть, стоял на банке шлюпки, пришвартованной сразу под портом.

– Луиза? – Он прижался глазом с другой стороны щели, и они посмотрели друг на друга с расстояния в несколько дюймов. – Да. – Он неожиданно рассмеялся. – Голубые глаза! Ярко-голубые глаза.

– Кто ты? Как тебя зовут?

Повинуясь какому-то порыву, она заговорила по-английски.

– Ты говоришь по-английски?

– Нет, болван, по-китайски! – рявкнула она в ответ, и он снова рассмеялся. Судя по голосу, он был человек властный и дерзкий, но это единственный дружелюбный голос, какой она слышала за год.

– Какая ты бойкая! У меня есть для тебя кое-что еще. Можешь открыть эту крышку? – спросил он.

– Когда сверху смотрят все стражники? – в ответ спросила она. – Если увидят, что мы разговариваем, меня изобьют.

– Нет, нас скрывает крутизна борта.

– Подожди, – сказала она и вытащила свой кинжал. Быстро перерезала последние волокна, которые еще удерживали на месте замок. Потом откинулась назад, прижалась босыми ногами к крышке порта и надавила изо всех сил. Петли заскрежетали и подались на несколько дюймов. Она увидела его пальцы: он пытался сделать щель пошире.

Потом он просунул в отверстие небольшой парусиновый сверток.

– Там тебе письмо, – прошептал он, приблизив лицо. – Прочти.

И он исчез.

– погоди! – взмолилась она, и его лицо снова появилось в отверстии. – Ты не сказал, как тебя зовут.

– Джим. Джим Кортни.

– Спасибо, Джим Кортни, – сказала она и опустила крышку.

Три женщины плотным защитным кольцом окружили ее, пока она раскрывала пакет. Они быстро разделили сушеное мясо и жесткие сухари и с отчаянной жадностью сгрызли эту неаппетитную пищу. Увидев гребень для волос, Луиза почувствовала, что на глаза ей навернулись слезы. Гребень был из пятнистого черепашьего панциря цвета меда. Она провела гребнем по волосам; он скользил гладко, не выдергивая пряди, как грубая гребенка, которую она вырезала из дерева. Затем она обнаружила напильник и нож, завернутые вместе в обрывок ткани. Нож с роговой ручкой, его лезвие, которое она попробовала на пальце, оказалось тонкое и острое. Отличное оружие. Маленький прочный напильник, трехгранный. Луиза впервые за все эти месяцы почувствовала прилив надежды. Она посмотрела на кандалы на ногах. Кожа под ними покрылась мозолями. Нож и напильник – дар бесценный, но больше всего ее тронул гребень. Это доказательство, что он видит в ней женщину, а не арестантку, отребье из канав и трущоб. Она порылась в мешке в поисках обещанного письма. Это был

один листок дешевой бумаги, искусно сложенный конвертом. Четким крупным почерком на нем было написано «Луизе». Она развернула листок, стараясь не разорвать. Написано было на ломаном голландском, но она сумела понять суть.

«Напильником перепили кандалы. Завтра ночью под кормой будет ждать лодка. Когда услышишь две склянки средней вахты, прыгай. Я услышу всплеск. Не трусь».

Ее сердце учащенно забилося. Она сразу поняла, что шансы на успех ничтожны. Могут помешать сотни обстоятельств, не считая мушкетной пули или акульих зубов. Но главное, она нашла друга, а с ним надежду на спасение, пусть и очень слабую. Она разорвала записку на мелкие кусочки и бросила их в зловонное ведро с испражнениями. Никто из стражников и не подумает искать там. Потом она забралась под лафет, в темноту, в единственное место, где могла побыть одна, и села, сложив ноги так, чтобы легко добраться до цепей. Первым же прикосновением напильника она провела мелкую, но яркую бороздку, и несколько частиц железа полетели на палубу. Кандалы были выкованы из незакаленной стали плохого качества, но требовались время и настойчивость, чтобы распилить их.

– В моем распоряжении день и ночь, – подбадривала она себя. – До двух склянок средней вахты.

Луиза прижала напильник к бороздке, и новые частицы железа посыпались на палубу.

Лодка избавилась от груза и теперь шла легко. За рулем сидел Мансур, а Джим греб и поглядывал назад, за корму. Снова и снова он улыбался, вспоминая короткий разговор с Луизой. Она говорит по-английски, на хорошем английском, лишь с легким голландским акцентом, она умна и быстро соображает. Она быстро применяется к обстоятельствам. Это не безмозглая воровка или шлюха. Он видел в щель ее голые ноги, когда она помогала ему приоткрыть крышку. Болезненно худые и натерты цепями, но длинные и прямые, не кривые, не изуродованы рахитом. «Отличная кровь!» – как сказал бы его отец о породистой кобыле. Рука, которая взяла сверток, была грязной, с обломанными растрескавшимися ногтями, но красивой формы, и пальцы тонкие, заостренные. Рука дамы, а не рабыни или судомойки. «Да, она не пахнет розами или лавандой. Но она бог знает сколько времени провела в этой грязной лохани. А ты чего ожидал?» Он находил ей оправдания. Потом подумал о ее глазах, удивительных голубых глазах, и на его лице появилось мягкое, мечтательное выражение.

– Эй, братишка! – крикнул Мансур. – Греби! Если будешь зевать, мы наткнемся на остров Роббен.

Джим очнулся как раз вовремя, чтобы встретить следующую волну, поднявшую корму лодки.

– Море волнуется, – хмыкнул его отец. – Как бы к утру не разыгралась буря. Надо перевезти остатки груза, пока не начало штормить.

Джим оторвал взгляд от удалявшегося корабля и посмотрел за него. Сердце его дрогнуло. Грозовые тучи на горизонте напоминали темные горы.

«Нужно придумать предлог, чтобы остаться на берегу, когда повезут последний груз на «Золотую чайку», – решил он. – Другого шанса подготовиться у меня не будет».

Когда мулы начали вытаскивать шлюпку на берег, Джим сказал отцу:

– Надо отнести капитану Гуго его долю. Если не положить в его толстый кулак горстку монет, он может нам навредить.

– Пусть старый вор подождет. Ты мне нужен, чтобы помочь со следующим грузом.

– Я обещал Гуго, да и у тебя для следующей ходки есть полный экипаж.

Том Кортни проницательно посмотрел на сына. Он хорошо его знал. Джим что-то задумал. Не в привычках Джима уваливать от работы. Напротив, это скала, на которую Том вполне может опереться. Именно он наладил отношения с интендантом тюремного корабля,

он получил у Гуго разрешение на торговлю, он руководил разгрузкой первой шлюпки. Ему можно доверять.

– Ну, не знаю...

Том задумчиво погладил подбородок.

Быстро вмешался Мансур.

– Отпусти его, дядя Том. Я его заменю.

– Хорошо, Джим. Иди в гости к своему другу Гуго, – согласился Том, – но будь на берегу, чтобы помочь с лодками, когда мы вернемся.

* * *

Позже с гребня дюны Джим смотрел, как шлюпки с последним грузом для «Золотой чайки» гребут к кораблю. Ему показалось, что волны выше, чем утром, и ветер ерошит гривы этого табуна скачущих белых лошадей.

– Помилуй нас Боже, – вслух сказал он. – Если начнется шторм, я не смогу подобрать девушку, пока он не закончится.

И тут он вспомнил свои указания ей. Он велел ей точно в две склянки средней вахты прыгать за борт. Он не может отправить ей другое послание, чтобы она этого не делала. Хватит ли у нее здравого смысла остаться на борту в бурю, поймет ли она, что он не мог явиться на свидание, или все равно бросится за борт и погибнет в темноте? Мысль о том, как она будет тонуть в темных водах, была словно удар кулаком в живот, и его затошнило. Он повернул Драмфайра головой к крепости и сжал бока лошади коленями.

Капитан Гуго удивился, но и обрадовался тому, что так быстро получил комиссионные. Джим бесцеремонно оставил его, отказавшись даже от чашки кофе, и поскакал назад на берег. В пути он напряженно размышлял.

У него так мало времени, чтобы все продумать. Всего несколько часов назад он убедился, что у девушки хватит духа решиться на опасный побег. Прежде всего, если удастся доставить ее на берег, надо будет отыскать для нее безопасное укрытие. Как только ее исчезновение обнаружат, на поиски отправится весь гарнизон – сотня пехотинцев и кавалерийский эскадрон. У войск компании в крепости мало других дел, и охота за человеком, тем более за женщиной, будет самым будоражающим воспоминанием за все годы службы. Полковник Кайзер, командир гарнизона, захочет обязательно поймать сбежавшую арестантку.

Впервые Джим позволил себе задуматься о последствиях, если его опрометчивый план рухнет. И встревожился: он может навлечь беду на семью. Строгий закон, изданный директорами ВОК, всемогущими Семнадцатью из Амстердама, запрещал иностранцам поселяться или вести дела в колонии. Однако, как и со многими другими строгими законами директоров в Амстердаме, была возможность обойти его в особых обстоятельствах. К таким особым обстоятельствам относилась выраженная в крупных суммах благодарность его превосходительству губернатору ван де Виттену. Братьям Кортни разрешение проживать и вести торговлю в колонии Доброй Надежды обходилось в двадцать тысяч гульденов ежегодно. Ван де Виттен вряд ли захочет отменить свое разрешение. Они с Томом Кортни были в дружеских отношениях, и Том делал щедрые взносы в неформальный пенсионный фонд ван де Виттена.

Джим надеялся, что если они с девушкой просто исчезнут из колонии, его семью не в чем будет обвинить. Конечно, возникнут подозрения; в конечном счете это может стоить отцу еще одного дара ван де Виттену, но, если он не вернется, все закончится благополучно.

Есть только две возможности бегства из колонии. Самый естественный и наилучший – морем. Но для этого нужен корабль. Братьям Кортни принадлежат два вооруженных торговых корабля – две легко управляемые и быстроходные шхуны для торговли с далекими

местностями вплоть до Аравии и Бомбея. Однако сию минуту оба корабля в море и не вернутся назад до перемены муссона, а это произойдет лишь через несколько месяцев.

У Джима собрано немного денег, возможно, даже достаточно, чтобы заплатить за проезд на одном из кораблей, стоящих сейчас в Столовом заливе. Но как только об исчезновении девушки доложат, полковник Кайзер первым делом отправит на борта всех кораблей отряды – с обыском. Можно попытаться украсть лодку, например, баркас с достаточными мореходными качествами, чтобы они с девушкой смогли добраться до одного из португальских портов на побережье Мозамбика, но всех капитанов предупредят о возможности пиратства. И наиболее вероятной наградой за его усилия станет мушкетная пуля в живот.

Приходится признать, что даже при самом благоприятном стечении обстоятельств морской маршрут для них закрыт. Остается другой. Джим повернулся и посмотрел на север, на далекие горы, с которых еще не стаял зимний снег. Он остановил Драмфайра и задумался о том, что там. Сам Джим отъезжал от колонии в сторону этих вершин не более чем на пятьдесят миль, но он знал людей, которые уходили гораздо дальше и возвращались с огромными запасами слоновой кости. Рассказывали даже о старом охотнике, который на берегу безымянной речки далеко к северу подобрал блестящий камень и продал алмаз в Амстердаме за сто тысяч гульденов. Джим чувствовал, как от возбуждения у него покалывает кожу. Много раз по ночам мечтал он о том, что скрывалось за голубым горизонтом. Он говорил об этом с Мансуром и Замой, и они обещали друг другу когда-нибудь отправиться туда. Неужели боги приключений подслушали его хвастливые обещания и сговорились изгнать его в глухомань? Джим рассмеялся и послал Драмфайра вперед.

Отец, дядя Дориан, все слуги и освобожденные рабы в течение нескольких ближайших часов будут заняты, и Джиму надо действовать быстро. Он знал, где отец держит ключи от кладовой и арсенала. Он отобрал из стада в краале шесть крепких мулов, заседлал их и принялся грузить. Десяток лучших мушкетов, парусиновые сумки с пулями, бочонки с черным порохом, свинцовые стержни и формы, чтобы отливать новые пули; топоры, ножи и одеяла; бисер и ткани для торговли с дикими племенами, которые могут встретиться; основные лекарства, котлы, бутылки для воды; иголки и нитки и все прочее необходимое для жизни в глуши, но никаких излишеств. Кофе не излишество, уговаривал он себя и добавил мешок с кофейными зернами.

Когда животные были нагружены, он отвел вереницу мулов в спокойное место у ручья в лесу почти в двух милях от Хай-Уэлда. Здесь он снял с мулов поклажу, чтобы животные могли отдохнуть, стреножил и оставил пастись в роскошной траве на берегу ручья.

К тому времени как он вернулся в Хай-Уэлд, шлюпки уже возвращались от «Золотой чайки». Джим пошел навстречу отцу, Мансуру и возвращавшимся экипажам, которые поднимались на дюны. Он поехал с ними и прислушивался к их разговорам. Все вымокли в морской воде и очень устали, потому что путь от голландского корабля в такую погоду был долгим и трудным.

Мансур описал его сжато:

– Тебе повезло, что тебя там не было. Волны обрушивались на нас, как водопад.

– Девушку видел? – спросил Джим шепотом, чтобы не услышал отец.

– Какую девушку?

Мансур бросил на него внимательный взгляд.

– Сам знаешь какую, – ответил Джим и ущипнул его за руку.

Мансур посерьезнел.

– Всех заключенных согнали на нижнюю палубу и закрыли люки. Один из офицеров сказал дяде Тому, что капитан собирается отплыть, как только кончит запасаться провизией и заполнит бочки с водой. Самое позднее – завтра. Он не хочет, чтобы буря задержала его у берега под ветром. – Он увидел на лице Джима отчаяние и сочувственно продолжил: –

Прости, брат, но корабль скорее всего завтра к полудню уйдет. Да и какой от нее толк, от арестантки? Ты ничего не знаешь о ней – мало ли что она натворила? Может, убила кого-нибудь. Пусть уплывает, Джим. Забудь о ней. В синем небе не одна птица, а на равнинах Камбеду не одна зеленая травинка.

Джим вспыхнул, гневные слова рвались у него с языка, но он сдержался. Оставив остальных, он направил Драмфайра на гребень дюны. С высоты он посмотрел на залив. Шторм собирался прямо на глазах, небо потемнело до срока. Ветер стонал и ерошил волосы Джима, развевал гриву Драмфайра. Пришлось защищать глаза от песка и пены, которыми швырялся ветер. Поверхность моря была покрыта белой пеной, высокие волны обрушивались на берег. Удивительно, что отец сумел привести назад лодки в такую зыбь, но Том Кортни опытный моряк.

Почти в двух милях от берега «Золотая чайка» казалась еле заметным серым пятном с голыми мачтами, которое покачивалось и исчезало за каждой новой волной, прокатывавшейся по заливу. Джим смотрел, пока темнота полностью не скрыла корабль. Тогда он поскакал через дюны назад в Хай-Уэлд. Здесь он застал Заму еще в конюшне, тот обтирал лошадей.

– Пойдем со мной, – приказал Джим, и Зама послушно пошел за ним в сад. Оказавшись там, где их не могли видеть из дома, они сели рядом и помолчали. Потом Джим заговорил на лози, языке лесов, чтобы Зама сразу понял: обсуждать придется очень серьезные дела.

– Я ухажу, – сказал он.

Зама смотрел ему в лицо, но с каким выражением, было скрыто темнотой.

– Куда, Сомойя? – спросил он.

Джим показал на север.

– Когда ты вернешься?

– Не знаю. Может, никогда, – ответил Джим.

– Тогда я должен попрощаться с отцом.

– Ты идешь со мной? – спросил Джим.

Зама посмотрел на него с упреком. Ответа на такой простой вопрос не требовалось.

– Аболи был отцом и мне. – Джим встал и обнял Заму за плечи. – Идем к его могиле.

Под вспышки молний они поднялись по холму, но у обоих было острое ночное зрение, и поднимались они быстро. Могила располагалась на восточном склоне, сознательно выбранном так, чтобы покойник каждое утро видел восход солнца. Джим помнил каждую подробность похорон. Том Кортни забил большого черного быка, и жены Аболи завернули труп старика во влажную бычью шкуру. Затем Том, как спящего ребенка, понес некогда могучее тело, ссохшееся от старости, и опустил в глубокую шахту. Он посадил Аболи прямо и положил рядом его оружие и самое ценное имущество. Затем вход в шахту закрыли огромным камнем. Чтобы поставить камень на место, потребовались две упряжки быков.

Теперь, в темноте, Джим и Зама склонились перед этим камнем и молились племенным богам лози и самому Аболи, который после смерти присоединился к мрачному пантеону. Раскатистый гром сопровождал их молитвы. Зама попросил у отца благословения на путешествие, которое их ожидало, потом Джим поблагодарил его за науку владеть мушкетом и шпагой и напомнил Аболи, как тот в первый раз взял его на охоту на львов.

– Защити своих сыновей так, как ты защищал нас в тот день, – попросил Джим, – потому что мы уходим в путешествие, сами не зная куда.

Потом они сидели спиной к могильному камню, и Джим объяснял Заме:

– Я подготовил мулов. Они стреножены у ручья. Отведи их в горы, к Маджубе, Месту Голубей, и жди меня там.

Маджуба – небольшая хижина у подножия холмов, которую пастухи Кортни использовали, когда летом перегоняли стада на высокогорные пастбища, а члены семьи Кортни –

при охоте на кваггу, антилопу канна и нильгау. В это время года хижина пустовала. Юноши попрощались с великим воином, сидящим в вечной тьме за камнем, и направились к поляне у ручья. Джим достал из одного выюка фонарь и при его свете помог Заме нагрузить на мулов тяжелые выюки. Потом направил его по тропе, уходящей на север в горы.

– Что бы ни случилось, я приду через два дня. Жди! – крикнул Джим на прощание, и Зама отправился дальше один.

К тому времени как Джим вернулся в Хай-Уэлд, в доме все спали. Но Сара, его мать, оставила ему на печи горячий ужин. Услышав, как он гремит кастрюлями, она вышла в ночной сорочке, села и наблюдала, как он ест. Она помалкивала, но ее глаза были печальны, а углы рта опустились.

– Да благословит тебя Бог, мой единственный сын, – прошептала она, целуя его на ночь. Ранее в тот же день она видела, как он повел в лес мулов, и чутьем матери поняла, что он уходит. Она взяла лампу и поднялась в спальню, где мирно храпел Том.

Джим этой ночью спал мало, прислушиваясь к ветру, который ударял в дом и гремел оконными ставнями. Встал он намного раньше остальных. В кухне налил себе чашку горячего черного кофе из эмалевого котелка, который всегда стоял в глубине печи. Еще затемно он прошел к конюшне и вывел Драмфайра. Проехал к берегу, и, как только поднялся на вершину дюны, ветер набросился на них из темноты, как голодный зверь. Джим отвел Драмфайра назад, под защиту дюны, потом пешком снова поднялся на вершину. Плотнее завернувшись в плащ, натянув шляпу с широкими полями, он сел ждать первых проблесков рассвета. Он думал о девушке. Она показала себя сообразительной, но достаточно ли она разумна, чтобы понять, что в такую погоду никакая лодка не сможет выйти в залив? Поймет ли, что он ее не бросил?

Низкие тяжелые облака отдаляли рассвет, но и с его приходом картина неистовства стихии лишь слегка осветилась. Джим встал; ему пришлось наклониться, преодолевая ветер, как будто он пересекал быструю реку. Держа шляпу обеими руками, он искал голландский корабль. Но вот вдали он заметил нечто менее непостоянное, чем потоки пены. Он продолжал смотреть; пятно в бурном море не исчезало.

– Парус! – воскликнул он, и ветер сорвал слово с его губ. Однако корабль находился не там, где Джим ожидал увидеть «Золотую чайку». Этот корабль под парусом, а не на якоре. Он должен понять, «Золотая чайка» ли это пытается выйти из залива, или какой-то другой корабль, стоявший здесь на якоре. Маленькая охотничья подозрительная труба в его седельной сумке! Он повернулся и побежал по мягкому песку туда, где укрыл от ветра Драмфайра.

Снова поднявшись на вершину, он искал корабль. Потребовалось несколько минут, чтобы найти его, но вот он увидел паруса. Сев на песок, используя колени и локти как треножник, чтобы сопротивляться ветру, он направил окуляр на далекий корабль. Он видел паруса, но волны закрывали корпус, пока случайная комбинация волн и ветра не подняла его высоко.

– Это он! – Сомнений не осталось. – «Золотая чайка».

Джима охватило гнетущее ощущение неумолимого рока. На его глазах Луизу уносило в какую-то грязную тюрьму на краю света, и он ничем не мог помешать.

– Господь, прошу тебя, не забирай ее у меня так скоро! – в отчаянии взмолился он, а далекий корабль уходил в бурю, капитан старался увести его подальше от смертоносного наветренного берега. Джим взглядом моряка следил в подозрительную трубу за маневрами корабля. Том хорошо обучил его, и Джим понимал действие и противодействие сил ветра, киля и паруса. Он видел, насколько близок корабль к катастрофе.

Свет усилился, и теперь даже невооруженным глазом можно было следить за страшной борьбой корабля с бурей. Еще через час корабль по-прежнему находился в заливе, и Джим перевел трубу с него на черный, похожий на акулу остров Роббен, охраняющий выход из

бухты. С каждой минутой становилось все очевиднее, что «Золотая чайка» не сможет выйти в море этим галсом. Капитану придется повернуть. У него нет выбора: дно под кораблем сейчас слишком далеко, чтобы попытаться снова бросить якорь, а буря неумолимо несет его на черные скалы острова. Если так пойдет и дальше, корпус будет разбит в щепки.

– Ну! – вскочил на ноги Джим. – Поворачивай! Ты убьешь их, идиот!

Он имел в виду и корабль, и девушку. Джим знал, что Луиза все еще заперта вниз, и даже если каким-то чудом она уйдет с оружейной палубы, цепи на ногах утянут ее вниз, едва она окажется за бортом.

Корабль упрямо шел прежним курсом. Поворот корабля в такой ветер означает смертельный риск, но капитан вскоре поймет, что у него нет другого выхода.

– Поздно! – стонал Джим. – Слишком поздно!

И тут он увидел, что началось: паруса провисли, их силуэт изменился – корабль разворачивался носом к буре. Джим, держа трубу дрожащими руками, смотрел и видел, как замедлился поворот. Наконец корабль застыл, все его паруса бились и хлопали, не давая возможности лечь на другой курс. И тут Джим заметил надвигающийся на судно очередной мощный шквал. Море у основания несущегося полога дождя и ветра вскипело, корабль накренился так, что показалось его дно, обросшее водорослями и ракушками. И тут его подхватил шквал. Судно исчезло, словно никогда не существовало. В отчаянии Джим ждал, когда оно снова появится. Корабль мог перевернуться вверх килем и даже вообще уйти на дно – он не знал, чего ожидать. Глаза его горели, перед ними все расплывалось, но он напряженно вглядывался в подозрную трубу. Шкалу, казалось, потребовалась целая вечность, чтобы уняться. Затем корабль неожиданно появился снова, но казалось, что это совсем другое судно, так разительно изменился его вид.

– Снесло мачты! – простонал Джим. Несмотря на вызванные напряжением и ветром слезы, которые текли по щекам, он не мог оторваться от окуляра. – И грот, и фок! Он потерял обе мачты!

Из раскачивающегося корпуса торчала только бизань-мачта, путаница парусов и тросов, свисавшая за борт, заметно замедлила ход корабля и его способность уваливать под ветер. Тот толкал корабль обратно в залив, но не на скалы острова Роббен, а прямо на роко-чущий прибой у берега в том месте, где стоял Джим.

Джим быстро подсчитывал расстояние, углы и скорость.

«Выбросит на берег меньше чем через час, – прошептал он. – Да поможет Господь тем, кто на борту, когда произойдет крушение. – Он опустил трубу и обратной стороной ладони вытер слезы со щек. – И прежде всего, Господь, помоги Луизе».

Он пытался представить себе, что сейчас происходит на нижней палубе «Золотой чайки», но воображение ему отказывало.

* * *

Ночью Луиза не сомкнула глаз. Час за часом, пока «Золотая чайка» вздымалась и опускалась на волнах, натягивая якорный канат, а шторм безжалостно выл в ее снастях, девушка сидела под лафетом орудия, работая напильником. Она обернула цепь куском парусины, чтобы приглушить скрежет металла о металл. Но от напильника у нее на ладони появился волдырь. Когда он лопнул, ей пришлось прикрыть рану парусиной. Первый бледный отблеск рассвета показался в щели крышки оружейного порта, а цепь удерживала только тонкая полоска металла, когда Луиза подняла голову и услышала грохот, который ни с чем нельзя было спутать, – гремела якорная цепь, – и топот босых ног матросов, работавших над ее головой за лебедкой. Потом на палубе послышались возгласы офицеров и шорох: матросы поднимались на мачты.

– Отплываем!

Это слово прокатилось по всей нижней палубе, и женщины проклинали судьбу, или бранили капитана и экипаж, или вообще кричали то, чего требовали Бог и их настроение. Отдых кончился. Мучения, связанные с плаванием в тропических водах, возобновлялись. Они почувствовали, как изменилось движение корабля, когда якорь был поднят со дна и судно ожило, начиная борьбу со штормом.

Мрачный горький гнев охватил Луизу. Спасение казалось таким близким! Она ползла к щели в крышке. Света было слишком мало, а пены и брызг слишком много, и она увидела лишь очертания суши. «Мы еще близко, – сказала она себе. – Милостью Бога, я бы еще могла добраться». Но в глубине души она знала, что несколько миль бурного моря, которые отделяли ее от берега, ей не преодолеть. Даже если она сумеет разрезать цепь, выбраться через оружейный порт и прыгнуть за борт, не пройдет и нескольких минут, как она уйдет под воду. А Джим Кортни не будет ждать ее, чтобы спасти.

– Лучше сразу утонуть, – сказала она себе, – чем гнить в этом завшивленном аду.

И принялась ожесточенно пилить последнюю полоску металла, удерживавшую цепь. Вокруг отчаянно кричали и вопили женщины: их безжалостно бросало из стороны в сторону. Буря раскачивала корабль, вертя его вправо-влево. Луиза заставляла себя продолжать работу. Еще несколько движений напильника, и звено распалось и цепь упала на пол. Луиза потратила всего минуту на то, чтобы растереть опухшие, израненные лодыжки. Потом залезла под орудие и взяла из тайника нож с роговой ручкой. «Никто не сможет меня остановить», – мрачно прошептала она. Она снова вернулась к порту и ослабила дужку замка. Потом спрятала нож в сумку под платьем. Спиной прижалась к крышке и попробовала открыть ее. Корабль накренился вправо, и палуба перед ней поднялась. Прилагая все силы, Луиза сумела приоткрыть крышку лишь на несколько дюймов, и тут же ее окатил сквозь щель поток соленой воды. Пришлось снова захлопнуть крышку.

– Помогите мне! Помогите открыть крышку порта! – в отчаянии обратилась она к трем своим союзницам среди заключенных. Те смотрели на нее с тупым, коровьим выражением. Помочь ей они смогут, только если им самим будет грозить опасность. Луиза бросила еще один взгляд в щель и между волнами разглядела темные очертания близкого острова.

«Сейчас мы должны повернуть, – подумала она, – или нас выбросит на скалы. – За месяцы заключения она научилась понимать, как движется и управляется корабль. – На другом галсе наклон корпуса будет мне помогать». Они присела, приготовилась, и наконец нос повернул по ветру и движение корпуса под Луизой изменилось. Сквозь свист ветра Луиза расслышала наверху голоса офицеров, отдающих приказы, и топот босых ног. Она подготовилась к переходу на другой галс. Но этого не произошло, корабль продолжал медленно и тяжело раскачиваться в воде.

Одна из женщин, у которой муж якобы был боцманом на корабле ВОК, бывавшем в Индии, отчаянно закричала:

– Капитан пропустил поворот бейдевинд, глупая свинья! Господи Иисусе, мы в цепях!

Луиза знала, что это значит. Корабль, стоя носом к ветру, потерял возможность поворота и теперь не может перейти на другой курс. Он, беспомощный, зажат в объятиях бури.

– Слышите?! – закричала женщина. И все услышали сквозь грохот бури приближающийся рев. – Шквал! Он нас перевернет!

Все беспомощно съежились в цепях и слушали, как звук нарастает. Вой и свист приближающегося шквала оглушил их; когда уже казалось, что он не может стать громче, шквал обрушился на корабль. Судно покачнулось, накренилось и начало валиться, как слон с простреленным сердцем. Все заглушал треск ломающихся и рвущихся снастей, потом громкий, как пушечный выстрел, хлопок треснувшего от давления грота. Корабль наклонился так, что оружейная палуба встала дыбом, и снасти, снаряжение и человеческие тела покатались

вниз, собираясь в кучи у корпуса. Высвободившиеся ядра катились на лежащих вповалку женщин. Пленницы кричали от ужаса и боли. Одно из ядер покатилося туда, где цеплялась за орудийный лафет Луиза. Она в последний миг бросилась в сторону, и ядро ударило женщину, сидевшую за ней. Луиза слышала, как у той хрустнули кости. Женщина сидела и с изумлением смотрела на свои переломанные ноги.

Одна из больших пушек, из бронзы, весом в девять тонн, сорвалась с креплений и заскользила по палубе. Она давила женщин на своем пути, словно колеса колесницы – кроликов, потом ударилась в борт. Даже массивные дубовые доски корпуса не выдержали этого удара. Пушка пробила борт и исчезла. В образовавшееся отверстие ринулось море и залило палубу ледяной зеленой водой. Луиза задержала дыхание и, цепляясь за лафет, погрузилась в воду. Потом она почувствовала, как корабль распрямляется: шквал пролетел и выпустил его. Вода вливалась в зиявшее в борту отверстие и заливала кричащих женщин. Женщины падали в пролом, и цепи мгновенно утягивали их вниз.

Не выпуская пушечного лафета, Луиза смогла, как в раскрытую дверь, заглянуть в отверстие в борту. Она увидела сломанную мачту и спутанные канаты и паруса, свисающие сверху с палубы. Увидела головы моряков, снесенных за борт. А за ними – берег Африки и высокий прибой у берега, словно орудийный салют. Искалеченный корабль несло прямо на берег. С ужасом, смешанным с надеждой, девушка наблюдала за этим неумолимым сближением. С каждой секундой берег приближался, а сорвавшаяся пушка открыла перед ней дорогу к бегству. Даже сквозь дождь и пену Луиза различала очертания берега, деревья, сгибавшиеся и плясавшие на ветру, а за ними разбросанные белые здания.

Беспомощный корабль несло все ближе к берегу, и теперь Луиза различала отдельные человеческие фигуры, бегущие по краю воды; некоторые махали руками, все кричали, но ветер не давал расслышать их крики. Их подтащило так близко, что в толпе зрителей Луиза различала мужчин, женщин и детей.

Потребовалось невероятное усилие воли, чтобы оставить безопасное место за пушкой, но Луиза сделала это и поползла по наклонной палубе, перебираясь через раздавленные тела и промокшие вещи. По-прежнему по всей палубе бесцельно катались пушечные ядра, такие тяжелые, что легко могли сломать ей кости; она уворачивалась от тех, что катились близко. И наконец добралась до дыры в борту, отверстия, достаточно широкого, чтобы в него смогла проскочить лошадь. Луиза вцепилась в расколотые доски и сквозь пену всмотрелась в бушующий у берега прибой. Отец учил ее плавать и грести в озере Моои-Уитсиг. Он плыл рядом с ней, подбадривал, и она сумела переплыть озеро. Но здесь все было иначе. Она знала, что и нескольких секунд не продержится в этом водовороте безумного прибоя.

Теперь берег был так близко, что она видела лица зрителей, ожидающих крушения. Некоторые возбужденно смеялись, двое или трое детей приплясывали и махали руками над головой. Никто не испытывал сочувствия или жалости к кораблю и к тем, кто оказался на его борту в смертельной опасности. Для них это было как бой гладиаторов в Древнем Риме, к тому же прельщала возможность присвоить то, что море выбросит на берег.

Луиза видела, как со стороны крепости бегом приближается группа солдат. Их возглавлял офицер на лошади, в тусклом свете блестели знаки различия на его зелено-желтом мундире. И поняла, что даже если ей удастся добраться до берега, ее будут ждать солдаты.

Вопли и стоны женщин вокруг нее зазвучали с новой силой: все почувствовали, как корабль коснулся дна. Потом вырвался, продвинулся дальше, снова застрял, и балки корпуса содрогнулись от удара. На этот раз корпус прочно застрял в песке, и волны набросились на него, ряд за рядом, как чудовищная кавалерия. Корабль не сдавался, а волны одна за другой гулко бились в него, поднимая белые фонтаны пены. Корабль медленно поворачивался, правый борт встал выше левого. Луиза пролезла в зияющее отверстие. Она стояла во весь рост

на сильно наклоненном борту. Ветер рвал ее длинные светлые волосы, облепил худое тело рваным холстом платья, подчеркнув полные и круглые груди под мокрой тканью.

Она посмотрела в сторону берега и увидела в воде головы моряков, оставивших корабль. Один добрался до мелкого места и встал, но его тут же сбила набежавшая волна. Три женщины последовали за Луизой в отверстие в борту, они цеплялись за доски, но цепи на ногах замедляли их движения. Новая волна окатила корпус, и Луиза уцепилась за рей грот-мачты, висевший рядом. Вода поднялась ей по пояс, но она держалась. Когда волна схлынула, три другие женщины исчезли, цепи утянули их вниз, в зеленую воду.

Держась за рей, Луиза снова встала на ноги. Она поднималась из пены, как Афродита, и зрителей поразило это зрелище. Молодая, красивая – и в смертельной опасности. Это гораздо интереснее казней на площади перед крепостью. Люди плясали и махали руками. Теперь сквозь ветер слабо долетали их крики:

– Прыгай, рыжая!

– Плыви, покажи, как ты плаваешь!

– Это лучше тюремной камеры, киска?

Она видела на их лицах садистскую радость, слышала жесткость в голосах. И знала, что помощи от них ждать нечего. Она подняла глаза к небу, и в это мгновение какое-то движение привлекло ее внимание.

На гребне дюны прямо напротив гибнущего корабля появился всадник. Лошадь – великолепный гнедой жеребец. Всадник сидел на нем без седла. Он снял с себя всю одежду, кроме коротких штанов. Торс у него был светлый, словно из фарфора, но сильные молодые руки солнце окрасило в цвет тщательно выделанной кожи, а ветер относил назад густые темные волосы. Он посмотрел на девушку через песок и грохочущий прибой и вдруг поднял руки над головой и помахал ей. И тут она его узнала. Из всех сил замахала в ответ и закричала:

– Джим! Джим Кортни!

Джим с растущим ужасом наблюдал за последними минутами агонии «Золотой чайки». Немногие члены экипажа еще держались за опрокинутый корпус, потом осужденные женщины начали выбираться через разбитые орудийные порты и люки. Толпа на берегу насмеялась над ними, глядя, как они цепляются за окатываемый волнами корпус корабля. Когда женщину смывало и тяжелые цепи утаскивали ее на дно, раздавался иронический смех и зрители аплодировали. Потом киль корабля застрял в песке, и толчок сбросил большинство осужденных за борт.

Корабль все больше наклонялся, волны прибоя ударяли в него, и все больше матросов прыгало в воду. И мало кто поднимался на поверхность. На берег вынесло несколько утопленников, и зрители оттащили их подальше от воды. Едва только стало очевидно, что они мертвы, их свалили неряшливой кучей и побежали назад к воде. Первый уцелевший прошел вброд к берегу и тут же упал на колени в благодарственной молитве. На берег выбросило трех осужденных женщин; они цеплялись за обломок мачты, и он помог им уцелеть, несмотря на цепи на ногах. Солдаты из крепости вошли в воду по пояс, вытащили женщин и арестовывали их. Джим видел, что одна из них тучная, со светлыми волосами. Из-под порванного платья торчали голые груди величиной с головки зеландского сыра. Отбиваясь от солдат, эта женщина выкрикнула какую-то непристойность подъехавшему полковнику Кайзеру. Кайзер наклонился в седле и саблей в ножнах так ударил ее, что она упала на колени. Но, глядя на полковника, продолжала кричать. На ее жирной щеке появился яркий пурпурный шрам.

От следующего удара она ткнулась лицом в песок, и солдаты утащили ее.

Джим в отчаянии разглядывал палубу, пытаясь отыскать Луизу, но не видел ее. Корабль высвободился из песка и опять двинулся к берегу. Потом снова прочно застрял и начал переворачиваться. Выжившие женщины скользили по наклонной палубе, одна за другой падали

в воду и исчезали в глубине. Теперь корабль лежал на боку. На нем не видно было ни живой души. Наконец Джим заметил отверстие, пробитое сорвавшейся пушкой. Оно было повернуто к небу, и из него вдруг выбралась стройная женская фигура и, шатаясь, встала на ноги. С ее золотых волос текла морская вода. Разорванная одежда едва прикрывала стройное тело. Ее можно было бы принять за мальчика, если бы не полные груди. Девушка умоляюще смотрела на толпу, которая насмехалась над ней.

– Прыгай, наживка для виселицы! – кричали ей.

– Плыви! Плыви к нам, рыбка!

Джим направил на ее лицо подзорную трубу, и ему не понадобился блеск сапфировых глаз, чтобы он узнал ее. Он вскочил и побежал по песку туда, где терпеливо стоял Драмфайр. Увидев Джима, жеребец поднял голову и заржал. На бегу Джим раздевался, бросая одежду на песок. Прыгая на одной ноге, потом на другой, он стащил сапоги и остался только в штанах. Добежав до жеребца, расстегнул подпругу; седло упало на землю. Потом он вскочил на голую спину Драмфайра и направил его на дюну.

Оттуда он со страхом бросил взгляд на корабль, опасаясь, что девушку могло смыть. Но приободрился, увидев Луизу на прежнем месте, где в последний раз ее видел. Однако страшные удары прибоя разносили под ней корабль в щепы. Джим поднял руки и помахал. Девушка дернула головой, посмотрела на него, и он увидел, что она его узнала. Отчаянно замахала в ответ руками, и, хотя ветер относил ее голос, Джим по губам прочел свое имя:

– Джим! Джим Кортни!

– Хоп! Хоп! – подгонял Джим Драмфайра, и жеребец понесся вниз по склону, вздымая белый песок и приседая, чтобы удержат равновесие при скольжении по дюне. Они галопом выскочили на берег, и толпа зрителей бросилась врассыпную от копыт стремительного Драмфайра. Кайзер погнал свою лошадь вперед, чтобы перехватить Джима. Его полное, гладко выбритое лицо было строго, а страусовые перья на шляпе струились, как белый прибор. Джим большим пальцем ноги коснулся бока жеребца, и Драмфайр обогнал лошадь полковника; теперь они неслись по берегу одни.

Им навстречу поднялась разбившаяся о берег волна, но сила ее была уже истрачена. Драмфайр не колеблясь поджал передние ноги под грудь и перемахнул через белый гребень, словно через изгородь. А когда приземлился по ту сторону, не нашел дна копытами. Он поплыл, и Джим соскользнул с его спины и поплыл рядом, вцепившись пальцами в гриву. Свободной рукой он направлял жеребца к потерпевшему крушение кораблю.

Драмфайр плыл, как выдра, его ноги двигались под поверхностью в могучем ритме. Он проплыл двадцать ярдов, прежде чем следующая высокая волна ударила, накрыла их и утащила под воду.

Девушка в ужасе смотрела на это с гибнущего корабля, и даже зрители на берегу замолчали; волна схлынула, и они искали глазами всадника и лошадь. И закричали, когда из пены показались их головы. Их отнесло назад на половину завоеванного расстояния, но жеребец продолжал мощно рассекать воду, и девушка слышала, как он мерно фыркает, выпуская из ноздрей воду. Длинные темные волосы облепили Джиму лицо и плечи. Она слышала его крики в грохоте волн:

– Вперед, Драмфайр! Хоп! Хоп!

Они плыли по ледяному зеленому морю, быстро наверстывая упущенное расстояние. Пришла еще одна волна, но они перевалили через ее гребень и теперь были уже на середине между берегом и кораблем. Девушка, удерживая непрочное равновесие, стояла на краю, готовая прыгнуть в воду.

– Нет! – закричал Джим. – Еще рано! Жди!

Он видел, как вздымается на горизонте следующая волна. По сравнению с ней предыдущие казались карликами. Подобная утесу, она казалась высеченной из малахита, отороченного кружевами белой пены. Величественно надвигаясь, она закрыла половину неба.

– Держись, Луиза! – крикнул Джим, и могучая волна обрушилась на корабль, поглотила его и, уйдя, оставила его под водой погруженным. Волна, как гигантский хищник, готовящийся к прыжку, собралась с силами. Долгие секунды лошадь и всадник плыли в ее загигающем фронте. Они были парой насекомых, застрявших в стене зеленого стекла. Потом волна надвинулась на них, изогнулась и обрушилась лавиной, такой тяжелой, что люди на берегу почувствовали, как земля у них под ногами дрогнула. Лошадь и всадник исчезли, их утащило так глубоко, что, конечно, они не смогут подняться на поверхность.

Зрители, которые несколько секунд назад радовались победе шторма, теперь стояли охваченные ужасом, ожидая невозможного – нового появления лошади и всадника. Потом вода схлынула, обнажился корпус корабля, и зрители увидели, что девушку не смыло: свисающие снасти не позволили утащить ее в воду. Она подняла голову – с длинных волос лилась вода – и принялась отчаянно искать лошадь и всадника. Секунды тянулись и становились минутами. Пришла еще одна волна, и еще, но они были не такие высокие и сильные, как та, что поглотила всадника и лошадь.

Луизу охватило отчаяние. Она боялась не за себя. Она знала, что ей предстоит умереть, но собственное благополучие больше не казалось ей важным. Она горевала о молодом незнакомце, который отдал жизнь, пытаясь спасти ее.

– Джим, – умоляла она, – пожалуйста, не умирай!

И словно в ответ на ее призыв на поверхности снова появились две головы. Обратный ход волны, захватившей их, отнес их назад, почти к тому месту, где они исчезли.

– Джим! – закричала Луиза и вскочила. Он был так близко, что она видела, как перекашивается его лицо от усилий вдохнуть, но он смотрел на нее и пытался что-то сказать. Может, прощался, но в глубине души она уже поняла, что этот человек никогда не сдастся. Даже перед лицом смерти. Он пытался выкрикнуть ей какой-то приказ, но из его горла лишь со свистом вырывалось дыхание. Лошадь снова поплыла, но когда она попыталась повернуть назад, к берегу, Джим ухватил ее за гриву и снова направил к кораблю. Он по-прежнему задыхался и голос отказывал ему, но свободной рукой сделал знак и был теперь так близко, что она видела решимость в его взгляде.

– Прыгать?! – крикнула она против ветра. – Я должна прыгнуть?

Он энергично кивнул, и она расслышала его хриплый голос:

– Прыгай!

Она оглянулась и увидела, что даже в такую отчаянную минуту он дождался промежутка между волнами, чтобы ее позвать. Луиза отбросила трос, который спас ее, сделала три быстрых шага по разбитой палубе и прыгнула за борт; платье вздулось вокруг ее талии, она отчаянно махала руками. Она ударилась о воду и ушла в глубину, чтобы почти сразу появиться. Прыгнула она, как ее учил отец, и теперь поплыла навстречу Джиму.

Джим вытянулся и схватил ее за руку. Он сдавил ее с такой силой, что Луиза подумала: он может сломать ей кости. А после того, что она пережила в Хоис-Брабанте, она решила, что никогда не позволит мужчине к себе прикоснуться. Но сейчас думать об этом было некогда. Следующая волна обрушилась на них, но Джим не разжал руку. Они снова вынырнули, Луиза задыхалась и отплевывалась, но чувствовала, как к ней возвращаются силы, как будто передаются через его пальцы. Он направил ее руку к гриве лошади и к этому времени вернул себе способность говорить.

– Не мешай ему.

Луиза поняла, о чем он, потому что знала лошадей, и не стала ложиться на спину плывущему жеребцу, отягощать его своим весом, но поплыла рядом. Теперь они направлялись

к берегу, и каждая следующая волна подхватывала их и несла вперед. Зрителей на берегу захватила эта картина спасения, и толпа с ее переменчивым, как всегда, настроением разразилась приветственными криками. Все знали эту лошадь, и большинство видело скачки в день Рождества. Джима Кортни в городе хорошо знали: некоторые завидовали ему, сыну богача, другие считали слишком дерзким, но все его уважали. Теперь он сражался с морем, а большинство зрителей были моряками. И их сердца устремились к нему.

– Держись, Джим!

– Силы твоим рукам!

– Плыви, Джим, парень, плыви!

Драмфайр почувствовал под ногами дно и мощно рванул вперед. К этому времени Джим отдышался и выкашлял большую часть воды из легких. Он перебросил ногу через спину жеребца и, как только сел, протянул руку и посадил Луизу позади себя. Она обеими руками обхватила его за талию и вцепилась изо всех сил. Драмфайр вылетел на мелкое место, разбрызгивая воду, и вот они уже на берегу.

Джим видел, что полковник Кайзер скачет им наперехват, и пустил Драмфайра галопом, Кайзер скакал за ним в двадцати шагах.

– Wag, joi donder! Стой! Она беглая арестантка! Отдай ее закону!

– Я сам доставлю ее в крепость! – ответил Джим не оглядываясь.

– Нет! Она моя! Немедленно отдай эту суку!

В голосе Кайзера звучала ярость. Подстегивая Драмфайра в этой гонке по берегу, Джим думал только об одном. Он рискнул слишком многим, чтобы отдать теперь девушку в крепость, тем более Кайзеру. Слишком часто ему приходилось видеть на площади перед крепостью бичевания и казни, которые проводились под руководством Кайзера. Прадеда самого Джима пытали и казнили на этой самой площади по ложному обвинению в пиратстве.

«Ее они не получают!» – мрачно пообещал он себе. Луиза обхватила его худыми руками, и он почувствовал, как ее тело прижимается к его обнаженной спине. И хотя она умирала с голоду, промокла и дрожала от холода, соленой воды и ветра, поднятого Драмфайром, он чувствовал ее решимость и храбрость, не уступавшие его собственным.

«Эта девчонка боец, – думал он. – Я ее не отдам». И крикнул ей:

– Держись крепче, Луиза. Вываляем жирного полковника в грязи!

Хотя она ничего не ответила и он слышал, как стучат ее зубы, она крепче обхватила его и пригнулась. По тому, как она держала равновесие и приспосабливалась к движениям Драмфайра, Джим понял, что она опытная наездница.

Оглянувшись, он увидел, что расстояние между ними увеличивается. Он уже соревновался с Трухарт и знал сильные и слабые стороны кобылы полковника. Быстрая и смелая, она вполне оправдывает свое имя – «Верное сердце», но Кайзер для нее слишком тяжел. На ровной твердой поверхности она в своей стихии и, вероятно, смогла бы догнать Драмфайра, но в песке, в скалах и на любой неровной местности большая сила Драмфайра давала ему преимущество. Хотя жеребец нес двоих, Луиза легка, как ласточка, а Джим не так плотно сложен, как полковник. Но Джим знал, что не стоит недооценивать кобылу. У нее сердце львицы, и на последней миле рождественской скачки она едва не загнала Драмфайра.

«Надо выбрать маршрут, который дает нам преимущество», – решил он. Здесь, между морем и горами, он изъездил верхом каждый дюйм и знал все холмы и болота, соляные равнины и леса, где у Драмфайра будет преимущество.

– Остановитесь, jongen⁷, или я буду стрелять! – послышался сзади крик, и, оглянувшись, Джим увидел, что полковник достает из кобуры на седле пистолет, отклоняясь, чтобы не задеть лошадь. С первого взгляда Джим определил, что пистолет одноствольный и что

⁷ Юноша.

второго в кобуре нет. Не сдерживая хода, он повернул Драмфайра налево, резко подрезая кобылу, и мгновенно заставил Кайзера изменить прицел с учетом отклонения. Даже опытный солдат вроде полковника с трудом сумеет внести поправку во время скачки.

Протянув руки назад, Джим схватил Луизу за талию и перебросил девушку вперед, зажимая под мышкой и защищая своим телом. Прогремел выстрел, и Джим ощутил удар пули. Попало куда-то высоко, в плечо, но шок быстро миновал, руки сохранили силу, а чувства остроту. Джим понял: рана легкая.

«Только поцарапало», – подумал он и сказал:

– Это был его единственный выстрел.

Он сказал это, чтобы подбодрить Луизу, и снова посадил ее за собой.

– Ты ранен! – со страхом воскликнула она. По его спине текла кровь.

– Об этом беспокоимся позже, – ответил он. – А теперь мы с Драмфайром покажем тебе кое-какие трюки.

Джим гордился собой. Только что он едва не утонул, его едва не застрелили, но он сохранил смелость и дерзость. Луиза нашла в его лице неукротимого защитника и приободрилась.

Однако, уклоняясь от выстрела, они проиграли в расстоянии, и сзади совсем близко слышался топот копыт Трухарт по песку; раздался скрежет стали – это Кайзер выхватил из ножен шпагу. Луиза оглянулась и увидела, что он стоит в стремях, высоко подняв шпагу над головой, но перемещение центра тяжести сбilo кобылу с ноги, и она споткнулась. Кайзер покачнувшись, схватился за луку седла, чтобы удержаться равновесие, и Драмфайр вырвался вперед. Джим пустил его вверх по склону высокой дюны, и здесь начало сказываться преимущество жеребца в силе. Он продвигался мощными скачками, выбрасывая песок из-под копыт. Под тяжестью полковника Трухарт на подъеме начала отставать.

Они поднялись на вершину и начали спускаться с противоположной стороны. У подножия дюны начиналась ровная местность, простиравшаяся до самого края лагуны. Луиза оглянулась.

– Он перезаряжает пистолет.

В ее голосе звучала тревога. Кайзер загонял пулю в ствол.

– Посмотрим, нельзя ли подмочить его порох, – ответил Джим.

Они добрались до края лагуны и бросились в воду.

– Плыви, – приказал Джим, и Луиза соскользнула со спины жеребца и поплыла рядом с ним. Оба оглянулись, когда Кайзер доскакал до лагуны и остановил кобылу. Он соскочил с нее и поджег порох на полке пистолета. Потом взвел курок и нацелил пистолет через открытую воду. Взметнулся столб белого порохового дыма. Пуля просвистела над их головами на расстоянии вытянутой руки.

– Теперь можешь бросать в нас сапоги! – крикнул Джим, и Кайзер гневно топнул. Джим надеялся, что сейчас он откажется от преследования. Даже в гневе он должен понять, что Трухарт тяжело нагружена, а они почти голые и на Драмфайре нет седла. Кайзер принял решение. Он сел верхом и в тот миг, когда Драмфайр выбрался на противоположный болотистый берег, направил кобылу в воду.

Джим сразу повернул жеребца параллельно берегу и, держась мягкой поверхности, позволил идти быстрым шагом.

– Нам нужно дать Драмфайру передохнуть, – сказал он бежавшей за ним Луизе. – Это плавание к кораблю любую лошадь лишило бы сил.

Он наблюдал за преследователями. Трухарт добралась только до середины лагуны.

– Кайзер потратил много времени на выстрелы. Но одно очевидно: со стрельбой покончено. Сейчас весь его порох промок.

– Вода смыла кровь с твоей раны, – сказала Луиза, легко дотрагиваясь до его спины. – Теперь я вижу, что рана легкая, поверхностная, слава Богу.

– Надо беспокоиться о тебе, – ответил Джим. – Ты кожа да кости, ни одного фунта плоти. Долго ли ты сможешь бежать на своих тощих ногах?

– Сколько и ты, – вспыхнула она, и на ее щеках вспыхнули гневные красные пятна.

Он, ничуть не раскаиваясь, улыбнулся.

– Еще до конца дня тебе придется это доказать. Кайзер переправился.

Далеко позади Трухарт вышла из лагуны, и Кайзер, с чьей одежды потоком стекала вода, сел верхом и пустил лошадь по берегу за ними. Он заставил кобылу идти галопом, но из-под ее копыт летели тяжелые комья почвы, и сразу стало ясно, что дается ей это нелегко. Джим держался болотистой местности именно для того, чтобы подвергнуть испытанию силы Трухарт.

– Садись! – Джим подхватил Луизу, посадил на спину лошади и побежал рядом. Он крепко держался за гриву, так что жеребец тащил его, и легко поспевал за ними, щадя силы животного. Время от времени он оглядывался, оценивая расстояние. Теперь можно позволить Кайзеру немного приблизиться. Драмфайр с Луизой на спине шел легко, в то время как кобыла сжигала силы в этом безрассудном преследовании.

Через полмили начал сказываться вес Кайзера, и Трухарт перешла на шаг. Их разделяло расстояние пистолетного выстрела. Джим заставил жеребца пойти медленнее, чтобы расстояние оставалось неизменным.

– Спуститесь на землю, ваша милость, – сказал Джим Луизе. – Дадим Драмфайру еще передышку.

Луиза легко спрыгнула, но сердито огрызнулась:

– Никогда не называй меня так.

Она вспомнила насмешки женщин на корабле.

– Может, лучше называть тебя Ежик? – спросил он. – Видит Бог, колючек у тебя предостаточно.

«Должно быть, Кайзер совсем устал, – подумал Джим, – потому что не слезает с лошади, не снимает с нее свой вес».

– С ними почти покончено, – сказал он Луизе.

Он знал, что впереди, все еще в пределах территории поместья Кортни, лежит соляная равнина, которая называется Большая Белая Гроота. Именно туда он заманивал Кайзера.

– Он приближается, – предупредила Луиза. Она видела, что Кайзер гонит кобылу галопом. Кобыла мужественно повиновалась его хлысту.

– Садись верхом! – приказал Джим.

– Я могу бежать столько же, сколько ты.

И она вызывающе мотнула волосами с кристалликами соли.

– Во имя Иисуса, женщина, неужели тебе обязательно надо перечить?

– А тебе обязательно надо богохульствовать? – парировала она, но позволила посадить себя на спину жеребца. Они двинулись дальше. Через милю Трухарт перешла на шаг, и они смогли сделать то же самое.

– Там начинается соль.

Джим показал вперед. Даже в бурю, при низких грозовых тучах, равнина сверкала как зеркало.

– Она кажется плоской и твердой.

Луиза всматривалась, заслонив глаза от света.

– Это только кажется: под твердой коркой – каша. С этим толстым голландцем и всем снаряжением на спине Трухарт будет проваливаться через каждые несколько шагов. Равнина

шириной почти три мили. Еще до того как они переберутся, у них не останется сил и... – он посмотрел на небо, – к тому времени стемнеет.

Солнце, хотя его скрывали тучи, должно быть, спустилось к горизонту, и тьма наступала быстро. Джим вел Драмфайра по плоской соляной равнине, девушка шла рядом. На краю леса они остановились и оглянулись.

На белой поверхности видны были отпечатки копыт Драмфайра, как длинная нитка черных бус. Даже для него переход по этой равнине оказался тяжелым испытанием. Далеко позади виднелась маленькая фигура на кобыле. Два часа спустя Трухарт с Кайзером на спине проломила соляную корку и провалилась в зыбучие пески под ней. Джим остановился и смотрел, как Кайзер вызволяет лошадь. Ему хотелось повернуть и помочь. Такое смелое красивое животное... ему тяжело было смотреть, как она, выбившись из сил, застревает в грязи. Но тут он вспомнил, что он безоружен и почти раздет, а у Кайзера сабля и он отличный фехтовальщик. Джим не раз видел, как он с кавалеристами упражняется на площади перед крепостью. Пока он колебался, Кайзер сумел вытащить кобылу из грязи и продолжил преследование.

Теперь он шел за ними. Джим нахмурился.

– Если и есть подходящее время для встречи с Кайзером, то когда он выйдет из соли. Он устанет, а у меня в темноте будет преимущество внезапности. Но у него шпага, а у меня ничего, – бормотал Джим.

Луиза коротко взглянула на него, скромно отвернувшись и сунула руку под подол платья. Нашла кинжал с роговой рукоятью, который спрятала в сумке на талии, и, ни слова не говоря, протянула Джиму. Он удивленно взглянул, потом рассмеялся, узнав кинжал.

– Беру назад все, что говорил о тебе. Ты настоящая морская разбойница, и ведешь себя так же.

– Следи за своим богохульным языком, Джим Кортни, – ответила Луиза, но в ее упреке не было жара. Она слишком устала, чтобы спорить, да и комплимент был приятный. И когда она отвернулась, на губах ее играла осторожная улыбка. Джим увел Драмфайра глубже в лес, и она последовала за ними. Через несколько сотен шагов, в самой густой части леса, он стреножил жеребца и сказал Луизе:

– Теперь можешь отдохнуть.

На этот раз она без возражений опустила на густую опавшую листву, свернулась клубком, закрыла глаза. Ей казалось, что у нее не хватит сил снова встать. Не успела эта мысль промелькнуть в ее голове, как Луиза крепко уснула.

Джим немного подождал, восхищаясь внезапно ставшими безмятежными чертами. Теперь девушка походила на спящего ребенка. Продолжая смотреть на нее, Джим раскрыл нож и попробовал лезвие на пальце. Потом наконец оторвался и побежал обратно, на край леса. Держась в укрытии, он всмотрелся в темнеющую соляную равнину. Кайзер упрямо продолжал приближаться, ведя кобылу.

«Неужели он никогда не сдастся?» – подумал Джим с некоторым восхищением. Потом огляделся, выбирая место рядом со следами Драмфайра, чтобы получше спрятаться. Выбрал полоску густых кустов, заполз в нее и присел, сжимая в руке нож.

Кайзер достиг края равнины и выбрался наконец на прочную почву. К этому времени уже настолько стемнело, что, хотя Джим слышал его хриплое дыхание, сам полковник оставался просто темным пятном. Он шел медленно, ведя кобылу, и Джим позволил ему миновать свое укрытие. Потом выбрался из кустов и пошел за ним. Звуки, которые он мог производить, заглушал топот копыт кобылы. Он сзади обхватил рукой горло полковника, одновременно прижимая острие ножа к мягкой коже за ухом.

– Я убью вас, если вы меня вынудите! – рявкнул он, стараясь говорить яростно.

Кайзер замер от неожиданности. Потом обрел дар речи.

– Вам это не сойдет с рук, Кортни. Вам некуда бежать. Отдайте женщину, и я договорюсь с вашим отцом и губернатором ван де Виттенем.

Джим вытащил шпагу из ножен на поясе Кайзера. Потом отпустил его горло и сделал шаг назад, но при этом острие шпаги прижимал к груди полковника.

– Раздевайтесь! – приказал он.

– Вы молоды и глупы, Кортни, – холодно ответил Кайзер. – Я постараюсь не забывать об этом.

– Сначала рубашку, – продолжал Джим. – Потом сапоги и штаны.

Кайзер не шевелился. Джим кольнул его в грудь, и полковник наконец неохотно начал расстегивать рубашку.

– Чего вы добиваетесь? – спросил он, снимая рубашку. – Это какое-то мальчишеское представление о рыцарстве? Эта женщина – осужденная преступница. Вероятно, проститутка или убийца.

– Скажете это еще раз, полковник, и я разрежу вас, как молочного поросенка.

На этот раз Джим кольнул до крови. Полковник сел, чтобы снять сапоги и штаны. Джим сунул их в седельную сумку Трухарт. Затем, прижимая острие шпаги к спине Кайзера, провел полковника – босого, в одном белье – к краю соляной равнины.

– Идите по своим следам, полковник, – сказал он, – и к завтраку будете в крепости.

– Послушайте меня, jongen, – сказал Кайзер высоким взвинченным голосом. – Я приду за вами. И когда вас повесят на площади, обещаю, что это будет происходить медленно.

– Если будете и дальше болтать, полковник, пропустите завтрак, – улыбнулся Джим. – Лучше ступайте-ка восвояси.

Он смотрел, как Кайзер идет по соляной поверхности. Неожиданно ветер разогнал тяжелые тучи, полная луна отразилась от корки соли и стало светло как днем. Видны были даже тени ног Кайзера. Джим смотрел ему вслед, пока полковник не превратился в темное пятно на горизонте, и понял, что возвращаться тот не станет. Сегодня по крайней мере. «Но мы не в последний раз видели доблестного полковника, – подумал он, – можно не сомневаться». Он подбежал к Трухарт и отвел ее в лес. Разбудил Луизу.

– Вставай, Ежик. Нас ждет долгое путешествие, – сказал он девушке. – Завтра к этому времени за нами будет идти кавалерийский эскадрон во главе с Кайзером.

Когда она сонно села, он прошел к Трухарт. К седельной сумке был привязан шерстяной кавалерийский плащ.

– В горах будет холодно, – предупредил он Луизу. Она еще не вполне проснулась и не сопротивлялась, когда он набросил плащ ей на плечи. Потом отыскал сумку полковника с продуктами. В ней лежали ломоть хлеба, кусок сыра, несколько яблок и бутылка вина.

– Полковник любит поесть.

Джим бросил девушке яблоко, и та съела его целиком, вместе с сердцевинкой и косточками.

– Слаще меда, – сказала она с набитым ртом. – Никогда ничего подобного не пробовала.

– Прожорливый маленький Ежик, – насмешливо сказал он, и она в ответ дерзко улыбнулась ему. Мало кто мог долго сердиться на Джима. Он присел перед ней на корточки, складным ножом отрезал кусок хлеба и положил на него сыр. Она съела с жадностью. Он смотрел на ее лицо в лунном свете. Она казалась похожей на фею.

– А ты? – спросила она. – Не будешь?

Он покачал головой: уже решил, что на них обоих не хватит, а девушка изголодалась.

– Где ты научилась так хорошо говорить по-английски?

– Моя мама из Девона.

– Вот это да! Да и мы оттуда. Мой прапрапрадед был вроде как герцогом.

– Мне называть тебя герцогом?

– Подойдет, пока я не придумаю что-нибудь получше, Ежик.

Она не могла ответить, потому что опять откусила хлеба с сыром. Пока она ела, он разобрал остальное имущество Кайзера. Примерил вышитую золотом рубашку.

– Войдем мы оба, зато тепло.

Штаны также были широки Джиму, но он подвязал их седельным ремнем. Потом примерил сапоги.

– Ну, хотя бы это мне впору.

– В Лондоне я видела пьесу «Оловянный солдатик», – сказала Луиза. – Ты сейчас похож на него.

– Ты была в Лондоне? – На Джима это произвело впечатление. Лондон – центр мироздания. – Ты должна все мне рассказать, как только у нас будет такая возможность.

Потом он провел лошадей к колодезю на краю соляной равнины, где поили скот. Они сами выкопали с Мансуром этот колодец два года назад. Вода в нем была пресная, и лошади жадно пили. Вернувшись с лошадьми, Джим увидел, что Луиза снова спит, укрывшись плащом. Он присел рядом и разглядывал в лунном свете ее лицо, чувствуя под ребрами странную пустоту. Позволил ей еще немного поспать, а сам покормил лошадей из мешка с зерном, который тоже нашелся у полковника.

Потом стал отбирать необходимое из пожитков Кайзера. Пистолет изящный, а в кожаной кобуре небольшой мешок с шомполом и прочими принадлежностями. Шпага из хорошей стали. В кармане рубашки Джим нашел золотые часы и кошелек со множеством серебряных гульденов и несколькими золотыми дукатами. В заднем кармане – медный ящичек с кремнем, кресалом и клочками ткани для растопки.

«Если я краду его лошадь, могу взять и золото», – сказал себе Джим. Однако забирать самые ценные пожитки Кайзера он не захотел, поэтому сложил золотые часы и медали в одну из седельных сумок и оставил на заметном месте посреди поляны. Он знал, что завтра Кайзер вернется сюда со следопытами-бушменами и обнаружит свои вещи. «Интересно, будет он мне благодарен?» Джим мрачно улыбнулся. Его несла по волнам какая-то безрассудная неизбежность. Он знал, что повернуть назад невозможно. Все решено. Джим снова надел седло на Трухарт и склонился к Луизе. Та свернулась под плащом в клубок. Он осторожно погладил ее по волосам.

Она открыла глаза и посмотрела на него.

– Не трогай меня так, – прошептала она. – Никогда больше не трогай меня так.

Голос ее был полон такой ненависти и горечи, что он отшатнулся. Несколько лет назад Джим поймал детеныша дикой кошки. Несмотря на все свое терпение, он так и не сумел приручить его. Котенок рычал, кусался, царапался. В конце концов пришлось отнести его в вельд и там оставить. Может, эта девушка такая же.

– Мне нужно было тебя разбудить, – сказал он. – Пора уходить.

Она сразу встала.

– Садись на кобылу, – приказал Джим. – У нее нежные губы и мягкий характер, но она резва, как ветер. – Он посадил девушку в седло, и она взяла повод и плотнее закуталась в плащ. Джим протянул ей остатки хлеба и сыра. – Можешь поесть по дороге. – Она ела все так же жадно, и Джим подумал: сколько же нужно было голодать, чтобы превратиться в такое голодное, обозленное существо? И усомнился в своей способности помочь ей или спасти ее. Но он отбросил эти сомнения и улыбнулся. Он считал, что улыбается примирительно. Однако ей улыбка показалась высокомерной. – Когда доберемся до Маджубы, Зама вернется с охоты. Надеюсь, он наполнит котел до краев. В состязании в еде с добрым полковником я бы поставил на тебя. – Он сел на Драмфайра. – Но вначале нужно кое-что здесь сделать.

Он двинулся быстрым шагом в сторону Хай-Уэлда, но далеко обогнул поместье. Было уже за полночь, но Джим все же не хотел случайно наткнуться на отца или дядю Дориана.

Новости о его проделке достигли их ушей почти в тот же миг, как он вытащил девушку из моря. Среди зрителей на берегу он видел много слуг и освобожденных рабов из поместья. И не мог теперь встречаться с отцом. «Тут мы сочувствия не дождемся, – думал он. – Отец попытается заставить меня отдать Луизу полковнику». Джим направился к строениям на краю загона. Спешился под деревьями и протянул повод Драмфайра Луизе.

– Оставайся здесь. Я скоро вернусь.

Он подошел к самой большой хижине с обмазанными глиной стенами и свистнул. Последовала долгая пауза, потом за овчиной, которая закрывала окно вместо занавески, загорелась лампа. Зловонную ткань откинули, и из окна подозрительно высунулась темная голова.

– Кто здесь?

– Баккат, это я.

– Сомойя! – На лунный свет вышел человек в грязном одеяле, обернутом вокруг пояса. Маленький, как ребенок, кожа блестела в лунном свете янтарем. У него были плоские черты и своеобразные, по-азиатски раскосые глаза. Это бушмен, способный выслеживать сбежавшее животное на расстоянии в пятьдесят лиг по пустыне и горам, в бурю и дождь. Он улыбнулся Джиму, и его глаза почти скрылись в сетке морщин. – Да улыбнется тебе Кулу-Кулу, Сомойя.

– И тебе тоже, старый друг. Созови остальных пастухов. Соберите стада и прогоните их по всем дорогам. Особенно по дорогам, ведущим на восток и на север. Я хочу, чтобы они выглядели как вспаханное поле. Никто не должен увидеть мои следы, когда я уйду, даже ты. Понял?

Баккат рассмеялся.

– О, ја, Сомойя. Я тебя хорошо понял. Мы все видели, как толстый солдат гнался за тобой, когда ты увозил красивую девушку. Не волнуйся! К утру не останется ни одного твоего следа.

– Молодчина! – Джим похлопал его по спине. – Я уйду.

– Я знаю, куда ты собрался. Пойдешь по Дороге Грабителей? – Дорога Грабителей – легендарный путь спасения, по которому уходили из колонии беглецы и преступники. – Никто не знает, куда она ведет, потому что никто не вернулся. Духи предков разговаривали со мной сегодня ночью, и моя душа жаждет дикого приволья. У тебя найдется для меня место?

Джим рассмеялся.

– Иди со мной, буду рад тебе, Баккат. Я знаю, что ты сможешь найти меня где угодно. Ты выследил бы призрак на раскаленных камнях ада. Но сначала сделай то, что должен сделать здесь. Скажи отцу, что со мной все в порядке. Скажи матери, что я ее люблю.

И он побежал назад, туда, где ждали Луиза и лошади.

Они выступили в путь. Буря утихла, ветер улегся, закатная луна склонилась к горизонту, прежде чем они добрались до подножия холмов. Джим остановился у стекающего с них ручья.

– Здесь мы отдохнем и напоим лошадей, – сказал Джим Луизе. Он не предложил ей помощь, но она прыгнула легко, как кошка, и повела кобылу поить. У них с Трухарт как будто уже установилось взаимопонимание. Потом Луиза одна пошла в буш. Он хотел крикнуть ей вслед, предупредить, чтобы не уходила далеко, но сдержался.

Винная фляжка полковника наполовину опустела. Джим улыбнулся и встряхнул ее. «Кайзер, должно быть, прикладывался к ней с самого утра», – подумал он и пошел к ручью, чтобы разбавить содержимое. Он слышал, как девушка пробирается через кусты и, все еще не видная за камнями, спускается к воде. Послышался всплеск.

– Черт меня побери, если эта безумная женщина не вздумала купаться.

Он покачал головой и вздрогнул при этой мысли. В горах все еще лежит снег, и ночь холодная. Вернувшись, Луиза села на камень на краю пруда – не слишком близко к нему, но и не слишком далеко. Волосы ее были влажны, и она принялась их расчесывать. Он узнал гребень из черепахи. Подошел к ней и протянул фляжку с вином. Девушка немного подождала, потом отпила.

– Это было приятно, – сказала она, словно предлагая мир, и продолжила расчесывать волосы, ниспадавшие почти до пояса. Он молча смотрел, но Луиза больше не глядела в его сторону.

Над водой на бесшумных крыльях пролетела рыбацая сова, как гигантский мотылек. Охотясь в последних лучах луны, она выхватила из воды маленькую желтую рыбу и села на ветку сухого дерева на противоположном берегу. Рыба дергалась в ее когтях, сова вырывала из ее спины куски мяса.

Луиза отвернулась. А когда заговорила, ее голос звучал негромко, слабый акцент стал заметнее.

– Не думай, что я не благодарна тебе за заботу. Я знаю, ты рискуешь жизнью и, может быть, большим, чтобы помочь мне.

– Да ты пойми – у меня дома целый зверинец, – легко ответил он. – Нужно было только небольшое добавление. Маленький ежик.

– Пожалуй, ты имеешь право называть меня так, – сказала она и снова отпила из фляжки. – Ты ничего обо мне не знаешь. Того, что я пережила, тебе никогда не понять.

– Ну, кое-что о тебе я знаю. Я видел, ты храбрая и решительная. Видел, каково было и как пахло на борту «Золотой чайки». Может, я и смогу понять, – ответил он. – Во всяком случае постараюсь.

Он повернулся к ней и почувствовал, как сжалось сердце: по ее щекам катились слезы, серебряные в лунном свете. Ему хотелось броситься к ней и крепко обнять, но он помнил ее слова: «Никогда больше не трогай меня так».

Вместо этого он сказал:

– Нравится тебе или нет, но я твой друг. И хочу понять.

Ладонью маленькой изящной руки она вытерла щеки и сидела, сгорбившись под плащом, бледная и безутешная.

– Но одно я должен знать, – сказал Джим. – У меня есть двоюродный брат по имени Мансур. Он мне ближе родного брата. Он сказал, что, может быть, ты убийца. Это жжет мне душу. Я должен знать. Ты убийца? Поэтому ты оказалась на борту «Золотой чайки»?

Она медленно повернулась к нему и обеими руками развела волосы, чтобы он мог видеть ее лицо.

– Мои родители умерли во время чумы. Я своими руками выкопала их могилы. Клянусь тебе, Джим Кортни, своей любовью к ним и могилами, в которых они лежат, что я не убийца.

Он с облегчением вздохнул.

– Я тебе верю. Можешь больше ничего не рассказывать.

Она снова отпила и протянула фляжку ему.

– Больше не давай мне. Это размягчает сердце, а я должна быть сильной, – сказала она. Они сидели молча. Джим уже собирался сказать, что им нужно углубиться в горы, но она вдруг прошептала – так тихо, что он засомневался, заговорила ли она. – Был мужчина. Богатый и влиятельный мужчина, которому я верила, как когда-то верила отцу. Он делал со мной такое, что я не хочу никому рассказывать.

– Не нужно, Луиза. – Он протянул руку, чтобы остановить ее. – Не говори.

– Я тебе обязана жизнью и свободой. Ты имеешь право знать.

– Пожалуйста, перестань. – Ему хотелось вскочить и убежать в кусты, чтобы не слышать ее слов. Но он не мог шевельнуться. В этот момент он был уже как под гипнозом, как мышь перед раскачивающейся коброй.

Все тем же детским, спокойным тоном она продолжила:

– Я не стану рассказывать тебе, что он со мной делал. И никому не расскажу этого. Но теперь я не могу позволить прикоснуться к себе ни одному мужчине. Когда я попыталась сбежать от него, он приказал своим слугам спрятать в моей комнате драгоценности. Потом их нашли. Меня отвели в суд в Амстердаме. Моего обвинителя даже не было в зале суда, когда меня приговорили к пожизненной каторге. – Оба долго молчали. Потом Луиза снова заговорила: – Теперь ты знаешь обо мне все, Джим Кортни. Знаешь, что я грязная, сломанная и выброшенная игрушка. Что ты теперь хочешь делать?

– Я хочу убить его, – сказал наконец Джим. – Если я когда-нибудь встречу этого человека, я его убью.

– Я говорила с тобой честно. И ты говори со мной честно. Будь уверен в том, чего хочешь. Я сказала, что не позволю ни одному мужчине прикоснуться к себе. Сказала, кто я. Хочешь отвезти меня назад на Добрую Надежду и отдать полковнику Кайзеру? Если да, я готова вернуться с тобой.

Он не хотел, чтобы она видела его лицо. С самого раннего детства никто не видел его плачущим. Джим вскочил и пошел седлать Трухарт.

– Пойдем, Ежик. До Маджубы дорога не близкая. У нас больше нет времени на пустую болтовню.

Она послушно подошла и села верхом. Он провел ее в глубокое ущелье в горах и вверх по крутому склону. По мере подъема становилось все холоднее, и на рассвете солнце окрасило вершины гор в призрачный розовый цвет. Меж скал блестели полосы нерастаявшего снега.

Уже в конце утра они остановились на вершине, на краю линии деревьев, и посмотрели вниз, в скрытую долину. Среди скал на покрытом осыпью склоне виднелся полуразвалившийся дом. Луиза его не заметила бы, если бы не тонкий столб дыма, поднимавшийся из отверстия в тростниковой крыше, и не мулы в краале за каменной стеной.

– Маджуба, – сказал Джим, натягивая повод. – Место Голубей, а это Зама. – На солнце вышел высокий молодой человек в набедренной повязке и посмотрел на них. – Мы с ним вместе всю нашу жизнь. Думаю, он тебе понравится.

Зама помахал и побежал по склону им навстречу. Джим соскочил со спины Драмфайра, чтобы поприветствовать Заму.

– Кофе есть? – спросил он.

Зама посмотрел на девушку на лошади. Несколько мгновений они изучали друг друга. Высокий юноша, с сильной мускулистой фигурой, с широким сильным лицом и очень белыми зубами.

– Я вижу тебя, мисс Луиза, – сказал он наконец.

– И я вижу тебя, Зама, но откуда ты знаешь мое имя?

– Сомойя сказал. А ты откуда знаешь, как меня зовут?

– Тоже он сказал. Большой болтун, верно? – И они оба рассмеялись. – Но почему ты называешь его Сомойя? – спросила девушка.

– Так его назвал мой отец. Это означает Дикий Ветер, – ответил Зама. – Дует, когда вздувается. Точно как ветер.

– И в какую сторону он дует сейчас? – спросила Луиза, глядя на Джима с легкой насмешливой улыбкой.

– Посмотрим, – рассмеялся Зама. – Но точно туда, куда мы меньше всего ожидаем.

Полковник Кайзер во главе десяти солдат продвигался по двору Хай-Уэлда. Следопыт-бушмен бежал рядом с головой лошади. Кайзер встал в стремях и крикнул в сторону главной двери склада:

– Минхеер Том Кортни! Выйдите немедленно!

Из всех дверей и окон высунулись головы, белые и черные – дети и освобожденные рабы круглыми от удивления глазами смотрели на полковника.

– Я по срочному делу компании, – снова крикнул Кайзер. – Ну, без дураков, Том Кортни! Том вышел из высокой двери склада.

– Стефанус Кайзер, мой дорогой друг! – радостно воскликнул он, поднимая на лоб очки в металлической оправе. – Добро пожаловать.

Эти двое немало вечеров провели вместе в таверне «Русалка». Долгие годы они оказывали друг другу различные услуги. Только в прошлом месяце Том нашел для любовницы Кайзера нитку жемчужных бус по выгодной цене, а Кайзер постарался, чтобы с одного из слуг Тома были сняты обвинения в пьянстве и буйстве.

– Входите! Входите! – Том гостеприимно развел руками. – Жена принесет кофе. Или предпочитаете фруктовое вино? – Он крикнул через двор в кухню: – Сара Кортни! У нас почетный гость.

Сара вышла на террасу.

– Полковник! Какой приятный сюрприз!

– Может и сюрприз, – строго ответил Кайзер, – но сомневаюсь, что приятный, меффрау. У вашего сына Джима серьезные неприятности с законом.

Сара сняла передник, подошла к мужу и встала рядом с ним. Он мощной рукой обнял ее за талию. В этот миг из тени склада вышел Дориан Кортни, стройный и элегантный, с густыми рыжими волосами, убранными под зеленый тюрбан, и встал по другую сторону от брата. Вместе эти трое представляли собой внушительное зрелище.

– Заходите в дом, Стефанус, – повторил Том. – Поговорим там.

Кайзер решительно покачал головой.

– Вы должны сказать мне, где скрывается ваш сын Джеймс Кортни.

– Я думал, вы мне это скажете. Вчера вечером весь мир и его братья видели, как вы гнались за Джимом по дюнам. Он снова опередил вас, Стефанус?

Кайзер вспыхнул и поерзал на взятом у кого-то седле. Запасной мундир жал под мышками. Всего несколько часов назад он вернул себе медали и звезду Святого Николая – они лежали в седельной сумке, которую его следопыт-бушмен нашел на краю соляной равнины. Полковник нацепил медали криво. Он коснулся кармана, желая удостовериться, что золотые часы на месте. Его штаны готовы были лопнуть по швам. Обычно он гордился собой, и нынешний беспорядок в одежде и ее неудобство усиливали унижение, виной которому был Джим Кортни.

– Ваш сын скрылся с беглой преступницей. Он украл лошадь и другие ценности. Предупреждаю: за все это полагается повешение. У меня есть основания считать, что беженцы прячутся здесь, в Хай-Уэлде. Мы шли сюда по их следам от соляной равнины. Я собираюсь обыскать все здания.

– Хорошо! – кивнул Том. – А когда закончите, моя жена приготовит вам и вашим солдатам чем подкрепиться. – Солдаты спешивались и обнажали сабли, а Том продолжил: – Но, Стефанус, предупредите своих головорезов, чтобы оставили моих девушек в покое, иначе действительно дойдет до повешения.

Все трое Кортни отступили в прохладную тень склада, пересекли широкий мощный двор и прошли к конторе. Том опустился в кожаное кресло у погасшего камина. Дориан, поджав ноги, сел на кожаную подушку у дальней стены. В своем зеленом тюрбане и вышитом халате он походил на восточного властителя, кем и был когда-то. Сара закрыла дверь, но

осталась стоять возле нее, чтобы не дать подслушать. Ожидая, пока заговорит Том, она разглядывала братьев. Трудно было представить себе менее похожих родственников: Дориан строен, элегантен, невероятно красив, а Том большой, прочный и грубовато-добродушный. Его сила даже столько лет спустя поражала ее.

– Я с удовольствием свернул бы щенку шею. – Приятная улыбка на лице Тома сменилась выражением ярости. – Кто знает, во что он нас втянул?

– Ты когда-то тоже был молод, Том Кортни, и всегда оказывался по уши в злоключениях. – Сара ласково улыбнулась ему. – Почему, по-твоему, я в тебя влюбилась? Вовсе не за твою красоту.

Том пытался сдержать улыбку.

– Это было совсем другое, – объявил он. – Я никогда не напрашивался на неприятности.

– Конечно, не напрашивался, – подтвердила его жена. – Ты просто хватал их обеими руками.

Том подмигнул ей и повернулся к Дориану:

– Как, должно быть, хорошо иметь послушную, уважительную жену, такую как Ясмину. – Но сразу стал серьезен. – Баккат еще не вернулся? – Пастух послал одного из своих сыновей, чтобы рассказать Тому о ночном приходе Джима. – Именно так поступил бы и я. Джим, может, и необуздан, как ветер, но он не дурак, – сказал он Саре.

– Нет, – ответил Дориан, – Баккат с остальными пастухами все еще гонит стада по всем дорогам по эту сторону гор. Даже бушмен Кайзера не сможет отыскать следы Джима. Думаю, Джиму удастся уйти. Но куда?

В поисках ответа оба посмотрели на Сару.

– Он все тщательно продумал, – сказала она. – Я видела, как он день назад уводил мулов. Кораблекрушение могло быть счастливой случайностью, но он так или иначе собирался снять девушку с корабля.

– Проклятая бабенка! Почему всегда и во всем виноваты женщины? – возопил Том.

– Уж кому-кому, а тебе не следовало об этом спрашивать, – ответила ему Сара. – Ты похитил меня, увел от родного очага, когда мушкетные пули свистели у нас над головами. Не пытайся разыгрывать передо мной святошу, Том Кортни!

– Милостивое небо, нет! Я почти забыл об этом. Но ведь мы славно повеселились, правда, моя красавица? – Он наклонился и ущипнул Сару за ягодицу. Она шлепнула его по руке, а он невозмутимо продолжал: – Но эта женщина, с которой Джим, – кто она? Тюремная шлюха? Преступница? Воровка? Сводня? Кто знает, кого себе выбрал этот олух?

Дориан с добродушным выражением следил за этой перепалкой, раскуривая кальян. Эту привычку он приобрел в Аравии. Но вот он достал изо рта мундштук слоновой кости и сухо заметил:

– Я разговаривал с десятком людей, которые были на берегу и всё видели. Возможно, она – все перечисленное, но только не шлюха. – Он выпустил облако ароматного дыма. – Говорят о ней разное. Катенг говорит, что она прекрасный ангел, Литила – что она золотая принцесса. Баккат сказал, что она прекрасна, как богиня дождя.

Том насмешливо фыркнул.

– Богиня дождя на тонущем тюремном корабле? Скорее нектарница, вылупившаяся из яйца канюка. Но куда Джим повел ее?

– Со вчерашнего дня никто не видел Заму. Я не видела, как он уходит, но, думаю, Джим отослал парня с мулами куда-нибудь дожидаться его, – предположила Сара. – Зама сделает все, о чем попросит его Джим.

– Джим говорил с Баккатом о Дороге Грабителей, – добавил Дориан, – и велел ему замести следы на всех дорогах на север.

– Дорога Грабителей – выдумки, – решительно сказал Том. – В этой местности нет никаких дорог.

– Но Джим в это верит. Я слышала, как он обсуждал это с Мансуром, – сказала Сара. Том встревожился.

– Это безумие. Ребенок и шлюха-арестантка с пустыми руками отправляются в дикую глушь? Да они и неделю не продержатся.

– С ними Зама, и вряд ли у них пустые руки. Джим прихватил шесть груженных мулов, – сказал Дориан. – Я проверил, чего не хватает на складах. Он хорошо отбирал. У них снаряжение и продовольствие для долгого пути.

– Он даже не попрощался. – Том покачал головой. – Мой сын, мой единственный сын, и даже не попрощался.

– Он немного спешил, брат, – заметил Дориан.

Сара сразу встала на защиту сына:

– Он послал нам сообщение с Баккатом. Он нас не забыл.

– Это не то же самое, – тяжело сказал Том. – Ты знаешь, что он может никогда не вернуться. Он закрыл за собой эту дверь. Стоит ему показаться в колонии, Кайзер поймает его и повесит. Нет, будь прокляты мои глаза, я должен его увидеть. Еще всего раз. Он такой дикий и упрямый! Я должен дать ему наставления.

– Ты все последние девятнадцать лет даешь ему наставления, – сухо сказал Дориан. – И смотри, куда они завели.

– Где он встречается с Замой? – спросила Сара. – Там они и будут.

Том подумал и улыбнулся.

– Он может пойти только в одно место, – решительно сказал он.

Дориан кивнул.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – ответил он Тому. – Самое подходящее место, чтобы спрятаться, – Маджуба. Но мы не смеем направляться туда. Кайзер будет следить за нами, как леопард возле водопоя. Если кто-нибудь из нас покинет Хай-Уэлд, он пустит за нами эту свою маленькую желтую ищейку, и мы приведем его прямо к Маджубе и к Джиму.

– Если мы хотим найти его, это нужно сделать быстро, иначе Джим уйдет из Маджубы. У них достаточно вьючных животных. И еще Драмфайр и кобыла Кайзера. Джим может быть на полпути к Тимбукту, прежде чем мы его догоним.

Тут послышался топот сапог и по всему складу разнеслись громкие мужские голоса.

– Люди Кайзера обыскали дом. – Сара посмотрела на дверь. – Берутся за мастерские и пристройки.

– Пожалуй, надо присмотреть за этими разбойниками, – Дориан встал, – пока они не начали грабить.

– Решим, что делать, когда Кайзер уйдет, – сказал Том, и они через главную дверь вышли в большое помещение склада.

Четверо солдат бесцельно перебирали груды вещей. Бесплодная охота их явно утомила. Длинное помещение было заполнено до самых потолочных балок желтого дерева. Если проверять тщательно, придется переместить множество тонн товаров, загромождающих склад. Здесь были тюки шелка из Китая и хлопка из Индии, мешки кофейных зерен и гуммиарабика с Занзибара и других портов за Ормузским Рогом; множество древесины: тик, сандал, эбенное дерево; горы сверкающей чистой меди, отлитой в виде больших колес, которые армии рабов тащили по горным дорогам из внутренних районов Эфиопии к морю. Тюки высушенных шкур экзотических животных – тигров и зебр, обезьян и тюленей, и длинные рога носорогов, славящиеся в Китае и на всем Востоке своей способностью усиливать мужскую силу.

Мыс Доброй Надежды расположен на середине торговых путей из Европы на Восток. В прежние времена корабли из Европы совершали долгое плавание на юг по Атлантиче-

скому океану. А когда бросали якорь в Столовом заливе, оказывались на пороге еще одного кажущегося бесконечным плавания – в Индию и Китай и еще дальше на север, до самой Японии. Корабль мог провести в море три-четыре года, прежде чем вернуться в Амстердам или Лондон.

Том и Дориан постепенно развили другую торговую схему. Они убедили синдикат судовладельцев Европы посылать корабли только до мыса Доброй Надежды. Здесь на складах братьев Кортни купцы могли заполнить трюмы лучшими товарами, выйти из Столового залива и при благоприятном ветре вернуться в родной порт в течение года. Кортни получали прибыль за счет того, что выгода с лихвой искупала добавочные годы, которые кораблям приходилось проводить в море, если они отправлялись дальше. Точно так же корабли, идущие с востока, могли оставить груз в Столовом заливе, на складах братьев Кортни, и вернуться в Батавию, Рангун или Бомбей менее чем за половину времени, которое потребовалось бы, чтобы пересечь два больших океана.

Это новшество стало той основой, на которой они нажили свое состояние. Вдобавок для торговли на африканском побережье у них были собственные торговые шхуны, где капитанами были арабы, верные последователи Дориана. Будучи мусульманами, они могли заходить в воды, запретные для капитанов-христиан, и доходили до Маската и Медины, Светлого города Пророка. Хотя у этих кораблей не было просторных трюмов для перевозки громоздких грузов, они доставляли очень ценные товары: медь и гуммиарабик, жемчужные и перламутровые раковины с Красного моря, слоновую кость с рынков Занзибара, сапфиры из шахт Канди, желтые алмазы с берегов великих рек империи Моголов и лепешки черного опиума с Патанских гор.

Был только один товар, которым братья Кортни отказывались торговать, – рабы. Они хорошо знали этот варварский обычай. Почти все детские годы Дориан провел в рабстве, пока его хозяин султан абд Мухаммад аль-Малик, правитель Маската, не усыновил его. В молодости Том вел жестокую войну с арабскими работорговцами на восточноафриканском побережье и не понаслышке знал, как они бессердечно жестоки. Многие слуги и моряки Кортни прежде были рабами, которых освободили братья. Пути, которыми эти несчастные попали под крыло семьи, различались: одних Том выиграл в поединках, потому что любил подраться; другие спаслись в кораблекрушениях, третьи поступили в оплату долга; наконец некоторых просто покупали. Сара не могла пройти мимо плачущего сироты на невольничьем рынке, она уговаривала мужа купить этого ребенка и отдать под ее опеку. Половину слуг в доме она вырастила с детства.

Сара пошла на кухню и почти сразу вернулась со своей золовкой Ясмими и толпой болтающих, хихикающих девушек, которые несли кувшины со свежесжатым лаймовым соком, подносы с корнуольским печеньем, пирогами со свининой и булочками с ароматным бараньим карри. Усталые голодные солдаты спрятали сабли в ножны и набросились на редкое угощение. Поглощая его, они одновременно заигрывали с девушками. Те, что должны были обыскивать конюшню и каретный сарай, увидели, что женщины несут еду из кухни, и решили последовать за ними.

Полковник Кайзер прервал пир и приказал своим людям продолжить работу, но Том и Дориан уговорили его смягчиться и пройти вместе с ними в бухгалтерию.

– Надеюсь, вы примете мое слово чести, полковник, что моего сына Джима нет в Хай-Уэлде.

Том налил полковнику стакан молодого джина, а Сара отрезала дымящийся кусок пирога.

– Я, очень хорошо, Том, я признаю, что его здесь нет. У него было довольно времени, чтобы уйти, – пока, конечно. Но, думаю, вы знаете, где он прячется.

Он взглянул на Тома, принимая бокал с высокой ножкой.

На лице Тома появилось выражение мальчика-певчего, готового принять причастие.

– Можете мне верить, Стефанус.

– Сомневаюсь.

Кайзер запил кусок пирога глотком джина.

– Но предупреждаю вас, я не позволю вашему нахальному щенку благополучно уйти после того, что он натворил. И не пытайтесь смягчить мою решимость.

– Конечно, нет. Вы должны исполнить свой долг, – согласился Том. – Я просто предлагаю вам свое обычное гостеприимство и не пытаюсь на вас давить. Как только Джим вернется в Хай-Уэлд, я сам доставлю его в крепость к вам и его превосходительству. Даю слово джентльмена.

Лишь слегка смягчившись, Кайзер позволил проводить себя туда, где конюхи держали его лошадь. Том сунул в его седельные сумки еще две бутылки голландского джина и помахал рукой вслед уходящему эскадрону.

Глядя на уходящих солдат, Том негромко сказал своему брату:

– Мне нужно сообщить кое-что Джиму. Пусть дожждется меня в Маджубе. Кайзер будет следить за мной, если я сам пойду в горы, но я пошлю Бакката, он не оставляет следов.

Дориан перебросил хвост тюрбана через плечо.

– Внимательно выслушай меня, Том. Не считай Кайзера дураком. Он не шут, каким кажется. Если Джим попадет к нему в руки, это будет трагичный день для всей семьи. Никогда не забывай, что нашего деда казнили здесь на площади.

Утоптанная дорога из Хай-Уэлда к городу проходила через лес высоких деревьев кладрастиса толщиной с колонну кафедрального собора. Едва поместье скрылось из виду, Кайзер остановил солдат. Он взглянул на маленького бушмена у своего стремени, который смотрел на него с искательным выражением охотничьего пса.

– Ксиа! – Это имя он произнес на сильном выдохе, словно чихнул. – Скоро они пошлют кого-нибудь туда, где прячется мальчишка. Следи за посыльным. Иди за ним. Но смотри, чтобы он тебя не увидел. Когда найдешь его убежище, быстро беги ко мне. Понял?

– Понял, Гвеньяма. – Он использовал слово, выражающее самое глубокое уважение. Оно означало «Тот, Кто Пожирает Своих Врагов». Он знал, что этот титул нравится Кайзеру. – Я знаю, кого они пошлют. Баккат – мой старый соперник и враг. Мне доставит большое удовольствие одолеть его.

– Тогда иди. Будь внимателен.

Ксиа скользнул в лес, неслышный, как тень, а Кайзер повел солдат в крепость.

Дом в Маджубе состоял из единственной длинной комнаты. Низкая крыша покрыта тростником с берегов соседнего ручья. Окна – узкие бойницы в камне, завешенные высушенными шкурами канны и буйволов. В центре земляного пола открытый очаг, в крыше над ним – дыра для выхода дыма. В дальнем углу занавеска из шкур.

– Мы укладывали отца спать за этой занавеской, когда приходили сюда охотиться, – сказал Джим Луизе. – Думали, это заглушит его храп. Конечно, ничего не получалось. Заглушить его храп невозможно. – Он рассмеялся. – Но сейчас там ляжешь ты.

– Я не храплю, – возразила она.

– Даже если и храпишь, это ненадолго. Мы пойдем дальше, как только отдохнут лошади, а я переложу груз и дам тебе более подходящую одежду.

– Сколько на это уйдет времени?

– Нам нужно уйти раньше, чем за нами пошлют солдат из крепости.

– И куда мы пойдем?

– Не знаю. – Он улынулся. – Но скажу тебе, когда мы туда доберемся. – Он бросил на Луизу оценивающий взгляд. Рваное платье мало что прикрывало, и она плотнее завернулась в плащ. – Твой наряд вряд ли подходит для обеда с губернатором в крепости. – Джим подошел к одному из тюков, которые Зама сложил у стены. Порывшись в нем, вытащил рулон ткани и парусиновую сумку с рукоделием, в которой оказались ножницы, иголки и нитки. – Надеюсь, ты умеешь шить? – спросил он, неся все это Луизе.

– Мама научила меня шить платья.

– Отлично. Но сначала поедим. Я в последний раз ел, когда завтракал два дня назад.

Зама зачерпнул из трехногого котла, стоящего на углях, похлебки с олениной. Поверх он положил кусок черствой кукурузной лепешки. Джим зачерпнул ложкой похлебку. С полным ртом он спросил у Луизы:

– А готовить мама тебя научила?

Луиза кивнула.

– Она была знатной поварихой. Готовила для губернатора Амстердама и для принца Оранского.

– Ну, тогда здесь у тебя работы непочатый край. Возьмешь на себя готовку, – сказал Джим. – Зама однажды отравил вождя готтентотов, даже не слишком стараясь. Может, по-твоему, это не такое уж большое достижение, но позволь сказать, что готтентоты тучнеют на том, что не могут съесть гиены.

Луиза неуверенно посмотрела на Заму, остановив ложку на полпути ко рту.

– Это правда?

– Готтентоты считаются величайшими лжецами Африки, – ответил Зама, – но до Сомойи им далеко.

– Значит, это шутка? – спросила она.

– Да, шутка, – согласился Зама. – Дурная английская шутка. Нужно много лет учиться, чтобы начать понимать английские шутки. Некоторым это так и не удается.

Когда поели, Луиза расстелила кусок ткани и принялась снимать мерки и кроить. Джим и Зама распаковали выюки, которые Джим собирал в спешке, разложили и рассортировали их содержимое. Джим с облегчением надел свои сапоги и одежду, а мундир Кайзера отдал Заме.

– Если у нас случится столкновение с дикими племенами севера, сможешь устрасить их мундиром полковника компании, – сказал он Заме.

Они вычистили и смазали мушкеты, потом заменили кремни в их замках. Поставили на огонь котелок и расплавили в нем свинец, чтобы отлить пули для пистолета, отобранного у Кайзера. Мешки с пулями для мушкетов были полны.

– Надо было прихватить по меньшей мере еще пять бочонков пороха, – сказал Зама Джиму, заполняя порохом фляжки. – Если встретимся с враждебными племенами, когда начнем охотиться, этого надолго не хватит.

– Я прихватил бы пятьдесят бочонков, если бы нашел еще двадцать мулов, чтобы везти их, – ядовито ответил Джим. И крикнул в сторону хижины, где Луиза склонилась над расстеленной на полу тканью и куском угля из очага намечала линии выкройки: – Умеешь заряжать мушкет и стрелять из него?

Она удивленно посмотрела и отрицательно покачала головой.

– Тогда придется тебя научить. – Он показал на кусок ткани. – Что ты делаешь?

– Юбку.

– Штаны полезней и потребует меньше ткани.

Луиза вспыхнула.

– Женщины не носят штаны.

– Если они собираются ездить верхом по-мужски, ходить и бежать, как придется тебе, – носят. – Он кивком указал на ее босые ноги. – К твоим новым штанам Зама сделает тебе пару башмаков из шкуры канны.

Луиза скроила штаны очень широкими, и это делало ее похожей на мальчишку. Она подрезала оборванные полы тюремного платья и смастерила из него юбку, которую надевала через голову; юбка доходила до середины бедер. Она подвязала ее широким поясом из сыромятной кожи, который сделал ей Зама. Луиза узнала, что Зама опытный парусный мастер и кожевник. Сапоги, которые он сшил для нее, прекрасно подошли. Они доходили до середины икр, и он стачал их шерстью наружу, что делало их эффектными и подчеркивало длину ног девушки. Наконец, она сшила себе шляпку, чтобы убирать под нее волосы и укрываться от солнца.

На следующий день рано поутру Джим свистом подозвал Драмфайра. Жеребец прибежал с берега ручья, где щипал свежую весеннюю траву. Как всегда играя, он сделал вид, что растопчет хозяина. Джим наградил его несколькими ласковыми оскорблениями, надевая ему на голову повод.

В дверях хижины показалась Луиза.

– Куда ты?

– Замести наш след, – ответил он.

– Что это значит?

– Я должен пройти назад по нашему следу, чтобы убедиться, что погони нет, – объяснил он.

– Я бы хотела поехать с тобой, просто покататься. – Она посмотрела на Трухарт. – Лошади хорошо отдохнули.

– Седлай! – пригласил Джим.

В сумке на поясе Луиза спрятала большой кусок кукурузного хлеба, но Трухарт учуяла его, как только девушка вышла из хижины. Кобыла сразу подошла к ней, и, пока она ела хлеб, Луиза оседлала ее. Джим наблюдал, как она вкладывает удила и садится в седло. В новых штанах она передвигалась очень легко.

– Вот, должно быть, самая счастливая лошадь во всей Африке, – заметил Джим. – Сменила полковника на тебя. Слона на ежа.

Джим оседлал Драмфайра, вложил в кобуру длинноствольный мушкет, повесил на плечо пороховницу и сел на спину жеребца.

– Веди, – сказал он девушке.

– Назад, туда, откуда мы пришли? – спросила она и, не дожидаясь ответа, двинулась вверх по склону. Луиза была прирожденной наездницей и привычно держала повод. Кобыла, казалось, не замечала ее веса и стрелой взлетела вверх по склону.

Джим сзади оценивал стиль ее езды. Если Луиза привыкла сидеть в женском седле, боком, то очень легко перешла на мужское. Он вспомнил, что девушка пережила за время долгого ночного переезда, и поразился тому, как быстро она восстановила силы. Он уверился теперь, что какой бы изнурительный темп ни выбрал, она сможет не отставать.

Когда добрались до вершины, он поехал впереди, безошибочно отыскивая обратный путь среди скал и ущелий. Луизе каждый крутой утес, каждый склон казались такими же, как те, которые они уже миновали, но Джим поворачивал без колебаний.

Всякий раз как перед ними открывались новые просторы, он спешил, выбирал наблюдательный пункт и разглядывал местность впереди через подзорную трубу. Эти останки давали Луизе возможность любоваться окружающими величественными пейзажами. Луизе казалось, что после плоских равнин ее родины горные вершины тянутся к самому небу. Утесы янтарные, красные, лиловые. Склоны густо поросли кустами; некоторые цветы на них похожи на огромные подушечки для булавок, желтые, как нарцисс, и ярко-оранже-

вые. Над ними роятся стаи длиннохвостых птиц, глубоко запуская в цветки свои длинные изогнутые клювы.

– Suiker-bekkies, сахарные клювы, – сказал Джим, когда она показала ему этих птиц. – Пьют нектар из цветов протеи.

Впервые со времени кораблекрушения Луиза смогла внимательно оглядеться и почувствовала, как привлекает ее красота этой незнакомой земли. Ужасы орудийной палубы «Золотой чайки» уже начали бледнеть, они словно остались в старом кошмаре. Тропа, по которой двигались всадники, поднималась по крутому склону, и Джим остановился ниже линии неба, протянул девушке повод Драмфайра, а сам поднялся на вершину, чтобы посмотреть на противоположную сторону горы.

Она спокойно смотрела на него. Неожиданно его поведение резко изменилось. Он пригнулся, согнулся вдвое и спустился туда, где она ждала. Она встревожилась, ее голос задрожал:

– Нас преследуют? Это люди полковника?

– Нет, гораздо лучше. Это мясо.

– Не понимаю.

– Канны. Стадо в двадцать голов. Идут по склону прямо на нас.

– Канны? – удивилась она.

– Это антилопа, самая крупная в Африке. С быка, – объяснил он, проверяя заряд своего мушкета. – Мясо жирное и похоже на говядину. Просоленного и высушенного мяса одной канны нам хватит на много недель.

– Ты собираешься убить антилопу? А если полковник нас преследует? Ведь он услышит выстрел.

– В этих горах эхо не дает определить направление. Я никак не могу упустить такую возможность. У нас уже сейчас нет мяса. Придется рискнуть, чтобы мы не умерли с голоду.

Он взял поводья обеих лошадей, провел их по тропе и остановился за выступом красного камня.

– Спешивайся. Держи головы лошадей, но старайся оставаться незаметной. Стой на месте, пока я не позову, – приказал он Луизе и с мушкетом побежал обратно по склону. Перед самой вершиной упал в траву. Оглянувшись, Джим увидел, что Луиза выполнила его указания. Она присела, так что видна была только ее голова.

«Лошади не тревожат канн, – сказал себе Джим. – Антилопы примут их за диких животных».

Рукой он стер пот с глаз и поудобнее устроился за небольшим камнем. Он не лежал, а полусидел. Если стрелять из положения лежа, отдача от тяжелой пули может сломать ключицу. Джим использовал свою шляпу как подушку: он положил на нее ствол и нацелился вниз по склону.

На долину опустилась глубокая тишина гор; мягкое гудение насекомых в цветах протеи и одинокие жалобные крики краснокрылого горного скворца казались неестественно громкими.

Минуты тянулись медленно, как капает мед, но вот Джим поднял голову. Он услышал звук, от которого его сердце забилося вдвое чаще. Это было слабое шелканье, словно столкнулись две сухих ветки. Джим сразу узнал этот звук. Из всех диких животных Африки такое свойство есть только у антилопы канн: при каждом шаге шелкают мощные сухожилия у нее на ногах.

Когда Джим был еще ребенком, маленький желтый бушмен Баккат объяснил ему, почему так. Однажды, в те далекие времена, когда солнце встало впервые и мир был покрыт свежей росой, Кстог, отец всех кхойсан, бушменов, поймал в свой силоч Имписи, гиену. Но

как известно всему свету, Имписи была и до сих пор остается могучей волшебницей. Когда Кстог поднес свой острый кремневый нож к ее горлу, Имписи сказала:

– Кстог, если ты отпустишь меня, я сотворю для тебя могучее волшебство. Вместо моего мяса, пахнущего падалью, которую я ем, ты получишь целые холмы жирного, свежего горного мяса канны и сможешь жарить это мясо все вечера своей жизни.

– Как это возможно, о Гиена? – удивился Кстог, хотя при мысли о мясе канны рот у него наполнился слюной. Однако канна хитрое животное, поймать его нелегко.

– Я заколдую канну, и, куда бы она ни пошла по пустыням и горам, она будет издавать звуки, которые приведут тебя к ней.

Кстог отпустил Имписи, и с этого дня канны щелкают на ходу, предупреждая охотника о своем приближении.

Джим улыбнулся, вспоминая рассказ Бакката. Он осторожно отвел назад тяжелый курок мушкета и прижал к плечу окованный медью приклад. Щелкающие звуки становились громче, потом прекратились – животные, издававшие их, остановились – и зазвучали снова. Джим смотрел на линию неба прямо перед собой, и вдруг на его лазури показалась пара массивных рогов, длинных и толстых, как рука взрослого мужчины, спиральных, как бивень нарвала, черных и так отполированных, что в них отражалось солнце.

Щелканье прекратилось, рога поворачивались из стороны в сторону, как будто животное прислушивалось. Джим слышал дыхание антилопы, и его нервы натянулись, как тетива самострела. Потом щелканье возобновилось, и рога поднялись выше. Наконец под ними показались трубковидные уши и огромные глаза. Темные и мягкие, словно заплывшие слезами. Они смотрели Джиму прямо в душу, и он затаил дыхание. Животное так близко, что видно, как оно мигает, и Джим не осмеливался шевельнуться.

Антилопа отвела взгляд и посмотрела вниз по склону, по которому поднялась. Потом пошла вперед, к Джиму, и показалось все тело. Эту толстую шею Джим не сумел бы охватить руками; под ней свисал тяжелый подгрудок, неуклюже покачиваясь на каждом шагу. Спина и плечи животного потемнели от старости, а ростом антилопа была с самого Джима.

В десяти шагах от того места, где он затаился, самец остановился и опустил голову, срывая свежие листья с куста. Из-за гребня хребта вслед за самцом показалось остальное стадо. Самки были желто-коричневые, и хотя их головы тоже украшали длинные спиральные рога, сами эти головы были более грациозными и женственными. Детеныши рыжевато-каштановые, самые маленькие – еще безрогие. Один опустил голову, игриво боднул своего близнеца, и они начали гоняться друг за другом по кругу. Мать спокойно следила за ними.

Охотничий инстинкт заставил Джима вернуться к большому самцу. Тот продолжал жевать листву. Джиму потребовалось огромное усилие, чтобы отвергнуть старое животное. Рога у него, конечно, замечательные, но мясо жесткое и с душком, а жира почти нет.

Джим вспомнил слова Бакката: «Оставь старого самца, чтобы размножался, и самку, чтобы кормила малышей». И Джим осторожно принялся разглядывать остальное стадо. И в эту минуту на вершине появился идеальный объект для охоты.

Тоже самец, но молодой, не старше четырех лет; плоть его задних ног словно распирала блестящую золотистую кожу. Самец повернул в сторону, привлеченный зеленой листвой дерева гварри. Вытянув шею, он принялся срывать ягоды.

Джим повернул ствол мушкета в его сторону. Движения его были медленными, как приближение хамелеона к мухе. Играющие телята подняли пыль и отвлекли обычно внимательных самок. Джим прицелился так, что мушка легла на основание горла самца, на складку кожи, окружающую шею, словно ожерелье. Он знал, что даже на таком близком расстоянии массивные плечи сплющат и остановят пулю из мушкета. Надо найти щель в груди, через которую пуля проникнет глубоко во внутренности, разрывая сердце, легкие и пульсирующие сосуды.

Он выбрал слабинку курка, почувствовал его сопротивление и постепенно начал усиливать давление, глядя на точку цели на шее животного, сдерживая стремление рывком продвинуть курок на эти последние миллиметры. Боек с громким звуком опустился, кремень выбросил столб искр, выпустив облако белого дыма, загорелся порох, послышался рев и приклад ударил в плечо. Прежде чем густой пороховой дым закрыл поле зрения, Джим увидел, как самец в судороге изогнул спину. И понял, что пуля пробила сердце. Он вскочил на ноги, чтобы разглядеть что-нибудь поверх дыма. Молодой самец стоял неподвижно, раскрыв пасть. Джим видел пулевое ранение, темное бескровное отверстие на гладкой коже горла.

Стадо обратилось в бегство, антилопы диким галопом неслись вниз по склону, выбрасывая из-под копыт камни и пыль. Раненый самец попятился, его тело содрогалось в конвульсиях. Потом ноги его задрожали, и он осел. Поднял голову к небу, и из пасти хлынула яркая легочная кровь. Перевернувшись, он упал на спину, все его четыре ноги дергались. Джим стоял, наблюдая за агонией зверя.

Радость его постепенно сменилась грустью подлинного охотника, который ощущает всю красоту и трагедию убийства. Когда самец затих, Джим отложил мушкет и достал из ножен на поясе нож. Используя рога как рычаг, он отвел назад голову животного и двумя точными разрезами вскрыл артерии по обе стороны горла. Потекла яркая кровь. Потом Джим поднял одну из массивных задних ног и вырезал мошонку.

Когда он выпрямился, держа в руке пушистый белый мешок, подъехала Луиза. Джим попытался объяснить:

– Если это оставить, у мяса будет дурной вкус.

Луиза отвела взгляд.

– Какое великолепное животное. Такое большое. – Казалось, то, что он сделал, огорчило ее. Но вот она распрямилась в седле. – Чем я могу помочь тебе?

– Сначала стреножь лошадей, – ответил он, и она слезла со спины Трухарт и отвела лошадей к дереву гварри. Привязала их к стволу и вернулась.

– Держи заднюю ногу, – сказал Джим. – Если оставить кишки внутри, мясо испортится за несколько часов.

Работа была тяжелая, но девушка не увиливала от нее. Когда Джим разрезал брюхо от промежности до ребер, в отверстие вывалились кишки и внутренние органы.

– Тут уж придется выпачкать руки, – предупредил он, но продолжить не успел: послышался другой голос, совсем рядом, – высокий, детский.

– Я хорошо учил тебя, Сомойя.

Джим развернулся, инстинктивно подняв нож, и увидел сидящего на камне маленького желтого человека.

– Баккат, маленький шаман! – скорее с испугом, чем с гневом воскликнул Джим. – Никогда больше так не делай. Откуда, во имя Кулу-Кулу, ты взялся?

– Я тебя испугал, Сомойя?

Баккат выглядел смущенным, и Джим вспомнил о приличиях. Он едва не оскорбил старого друга.

– Конечно, нет. Я видел тебя издалека. – Баккату нельзя говорить, что вы его не видели: он воспримет это как оскорбительный намек на свой малый рост. – Ты выше деревьев.

От этого комплимента лицо Бакката осветилось.

– Я наблюдал за тобой с самого начала охоты. Ты хорошо подкрался и чисто убил, Сомойя. Но, думаю, тебе понадобится кто-то помимо молодой девушки, чтобы разделать тушу.

Он соскочил с камня, остановился перед Луизой и захлопал в ладоши в знак приветствия.

– Что он говорит? – спросила она Джима.

– Он говорит, что видит тебя и что у тебя волосы как свет солнца, – сказал Джим. – Думаю, ты только что получила свое африканское имя – Веланга, Девушка Солнечного Света.

– Пожалуйста, скажи ему, что я тоже его вижу и что он оказывает мне великую честь. Она улыбнулась бушмену, и Баккат радостно рассмеялся.

На одном плече у бушмена был туземный топор, на другом – охотничий лук. Отложив лук и колчан со стрелами, Баккат взял топор и стал помогать Джиму разделять крупную тушу.

Луизу изумило то, как быстро они работали вдвоем. Каждый знал свое дело и действовал без колебаний и споров. В крови по локти, они вытащили внутренности и обвисший мешок желудка. Не прерывая работы, Баккат отрезал кусок сырой требухи. Ударил о камень, вытряхивая полупереваренную растительность, сунул в рот и с нескрываемым наслаждением принялся жевать. А когда вырезали печень, даже Джим присоединился к пиру.

Луиза смотрела с ужасом.

– Она же сырая! – сказала она.

– В Голландии вы едите сырую селедку, – ответил Джим и предложил ей кусок багровой печени. Она хотела отказаться, но по его выражению поняла, что это вызов. Луиза по-прежнему колебалась, пока не заметила, что Баккат тоже следит за ней, хитро скосив глаза в окружении бесчисленных морщинок.

Тогда она взяла кусок, собралась с силами и положила его в рот. Подступившая рвота заставила ее жевать. После первого потрясения из-за непривычного вкуса оказалось, что вкус этот приятный. Она медленно прожевала и проглотила. К ее удовольствию, Джим был потрясен. Она взяла у него из окровавленной руки еще кусочек и принялась жевать.

Баккат расхохотался и двинул Джима локтем в ребра. Он радостно качал головой, смеясь над Джимом и изображал, как Луиза выиграла это немое состязание; он ходил по кругу, обеими руками засовывая в рот воображаемые куски печени, ослабев от смеха.

– Будь ты хоть вполтину так забавен, как думаешь, – мрачно сказал ему Джим, – ты был бы мудрецом всех пятидесяти племен кхойсан. А теперь за работу.

Они разделили мясо на две части – поклажу для обеих лошадей, а Баккат сделал из влажной шкуры мешок и набил его кусками почек, требухи и печени. Мешок весил почти столько же, как он сам, но Баккат взвалил его на плечи и пошел быстрым шагом. Джим нес плечо канны, которое свисало ему почти до колен, а Луиза вела лошадей. Последние мили до ущелья Маджубы они преодолели уже в темноте.

Ксиа бежал быстрой косолапой походкой, которую бушмены называют «пить ветер». Так он бежал от первых лучей рассвета до самой темноты. По дороге он разговаривал с собой, как со спутником, отвечал на собственные вопросы, смеялся своим шуткам. На бегу он пил из бутылки и ел из кожаного мешка, висевшего на плече.

Он напоминал себе, какой он хитрый и смелый.

– Я Ксиа, могучий охотник, – сказал он и слегка подпрыгнул. – Я убил большого слона ядом, которым обмазал стрелы. – Он помнил, как выслеживал то животное на берегах большой реки. Он упрямо охотился на него, пока новая луна не стала полной, а потом снова не уменьшилась. – Ни разу не потерял я его след. Может другой человек сделать такое? – Он покачал головой. – Нет! Может Баккат совершить такой подвиг? Никогда! Может Баккат попасть стрелой в жилу за ухом, чтобы яд сразу дошел до сердца слона? Не может! – Хрупкая тростниковая стрела едва способна проколоть толстую кожу слона, она никогда не дойдет до сердца или легких: надо отыскать место, где кровеносный сосуд подходит близко к коже, чтобы кровь могла разнести яд по всему телу. Яду потребовалось пять дней, чтобы свалить большого самца. – Но все это время я шел за ним и танцевал и пел охотничью песню, когда

он наконец упал как гора и поднял пыль до вершин деревьев. Может Баккат совершить такой подвиг? – спросил он у окружающих гор. И сам ответил: – Никогда! Никогда!

Ксиа и Баккат были из одного племени, но не были братьями.

– Мы не братья! – закричал Ксиа, рассердившись.

Жила-была девушка с кожей яркой, как оперенье ткачика, с лицом сердечком. Губы ее были полны, как спелые плоды марулы, ягодицы как яйца страуса, а груди круглы, как две желтые дыни тсама, согревшиеся на солнце Калахари.

– Она была рождена, чтобы стать моей женщиной! – воскликнул Ксиа. – Кулу-Кулу забрал мое сердце, пока я спал, и вложил его в эту женщину. – Он не мог заставить себя произнести ее имя. Он выстрелил в нее крошечной любовной стрелой, оперенной перьями утренней голубки, чтобы показать, как сильно он ее хочет.

– Она не пошла. Она не пришла в хижину охотника Ксиа спать на его тюфяке. Она пошла к презренному Баккату и родила ему трех сыновей. Но я хитер. Женщина умерла от укуса мамбы.

Ксиа сам поймал змею. Он нашел ее убежище под плоским камнем. Использовал как приманку живого голубя, чтобы выманить мамбу, а когда змея высунулась из-под камня, прижал ей голову. Мамба была небольшая, с его руку, но яда в ней было достаточно, чтобы убить взрослого буйвола. Ксиа посадил ее в мешок женщины, куда она собирала съедобное, пока женщина спала с Баккатом. Наутро женщина открыла мешок, чтобы положить в него клубень, и змея трижды ужалила ее: один раз в палец и дважды в запястье. Смерть, хотя и быстрая, была слишком страшна, чтобы наблюдать за ней. Баккат плакал, держа женщину на руках. Спрятавшись в скалах, Ксиа все это видел. И даже теперь воспоминания о горе Бакката были так сладостны, что Ксиа подпрыгнул на обеих ногах, как кузнечик.

– Ни один зверь не уйдет от меня. Ни один человек не может меня победить. Потому что я Ксиа! – крикнул он, и ближайшие склоны отозвались эхом: – Ксиа! Ксиа! Ксиа!

После того как полковник Кайзер покинул его, Ксиа два дня и две ночи провел на холмах и в лесах Хай-Уэлда, высматривая Бакката. В первое утро он видел, как Баккат вышел из своей хижины, потянулся, почесался и со смехом выпустил газы. Для бушмена громкий звук выпускаемых газов – первый признак цветущего здоровья. Ксиа смотрел, как Баккат выпустил стадо из крааля и погнал к воде. Лежа в траве, как куропатка, Ксиа видел, как большой белый человек с черной бородой, которого звали Клиб, сокол, приехал из поместья. Он хозяин Бакката, и они вдвоем присели на открытом месте и сблизили головы, чтобы никто не мог их подслушать. И долго говорили шепотом. Даже Ксиа не мог подползти ближе и услышать, о чем они говорят.

Ксиа улыбался, созерцая этот тайный совет.

– Я знаю, что ты говоришь, Клиб. Я знаю, что ты посылаешь Бакката на поиски твоего сына. Знаю, что ты велишь ему быть осторожным, чтобы никто его не увидел, но я, Ксиа, как дух ветра, буду следить за их встречах.

Он видел, как вечером Баккат вошел в хижину и закрыл за собой дверь, видел, как внутри загорелся кухонный костер, но Баккат не выходил до самого рассвета.

– Ты пытаешься усыпить меня, Баккат, но случится это сегодня или завтра? – спросил он, наблюдая с вершины холма. – Больше ли у тебя терпения, чем у меня? Посмотрим. – Он видел, как на рассвете Баккат обошел свою хижину в поисках следов врага, кого-нибудь, кто шпионит за ним.

Ксиа радостно обнял себя и потер спину обеими руками.

– Думаешь, я такой дурак, чтобы подойти близко, Баккат? – Поэтому он и просидел всю ночь на холме. – Я Ксиа, и я не оставляю следа. Даже стервятник высоко в небе не обнаружит мое убежище.

Весь день смотрел он, как Баккат занимается своими делами, ухаживает за хозяйским скотом. Вечером он снова ушел в хижину. Ксиа в темноте колдовал. С его украшенного бусами пояса свисало несколько заткнутых полых рогов южноафриканской антилопы. Он взял из одного такого рога щепотку порошка и положил себе на язык. Это был пепел усов леопарда, смешанный с высушенным и измельченным львиным пометом и другими тайными ингредиентами. Растворяя этот порошок своей слюной, Ксиа произносил заклинание. Оно предназначалось для того, чтобы перехитрить добычу. Потом он трижды плюнул в сторону хижины Бакката.

– Это могучее заклинание, Баккат, – предупредил он своего врага. – Ни одно животное и ни один человек не могут ему противиться.

Конечно, это было не совсем так, но если заклинание не срабатывало, на то всегда находились причины. Иногда это происходило потому, что ветер менял направление, или над головой пролетела стая ворон, или зацвела лилия сглаза. Но если не считать таких и подобных им обстоятельств, заклинание действовало безукоризненно.

Сотворив заклинание, Ксиа сел и стал ждать. Он не ел со вчерашнего дня, поэтому достал из мешка куски копченого мяса. Ни голод, ни холодный ветер с заснеженных гор не останавливали его. Как и все его племя, он привык к боли и трудностям. Ночь была тиха – доказательство того, что заклинание успешно подействовало. Даже легкий ветерок мог скрыть звуки, к которым он прислушивался.

Вскоре после захода луны он услышал тревожный крик ночной птицы в лесу за хижинной Бакката. Ксиа кивнул себе.

– Там что-то движется.

Немного погодя с лесной почвы шумно взлетел козодой, и, сопоставив эти два звука, Ксиа установил, в какой стороне происходит движение. Он спустился с холма, неслышный, как тень, перед каждым шагом проверяя босым пальцем ноги поверхность, чтобы его не выдал треснувший сучок или шорох сухих листьев. Каждые несколько секунд он застывал, прислушиваясь, и слышал ниже у ручья сухой шелест: это дикобраз взьерошил иглы, предупреждая чересчур близко подошедшего хищника. Конечно, дикобраз мог увидеть леопарда, но Ксиа знал, что это не так. Леопард задержался бы, чтобы испугать своего природного врага, а человек сразу двинулся дальше. Ни один посвященный племени сан, даже Баккат и сам Ксиа, не могут избежать в темном лесу ночной встречи с козодоем или дикобразом. Этих знаков Ксиа оказалось достаточно, чтобы понять, в какую сторону движется Баккат.

Другой охотник допустил бы ошибку, сразу начав преследование, но Ксиа не торопился. Он знал, что Баккат сделает круг и вернется проверить, не идет ли за ним кто.

– Он почти так же хорошо знает законы дикой природы, как я. Но я Ксиа, и равных мне нет.

Говоря так, он чувствовал себя сильным и смелым. Он отыскал место, где Баккат пересек ручей, и в последних лучах заходящей луны увидел единственный влажный отпечаток ноги на речном камне. По размеру он детский, но ступня шире и нет подъема.

– Баккат! – Ксиа слегка подпрыгнул. – Я никогда не забуду след твоей ноги. Разве не видел я его сотни раз рядом со следом женщины, которая должна была стать моей женой? – Он помнил, как шел по их следам в буш и потом подполз и смотрел, как они совокупаются, извиваясь в траве. Это воспоминание сделало ненависть к Баккату холодной и свежей. – Но потом ты никогда уже не мог наслаждаться этими грудями-дынями. Об этом позаботились Ксиа и змея.

Теперь, установив направление следа, он мог задержаться, чтобы в темноте не попасть в ловушки, которые, конечно же, расставил Баккат.

– Он идет ночью и не сможет в темноте скрывать свои следы так же тщательно, как сделал бы днем. Я подожду восхода солнца, чтобы прочесть следы, которые он оставил для меня.

При первых признаках рассвета он снова взял след. Влажный отпечаток ноги высох, исчез, но через сто шагов Ксиа увидел сдвинутый булыжник. Еще сто шагов – и сломанный стебель травы, уже начавший увядать. Ксиа не стал задерживаться в поисках других следов. Быстрый беглый взгляд подтверждал верность его чутья и позволял уточнить направление. Ксиа улыбнулся и покачал головой, когда обнаружил место, где Баккат, затаившись, долго ждал у своего следа. Он сидел на корточках, и его пятки вдавились в землю. Потом, гораздо дальше, Ксиа обнаружил место, где Баккат сделал широкий круг и снова ждал у своего следа, как раненый буйвол возвращается и ждет преследующего его охотника.

Ксиа был так доволен собой, что взял небольшую понюшку, негромко чихнул и сказал: – Знай, Баккат, за тобой идет Ксиа. А Ксиа превосходит тебя во всем.

Он старался не думать о девушке с медовой кожей: ведь это единственное, в чем Баккат его опередил.

Когда след повел в горы, он стал еще менее заметным. В длинной узкой долине Ксиа нашел место, где Баккат перепрыгивал с камня на камень, не касаясь мягкой земли и не потревожив траву или другие растения, кроме редкого серого лишайника на камнях. Это растение такое сухое и прочное, а Баккат так легок и ступня его так мала и гибка, что он прошел по этому месту легко, почти как горный ветерок. Присев, Ксиа разглядывал чуть другой цвет лишайника там, где его касались ноги Бакката. Он шел поодаль от следа с противоположной от солнца стороны: так солнечные лучи помогали лучше разглядеть след, и можно было вернуться и снова осмотреть его.

Потом даже Ксиа оказался в тупике. След поднимался по крутому склону, опять переходя с камня на камень. Потом неожиданно, на полпути к вершине, след кончился. Словно орел схватил Бакката когтями и унес в небо. Ксиа прошел дальше по направлению следа до самого конца долины, но больше ничего не обнаружил. Он вернулся туда, где след кончился, присел и стал поворачивать голову, разглядывая полосы лишайника, покрывавшие скалы.

В качестве последнего средства он достал щепотку порошка из рога южноафриканской антилопы и растворил в своей слюне. Закрыв глаза, давая им отдых, и проглотил порошок. Потом приоткрыл глаза и сквозь ресницы заметил легкое движение, словно взмах крыла летучей мыши. Но когда Ксиа посмотрел прямо, все исчезло, словно никогда не существовало. Во рту у него пересохло, по рукам побежали мурашки. Он понял, что его коснулся один из духов дикой природы, а видел он ноги Бакката, бегущего по камням. И двигались они не вверх, а вниз по склону.

В этот миг обостренного восприятия Ксиа по цвету лишайников догадался, что нога Бакката касалась их дважды: на пути вверх и вниз. И Ксиа вслух рассмеялся.

– Баккат, ты можешь обмануть любого, только не Ксиа.

Он прошел вниз по следу и увидел, как это было сделано. Баккат взбежал по склону, перепрыгивая с камня на камень, потом, посреди прыжка, повернул назад и побежал вниз, его маленькие ступни касались точно тех мест, что и в первый раз. И единственным заметным признаком оказался слегка измененный цвет лишайника.

У подножия склона след проходил под бурским бобовым деревом. Рядом со следом лежал кусочек сухой коры, не больше ногтя. Он упал недавно или был сбит с ветки наверху. В этом месте двойной след на поросших лишайником камнях снова становился одинарным. Ксиа вслух рассмеялся.

– Баккат забрался на дерево, как самка бабуина, которая была его матерью.

Он остановился под выступающей веткой, подпрыгнул, подтянулся, поднялся и встал вертикально, балансируя на узком суку. Он увидел следы, оставленные ногами Бакката, прошел по ним к стволу, спустился, снова взял след и побежал по нему.

Еще дважды Баккат загадывал ему загадки. С первой Ксиа столкнулся у основания красного утеса и потерял немало времени. Но после бурского бобового дерева он научился смотреть вверх и нашел место, где Баккат повис на руках. Он продвигался, перебирая руками и не касаясь ногами земли.

Солнце уже садилось, когда Ксиа достиг места, где Баккат подготовил вторую загадку. Казалось, даже он был не в силах ее разгадать. Немного погодя он испытал суеверный страх: с помощью своего заклинания Баккат отрастил крылья и улетел, как птица. Ксиа проглотил еще одну порцию порошка, но духи не коснулись его. Вместо этого заболела голова.

– Я Ксиа. Ни один человек не может меня обмануть, – сказал он, но, хоть и сказал это вслух, не смог справиться с ощущением поражения.

И тут он услышал звук, далекий, но узнаваемый. Эхо, отразившись от скал, повторило его, но одновременно скрыло направление, так что Ксиа завертел головой, стараясь определить его.

– Выстрел из мушкета, – прошептал он. – Духи не покинули меня. Они привели меня в нужное место.

Он оставил след, поднялся на ближайшую вершину, сел там и принялся наблюдать за небом. Вскоре в синей вышине он увидел крошечную черную точку.

– Там, где стреляют, – там Смерть. А у Смерти есть верные последователи.

Появилась новая точка, потом еще и еще. Они собрались в небе, образовав медленно вращающееся колесо. Ксиа вскочил и побежал туда. По мере его приближения точки превращались в стервятников; птицы парили на распростертых крыльях, поворачивали змеинные головы и всматривались в точку под собой среди гор.

Ксиа знал все пять пород стервятников, от обычной рыжевато-коричневой капской птицы до огромного бородатого падальщика с пятнистым горлом и треугольным хвостом.

– Спасибо, старые друзья, – сказал им всем Ксиа. С незапамятных времен эти птицы водили его племя на пир. Приблизившись к центру вращающегося круга, Ксиа пошел осторожнее, он перебежал от камня к камню, оглядываясь, зорко блестя глазами. Потом из-за хребта впереди он услышал человеческие голоса и, казалось, просто растаял в воздухе, словно клуб дыма.

Из своего укрытия он наблюдал, как трое навьючивали мясо на лошадей. Сомойю он знал хорошо. Это известный в колонии человек. Ксиа видел, как он на Рождество состязался с его хозяином. А вот женщина незнакома.

«Должно быть, та, которую ищет Гвеньяма. Женщина, сбежавшая с затонувшего корабля».

Он усмехнулся, узнав рядом с Драмфайром Трухарт.

«Скоро ты вернешься к хозяину», – пообещал он кобыле.

Потом он все внимание сосредоточил на миниатюрной фигуре Бакката, и его глаза начали косить от ненависти.

Он проследил, как маленький отряд закончил погрузку и пошел по звериной тропе, вьющейся по дну долины. Как только они ушли, Ксиа сбежал вниз, чтобы заполучить себе то, что осталось от канны. Там, где Джим перерезал антилопе горло, натекла лужа крови. Она свернулась, превратившись в густое желе. Ксиа набирал его в горсть и выливал себе в рот. Последние два дня он брал из своего мешка с едой очень немного и проголодался. Он слизал с пальцев последние соленые остатки. Но провести много времени у туши он не мог, потому что, если Баккат обернется, он сразу заметит – что-то не позволяет птицам сесть. Охотники мало оставили ему. Несколько гибких труб-кишок, которые не смогли унести. Ксиа сдавил

их пальцами, выпуская жидкий помет. Оставшиеся экскременты придавали внутренностям резкий запах, которым Ксиа, жуя, наслаждался. Ему хотелось камнем расколоть крупные кости бедер и голеней и высосать жирный желтый костный мозг, но он знал, что Баккат вернется на место охоты и не пропустит такой очевидный след. Однако Ксиа ножом срезал остатки мяса, которые еще цеплялись за кости и грудную клетку. Эти кусочки он сложил в свой мешок, потом пучком травы стер отпечатки своих ног. Птицы скоро уничтожат те следы его присутствия, которые он не заметил. Когда Баккат вернется, проверяя свой след, здесь его ничто не насторожит.

С удовольствием жуя зловонные куски внутренностей, Ксиа оставил тушу и пошел за Баккатом и белой парой. Но шел не прямо по их следам, а сбоку, выше по склону долины. В трех местах он предвидел поворот долины, пробежал по высокогорью, где не могли пройти лошади, и перехватывал путников на дальней стороне. Издалека он заметил столб дыма в Маджубе и побежал к нему. С высоты он наблюдал, как прибыли беглецы с лошадьми. Он знал, что надо немедленно возвращаться и указать хозяину укрытие беглецов, но искушение задержаться и посмеяться над своим старым недругом Баккатом оказалось слишком сильным.

Трое мужчин: белый, черный и желтый – нарежали мясо полосами, женщина пересыпала полоски грубой солью из кожаного мешка, потом втирала соль ладонями и развешивала мясо на камнях. Тем временем мужчины бросали куски белого жира, который срезали с мяса, в трехногий котел на огне, для приготовления пищи или мыла.

Когда Баккат вставал и отходил от других, Ксиа следил за ним злобным взглядом кобры. Он трогал пальцами стрелы в маленьком колчане из древесной коры и мечтал о том дне, когда отравленное острие вопьется в тело Бакката.

Когда работа мясника была закончена, мужчины занялись лошадьми, а женщина разложила последние полоски мяса для высушивания. Потом ушла из лагеря по берегу ручья к зеленому омуту, который из-за поворота из лагеря не был виден. Она сняла шляпу и выпустила блестящим облаком волосы. Ксиа был потрясен. Он никогда не видел волос такого цвета и длины. Это было неестественно и омерзительно. У женщин его племени головы покрыты короткими жесткими волосами, не такими, на которые приятно посмотреть и к которым приятно прикоснуться. Только у ведьмы или у другого мерзкого создания могут быть такие волосы. Ксиа плюнул, чтобы отвратить от себя зло.

Женщина внимательно огляделась, но человек не способен увидеть Ксиа, если сам Ксиа того не хочет. Женщина разделась, переступила через свою мешковатую одежду и, нагая, остановилась на краю воды. И снова Ксиа испытал отвращение к ее внешности. Это не женщина, а какое-то бесполое существо. Пропорции ее тела искажены: ноги слишком длинные, бедра узкие, живот впалый, а ягодичы у нее как у изголодавшегося мальчика. Женщины племени сан гордятся своим жирным задом. В том месте, где соединяются бедра, у этой женщины пока лишь клочок волос. Он цвета песков Калахари и такой тонкий, что не скрывает срам. Ее щель как плотно сжатый рот. И никакого следа внутренних губ. Матери племени сан протыкают своим дочерям внутренние губы еще в детстве и растягивают их, чтобы они привлекательно выпячивались. По мнению Ксиа, мерой женской красоты служили большие ягодичы и свисающие половые губы. А у этой только груди свидетельствуют о женском поле, но и у них какая-то необычная форма. Они торчат вверх и вперед, и светлые соски насторожены и приподняты, как уши бик-бика, мелкой южноафриканской антилопы. Ксиа прикрыл рот и усмехнулся собственному сравнению. «Какой мужчина может пожелать такое существо?» – спросил он себя.

Женщина вошла в омут по подбородок. Ксиа видел достаточно, да и солнце садилось. Он перебрался на противоположный склон, так что его не могли заметить, и пошел к горе

с плоской вершиной, синей и нереальной вдалеке, но хорошо видной на южном горизонте. Он будет идти всю ночь, чтобы сообщить новость хозяину.

Они жались к костру посреди хижины, потому что ночи были еще холодны. Ели толстые куски жареного мяса со спины канны и жаркое из почек, печени и жира, поджаренное на костре. С подбородка Бакката капал жир.

Когда Джим с довольным вздохом откинулся, Луиза налила ему чашку кофе. Он благодарно кивнул.

– А сама не хочешь?

Она отрицательно покачала головой:

– Я не люблю.

Она солгала. Она полюбила кофе, когда жила в Хоис-Брабанте, но знала, насколько он редок и дорог. Она видела, как Джим бережет маленький мешочек с зернами, которых хватит ненадолго. Она была так благодарна ему, спасителю и защитнику, что не хотела лишать его удовольствия.

– Он слишком крепкий и горький, – пожаловалась она.

Луиза вернулась на свое место по другую сторону костра и в его свете наблюдала за лицами мужчин, пока те разговаривали. Она не понимала, что они говорят: язык был ей незнаком, но звучал он мелодично и успокоительно. Она наелась и почувствовала сонливость; к тому же после Амстердама она ни разу не была так спокойна, не чувствовала себя в безопасности.

– Я передал твоё сообщение Клибу, твоему отцу, – сказал Баккат Джиму. Они впервые заговорили о том, о чем непрерывно думали. Но говорить о серьезных делах раньше времени невежливо.

– Что он ответил? – с тревогой спросил Джим.

– Он просил передать тебе привет от себя и от твоей матери. Он сказал, что, хоть ты оставляешь пустоту в их сердцах, которая никогда не будет заполнена, ты не должен возвращаться в Хай-Уэлд. Он сказал, что толстый солдат из крепости будет ждать твоего возвращения с терпением крокодила, лежащего в грязи у водопоя.

Джим печально кивнул. С того момента, как он решил спасти девушку, он понимал, каковы будут последствия. Но сейчас, когда это подтвердил отец, неизбежность изгнания из колонии легла на него тяжким бременем. Отныне он действительно отщепенец.

В свете костра Луиза увидела выражение его лица и угадала причину. Она посмотрела на дрожащие языки пламени, и сознание своей вины словно нож ударило ее под ребра.

– Что еще он сказал? – негромко спросил Джим.

– Он сказал, что горечь расставания с единственным сыном будет слишком велика, если он не сможет еще раз увидеть тебя, перед тем как ты уйдешь.

Джим открыл рот, собираясь что-то сказать, но снова закрыл, а Баккат продолжал:

– Он знает, что ты собираешься идти на север по Дороге Грабителей. Он сказал, что ты не выживешь с теми небольшими запасами, которые прихватил с собой. Он собирается привезти тебе еще. Он сказал, что это будет твоё наследство.

– Но как это возможно? Я не могу пойти к нему. А он не может пойти ко мне. Риск слишком велик.

– Он уже послал Бомву, твоего дядю Дориана и Мансура с двумя фургонами, нагруженными мешками с песком и ящиками с камнями, по восточной дороге вдоль берега. Кайзер пойдет за ними, а твой отец сможет встретиться с тобой в назначенном месте. И привезет с собой другие фургоны со своим прощальным даром.

– Но где мы встретимся? – спросил Джим. При мысли о свидании с отцом он испытал глубокое облегчение и возбуждение. Он считал, что они расстались навсегда. – Сюда, в Маджубу, он прийти не может. Горная дорога слишком крута, фургоны не пройдут.

– Нет, сюда он не придет.

– Но куда? – спросил Джим.

– Помнишь, как два года назад мы вместе путешествовали к границам колонии? – Джим кивнул. – Мы прошли по тайному проходу у реки Гариеп.

– Помню.

Это путешествие было самым большим приключением в жизни Джима.

– Клиб проведет фургоны по этому проходу и встретится с тобой на границе неизвестных земель, у холма, похожего на голову бабуина.

– Да, помню, мы там охотились и убили жемчужного быка. Это был последний лагерь перед возвращением в колонию. – Он очень хорошо помнил, какое разочарование испытал, когда они повернули назад. – Я хотел идти к следующему горизонту и к следующему, пока не доберусь до самого последнего.

Баккат рассмеялся.

– Ты всегда был нетерпелив и таким остался. Твой отец встретится с тобой у Головы Бабуина. Сумеешь найти ее без меня? – Он отчасти насмеялся над Джимом, но и в самом деле не мог его вести. – Твой отец выступит из Хай-Уэлда, только когда убедится, что Кайзер пошел за Бомву и Мансуром, и когда я вернусь с твоим ответом.

– Скажи отцу, что я приду.

Баккат встал и потянулся за луком и колчаном.

– Ты не можешь уйти сейчас, – сказал Джим. – Еще темно, а ты не отдыхал с самого выхода из Хай-Уэлда.

– Я пойду по звездам. – Баккат направился к выходу. – Клиб велел мне вернуться немедленно. Мы встретимся у холма Голова Бабуина. – Выходя, он улыбнулся Джиму. – До того дня оставайся в мире, Сомойя. Держи Велангу всегда при себе, потому что, кажется мне, хоть она и молода, из нее выйдет хорошая женщина, как твоя мать.

И он исчез в ночи.

В темноте Баккат двигался быстро, как ночные животные, но когда он ушел из Маджубу, было уже поздно, и до останков канны он добрался на рассвете. Присев рядом, он приступил к осмотру, чтобы установить, кто побывал здесь накануне. Стервятники, сгорбившись, сидели на соседних утесах и отвесных скалах. Землю вокруг туши покрывали их перья – здесь птицы дрались из-за остатков, а все вокруг было испятнано их жидким пометом. Когти птиц взрыли землю, но Баккат отыскал следы нескольких шакалов и других мелких пожирателей падали и диких кошек. Следов гиен не было, но это неудивительно: в это время года горы слишком высоки и холодны для них. Скелет канны, пусть и очищенный до костей, оставался нетронутым. Гиены разгрызли бы кости в труху.

Если тут и побывал человек, его следы были уничтожены. Но Баккат был уверен, что за ним не следили. Мало кто мог бы разгадать его загадки. Потом его взгляд упал на грудную клетку канны. Кости гладкие и белые. Неожиданно Баккат тревожно присвистнул, и его уверенность пошатнулась. Он коснулся ребер, провел пальцем по одному, по другому. Следы такие слабые, что могли бы сойти за отметки зубов одного из падальщиков. Но Баккат почувствовал, как в сомнении напряглись мышцы его живота. Слишком гладкие и правильные, следы не зубов, а инструмента. Кто-то ножом соскребал мясо с костей.

Если это был человек, он оставил бы следы обуви, подумал Баккат и принялся быстро разглядывать землю – участок пошире, чтобы уйти за пределы хаоса, оставленного падальщиками. Ничего! Он вернулся к скелету и снова стал его изучать. Может, человек был босой?

Но готтентоты ходят в сандалиях, да и что делал бы готтентот в горах в такое время года? Все они сейчас внизу на равнинах, со стадами. «Может, за мной все-таки следили? Но только посвященный мог прочесть мой след. Посвященный без обуви? Человек из племени сан? Один из моих соплеменников? – Баккат тревожился все сильнее. – Идти в Хай-Уэлд или вернуться к Сомойе? – Он поколебался, потом принял решение. – Я не могу одновременно идти в обе стороны. Я должен продолжать путь. Это мой долг. Я должен сообщить новости Клибу».

Теперь, при свете утра, он мог двигаться быстрее. Он побежал, но взгляд его ни на мгновение не останавливался, и ни один запах, ни один звук, каким бы слабым он ни был, не ускользал от него. Огибая заросли кустов с ветвями, увешанными бородами серого мха, Баккат раздул ноздри: он уловил острый запах испражнений. Он свернул с тропы в поисках источника запаха и нашел, через несколько шагов. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это помет хищника, который недавно наелся крови и мяса: испражнения черные, жидкие и зловонные.

«Шакал?» – подумал он и сразу понял, что это не так. Человек: рядом валялись грязные листья, которыми человек очищал себя. Только люди племени сан используют с этой целью листья моющей травы: они мягкие и сочные и, если растереть их руками, дают сок с травяным запахом. Баккат понял, что здесь, на тропе, ведущей из Маджубы, испражнялся тот же человек, что ел мясо канны. И это человек из племени сан. Но сколько посвященных из этого племени, кроме него самого, живут в колонии? Его племя сейчас в пустыне, в самых глухих местах. И чутье точно сказала ему, кто это.

«Ксиа, – прошептал Баккат. – Ксиа, мой враг, шел за мной и узнал мои тайны. Теперь он бежит к хозяину крепости. И вскоре много всадников отправятся к Маджубе за Сомойей и Велангой. – Баккат не знал, что ему делать. – Вернуться и предупредить Сомойю или продолжать путь в Хай-Уэлд? Насколько Ксиа опередил меня? – Потом он пришел к прежнему решению. – Сомойя уже оставил Маджубу. Кайзер и его солдаты движутся медленней Сомойи. Если я буду пить ветер, я смогу предупредить Клиба и Сомойю раньше, чем их поймает Кайзер».

И он побежал, как редко бегал раньше, как будто преследовал раненого быка или за ним гнался лев.

Ксиа добрался до колонии поздно ночью. Ворота крепости были закрыты и не открываются до утренней побудки и подъема флага ВОК на рассвете. Но Ксиа знал, что его хозяин Гвеньяма редко спит в своей просторной квартире за каменными стенами. По ночам его неодолимо влекло нечто более приятное.

По указу совета директоров ВОК в Амстердаме бюргеры колонии, в особенности же служащие компании, не имеют права сожительствовать с туземцами. Как и многие другие указы Семнадцати, это записано только на бумаге, и у полковника Кайзера есть небольшой незаметный дом на дальнем краю садов компании. К нему ведет немощеная тропа, и он заслонен живой изгородью из высокой цветущей вербены. Ксиа знал, что не стоит тратить время на споры с часовым у ворот крепости. Он направился прямо к любовному гнездышку полковника и пробрался в отверстие в живой изгороди. На кухне, в задней части дома, горела лампа, и Ксиа постучал в окно. Между лампой и оконным стеклом промелькнула тень, и знакомый женский голос спросил:

– Кто там?

Голос звучал резко и нервно.

– Шала! Это Ксиа, – ответил он на готтентотском языке и услышал, как она отодвигает затвор. Женщина раскрыла дверь и выглянула. Она была чуть выше Ксиа и казалась ребенком, но отнюдь им не была.

– Гвеньяма здесь? – спросил Ксиа.

Женщина отрицательно покачала головой. Ксиа смотрел на нее с удовольствием: готтоты – братья людей сан, а Шала, по мнению Ксиа, – идеал женской красоты. Ее кожа в свете лампы блестит, как янтарь, темные глаза – раскосые, скулы широкие и высокие, подбородок узкий, и лицо формой напоминает перевернутый наконечник стрелы. Череп совершенно круглый и покрыт короткими курчавыми волосами цвета горчицы.

– Нет! Он ушел, – повторила женщина и шире раскрыла дверь, приглашая зайти.

Ксиа колебался. По прежним встречам он отлично представлял себе ее срам. Он похож на сочный цветок пустынного кактуса, с выпяченными мясистыми лепестками пурпурного цвета. К тому же Ксиа всегда испытывал напряженное наслаждение, когда помешивал похлебку в горшке своего хозяина. Шала однажды описала Ксиа мужской орган полковника: «Он похож на изогнутый клюв нектарницы. Тонкий и кривой. Чуть отхлебнет нектара и тут же уходит».

Мужчины племени сан славились размерами пениса, несмотря на их миниатюрный рост. Шала, обладавшая огромным личным опытом в таких делах, считала Ксиа «одаренным» больше всех прочих мужчин его племени.

– А где он?

Ксиа разрывался между долгом и искушением.

– Уехал вчера с десятью своими людьми.

Она взяла Ксиа за руку, провела в кухню, закрыла дверь и заперла ее на засов.

– Куда они пошли? – спросил он, когда Шала остановилась перед ним, расстегивая платье. Кайзеру нравилось одевать ее в яркие индийские платья, и он покупал ей на складе братьев Кортни дорогие жемчужные ожерелья и другие украшения.

– Он сказал, что они идут за фургонами Бомву, рыжего, – сказала она и позволила платью соскользнуть на пол. Ксиа резко выдохнул. Сколько раз он видел эти груди, столько раз испытывал огромное наслаждение.

– Зачем он идет за этими фургонами? – спросил он, взял в руку одну ее грудь и сжал.

Она мечтательно улыбнулась и придвинулась к нему.

– Он сказал, что они приведут его к беглецам: к Сомойе, сыну Кортни, и женщине, которая сбежала с корабля, – ответила она хрипло. Подняла его набедренную повязку и просунула под нее руку. Глаза ее похотливо косились, и она улыбнулась, показав мелкие белые зубы.

– У меня мало времени, – предупредил он.

– Тогда скорее, – ответила она, опускаясь перед ним на колени.

– В какую сторону он пошел?

– Я следила за ним с вершины Сигнального холма, – ответила она. – Они пошли по прибрежной дороге на запад.

Она уперлась локтями в пол, чтобы удерживаться на месте, и наклонялась вперед, пока ее невероятные золотистые ягодицы не поднялись к крытому тростником потолку. Ксиа склонился к ней, развел ей колени, протиснулся между ними, держа Шалу за бедра, и притянул к себе. Когда он развел ее мясистые лепестки и глубоко проник в них, она негромко вскрикнула.

В конце она снова вскрикнула, но на этот раз словно в предсмертной муке, упала ничком на пол и лежала, слабо дергаясь.

Ксиа встал и поправил кожаную набедренную повязку. Потом поднял лук и колчан и повесил их на плечо.

– Когда ты вернешься? – спросила она, садясь.

– Когда смогу, – пообещал он и исчез в ночи.

Перевалив через вершину холма над Хай-Уэлдом, Баккат увидел, что во всем поместье кипит необычайно бурная деятельность. Все слуги были чем-то заняты. Конюхи, их помощники и погонщики фургонов выводили из загона в дальнем конце крааля тягловых быков. Они уже подготовили четыре упряжки по двенадцать быков в каждой, и эти упряжки направлялись по дороге к поместью. Другая группа пастухов отобрала небольшое стадо овец с жирными курдюками, дойных коров с не отнятыми от вымени телятами и запасных быков для упряжек и медленно гнала их на север. Стадо уже растянулось настолько, что первые животные превратились в точки, едва заметные в тучах поднятой пыли.

– Они уже пошли к проходу реки Гариеп на встречу с Сомойей, – довольно кивнул Баккат и начал спускаться по холму к поместью.

Войдя во двор, он сразу увидел, что подготовка к выступлению почти закончилась. Возле склада, на погрузочной наклоненной площадке, Том Кортни в рубашке, без сюртука, отдавал распоряжения рабочим, которые относили в фургон последние ящики.

– Что в этом ящике? – спросил он. – Я его не узнаю.

– Хозяйка велела мне погрузить его. Я не знаю, что в нем. – Рабочий пожал плечами. – Какие-нибудь женские вещи, наверно.

– Отнеси во второй фургон. – Том повернулся и увидел входящего во двор Бакката. – Я увидел тебя, как только ты поднялся на холм. Ты с каждым днем становишься все выше, Баккат.

Баккат довольно улыбнулся, расправил плечи и чуть выпятил грудь.

– Вижу, твой план сработал, Клиб?

Это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Через несколько часов после того как Бомву повел фурунны по дороге на запад, Кайзер со своими людьми пошел за ним. – Том рассмеялся. – Не знаю, скоро ли он поймет, что преследует не ту дичь, и побежит назад. Нам нужно убираться побыстрее.

– Клиб, у меня дурные новости.

Том увидел выражение лица маленького человека, и его улыбка исчезла.

– Пошли! Пойдем туда, где можно поговорить наедине.

Он провел Бакката в склад и с серьезным видом выслушал все, что маленький человек рассказал ему о своем походе в горы. Он с облегчением вскрикнул: его догадка оказалась верной, и Баккат нашел Джима в Маджубе.

– Сейчас Сомойя, Зама и девушка уже оставили Маджубу и идут к месту встречи у холма Голова Бабуина, – продолжал Баккат.

– Это хорошая новость, – сказал Том. – Что же ты такой мрачный?

– За мной следили, – признался Баккат. – Кое-кто дошел за мной до самой Маджубы.

– Кто это был?

Том не смог скрыть тревогу.

– Человек из племени сан, – сказал Баккат. – Посвященный из моего родного племени, единственный, кто может распутать мой след. Тот, кто подсмотрел, как я ухожу из Хай-Уэлда.

– Ищейка Кайзера! – свирепо воскликнул Том.

– Ксиа, – подтвердил Баккат. – Он провел меня и сейчас, конечно, торопится к своему хозяину. Завтра он поведет Кайзера к Маджубе.

– Сомойя знает, что Ксиа проведет, где он?

– Я обнаружил след Ксиа на полпути от Маджубы. И сначала пришел предупредить тебя, – сказал Баккат. – Теперь я могу вернуться, рассказать Сомойе и увести его от опасности.

– Ты должен дойти до него раньше Кайзера.

Черты Тома были искажены тревогой.

– Ксиа должен вернуться к Маджубе, прежде чем сможет взять след Сомойи. Кайзер и его люди продвигаются медленно, потому что не привыкли к горам, – объяснил Баккат. – Ему придется сделать большой крюк на юг. С другой стороны, я могу пройти через горы прямо на север, опередить их и найти Сомойю раньше.

– Иди быстрее, старый друг, – сказал Том. – Отдаю жизнь сына в твои руки.

Баккат, прощаясь, наклонил голову, но Том окликнул его.

– Женщина... – Он замолчал, не в силах посмотреть в лицо маленькому человеку. – Она еще с ним? – спросил он хрипло.

Баккат утвердительно кивнул.

– Какая она... – Том, замолчал и попытался спросить иначе: – Она?..

Баккат сжалился над ним.

– Я назвал ее Веланга. Ее волосы как свет солнца.

– Я не это хочу знать.

– Думаю, Веланга будет идти рядом с ним долго-долго. Может, всю остальную жизнь. Ты это хотел узнать?

– Да, Баккат, именно это я и хотел узнать.

С погрузочной площадки он смотрел, как Баккат идет к выходу со двора, выходит и поворачивает в сторону гор. Он задумался о том, когда маленький человек в последний раз отдыхал или спал... но это не имело значения. Баккат будет на ногах столько, сколько потребует долг.

– Том! – услышал он голос Сары, обернулся и увидел, что она бежит к нему со стороны кухни. К его удивлению, она была в штанах, сапогах для верховой езды и в широкополой шляпе, подвязанной под подбородком красной лентой. – Что здесь делал Баккат?

– Он нашел Джима.

– И девушку?

– Да. – Том неохотно кивнул. – Девушку тоже.

– Тогда почему мы еще не выезжаем? – спросила она.

– Мы? – переспросил он. – Мы никуда не едем. Но я буду готов выступить через час.

Сара подбоченилась. Он знал, что это все равно что грохот вулкана, который начинает извержение.

– Томас Кортни, – холодно сказала она, но в ее глазах горел огонь битвы. – Джеймс мой сын. Мой единственный ребенок. По-твоему, я буду сидеть на кухне, пока ты едешь прощаться с ним, возможно, навсегда?

– Я передам ему твою любовь, – пообещал он, – а вернувшись, опишу девушку в мельчайших подробностях.

Он еще немного посопровтивлялся, но когда выезжал из Хай-Уэлда, Сара ехала рядом с ним. Подбородок она задрала и пыталась скрыть улыбку торжества. Искоса взглянула на него и ласково сказала:

– Том Кортни, ты все еще самый красивый мужчина, какого мне приходилось видеть, особенно когда дуешься.

– Я не дуюсь. Я никогда не дуюсь, – мрачно возразил он.

– Давай вперегонки до брода. Победитель может потребовать поцелуй.

Она тронула кобылу хлыстом и поскакала. Том пытался сдержать жеребца, но тот заплясал, стремясь вдогонку.

– Черт побери! Ну хорошо.

Том перестал сдерживать жеребца. Он дал Саре слишком большую фору, а она отличная наездница.

Она ждала его у брода: щеки покраснелись, глаза сверкали.

– Где мой поцелуй? – спросила она.

Он наклонился в седле и по-медвежьи облапил ее.

– Это только задаток, – пообещал он, снова выпрямляясь в седле. – Окончательной расплаты подожди до вечера.

У Джима было отлично развитое чувство направления, но Баккат знал, что и он может ошибаться. Он помнил, как однажды Джим ушел из лагеря, когда все остальные спали в жаркий полдень. Джим увидел на горизонте небольшое стадо сернобыков и, так как у них кончилось мясо, поехал к ним. Три дня спустя Баккат нашел его в бездорожных холмах: Джим, полумертвый от жажды, ходил кругами, ведя захромавшую лошадь.

Джим терпеть не мог, когда ему напоминали об этом случае, но прежде чем они расстались в Маджубе, он внимательно выслушал указания Бакката, как найти дорогу в горах, следуя вдоль звериных троп, которые столетиями используют слоны и стада антилоп. Одна из таких троп приведет его к броду через реку Гариеп, где та разливается по равнинам на границе неведомых диких земель. С этого места на восточном горизонте будет ясно виден холм Голова Бабуина. Баккат рассчитывал, что Джим точно последует его указаниям, и поэтому ясно представлял себе, где тот может находиться в данный момент и каким маршрутом лучше всего идти, чтобы его перехватить.

Баккат двинулся прямо на север и далеко углубился в горы, прежде чем повернул к главной тропе и оказался между высокими утесами янтарного цвета в горной долине. На пятый день после выхода из Хай-Уэлда он пересек след молодых людей. Две подкованные лошади и шесть тяжело груженных мулов оставляли очень заметный след. Незадолго до полудня Баккат догнал отряд Джима. Он не стал показываться, прошел вперед и стал ждать у тропы, по которой они пройдут.

Баккат увидел Джима в голове колонны. Когда Драмфайр поравнялся с ним, он выскочил из-за камня, как черт из табакерки, и закричал:

– Я вижу тебя, Сомойя!

Драмфайр так испугался, что дико заржал. Захваченному врасплох Джиму пришлось ухватиться за шею лошади, и Баккат захохотал своей шутке. Джим мгновенно справился с лошадью и поскакал за ним, потому что Баккат, все еще смеясь, побежал вперед по тропе. Джим сорвал шляпу, наклонился в седле и хлопнул бушмена по круглой голове и плечам.

– Отвратительный маленький человек! Ты такой маленький, такой крохотный, такой мелкий, что я тебя не вижу.

От этих оскорблений Баккат захохотал пуще прежнего, без сил упал на землю и стал кататься по ней.

Когда он успокоился настолько, что смог встать, Джим внимательно оглядел его и поздоровался более церемонно. Было видно, насколько исхудал Баккат. Хотя его племя славилось силой духа и выносливостью, за последние недели Баккат пробежал по горам сотни миль, не давая себе поесть или напиться спокойно, и спал по несколько часов. Кожа его потеряла блеск и золотистый цвет, стала серой и тусклой, как зола вчерашнего костра. Голова напоминала череп, на лице торчали острые скулы. Глаза глубоко ввалились. Ягодицы бушмена – то же, что горбы верблюда: когда он хорошо питается и вволю отдыхает, они огромны и при ходьбе независимо покачиваются. Зад Бакката ссохся, и складки кожи свисали из-под набедренной повязки. Его ноги и руки были тонкими, как лапки богомола.

– Зама! – крикнул Джим в конец цепочки мулов. – Сними мешок с чаггой!

Баккат сразу приступил к отчету, но Джим его остановил.

– Сначала поешь и напейся, – сказал он, – потом поспи. Поговорим позже.

Зама принес кожаный мешок с чаггой из мяса канны. Полоски просоленного мяса были наполовину высушены на солнце и упакованы в мешок так плотно, что к ним не могли добраться ни воздух, ни мухи. Первые африканские путешественники, должно быть, заим-

ствовали эту мысль у североамериканских индейцев с их пеммиканом. Обработанное таким образом мясо не портится и хранится сколь угодно долго. Оно сохраняет большую часть влаги и хотя припахивает, соль помогает бороться с душком. В трудных обстоятельствах такое мясо незаменимо.

Баккат сел в тени у горного ручья, взял в руки большой черный кусок чагги и начал есть. Луиза выкупалась в одном из омутов ниже по течению, подошла, села рядом с Джимом, и оба они смотрели, как ест Баккат.

Немного погодя она спросила:

– Сколько он может съесть?

– Он только начал входить во вкус, – ответил Джим.

Много позже Луиза сказала:

– Посмотри на его живот. Он раздувается.

Баккат встал, подошел к ручью и наклонился.

– Сыт! – сказала Луиза. – Я думала, он будет есть, пока не лопнет.

– Нет, – покачал головой Джим. – Ему нужно запить съеденное, чтобы освободилось место для второго блюда.

Баккат вернулся на место, с его подбородка капала вода. С неубывающим аппетитом он снова набросился на чаггу. Луиза захлопала в ладоши и изумленно рассмеялась.

– Он такой маленький! Это невозможно! Он никогда не остановится.

Но все-таки Баккат остановился. С явным усилием он проглотил последний кусок. Потом сел, скрестив ноги, и громко, осоловело икнул.

– Он похож на беременную на восьмом месяце. – Джим показал на выпирающий живот. Луиза покраснела от столь неприличного сравнения, но не сдержала улыбку. Очень подходящее описание. Баккат улыбнулся ей, упал на бок, свернулся в клубок и захрапел.

Утром его щеки чудесным образом округлились, а ягодицы, хотя и не вернувшие все прежнее великолепие, отчетливо выпирали из-под повязки. За завтраком он с прежним аппетитом наелся чагги и, подкрепившись, готов был отчитаться перед Джимом.

Джим слушал молча. Когда Баккат рассказал про доказательства того, что Ксиа шел за ним и несомненно приведет Кайзера к Маджубе и пойдет оттуда по их следу, Джим встревожился. Потом Баккат передал ему привет отца и обещание поддержки. Темные тучи, сгустившиеся было вокруг Джима, как будто разошлись, лицо озарилось знакомой улыбкой. Когда Баккат закончил, оба какое-то время молчали. Потом Джим встал и спустился к ручью. Он сел на гнилой древесный ствол и глубоко задумался. Отломил кусок сгнившей коры, достал белых личинок и бросил в воду. К поверхности поднялась большая желтая рыба и, взвихрив воду, проглотила их. Наконец Джим вернулся туда, где терпеливо сидел Баккат, и присел рядом лицом к нему.

– Мы не можем идти к реке Гариеп, если Кайзер идет за нами. Мы приведем его прямо к отцу и его фургонам. – Баккат кивнул. – Надо увести его в сторону и запутать след.

– Твоя мудрость и понимание намного превосходят твой нежный возраст, Сомоя.

Джим уловил сарказм. Он наклонился вперед и по-дружески хлопнул Бакката по плечу.

– Тогда скажи мне, принц рода хорьков из племени сан, что нам делать.

Баккат вел их по широкому извилистому кругу, прочь от реки Гариеп, в ту сторону, откуда они пришли. Они двигались звериными тропами, переходили из долины в долину, пока не вернулись к Маджубе. Но не стали приближаться к каменной, крытой тростником хижине, а разбили лагерь за восточным водоразделом долины. Костер не разжигали, пищу ели холодной и спали, закутавшись в кароссы из шкур шакала. Днем мужчины по очереди поднимались на вершину с подозрительной трубой Джима и осматривали лагерь у Маджубы в поисках Ксиа, Кайзера и его солдат.

– Они не могут сравниться со мной по резвости в этих горах, – хвастал Баккат. – И придут только послезавтра. Но до тех пор мы должны таиться: у Ксиа глаза стервятника и чутье гиены.

Джим и Баккат построили под вершиной укрытие из сухих ветвей и травы. Баккат осмотрел его со всех углов, желая убедиться, что оно незаметно. Удовлетворенный, он предупредил Джима и Заму, чтобы те не пользовались подзорной трубой, когда солнце может отразиться от стекла. Первым утреннюю вахту в укрытии проводил Джим.

Он устроился поудобнее и погрузился в приятные размышления. Он думал об обещании отца привезти фургоны и припасы. Благодаря им мечты о путешествии на край света становятся явью. Он думал о приключениях, которые ожидали их с Луизой, о чудесах, которые они встретят в этой глуши. Он вспоминал легенды о берегах рек, усеянных золотыми самородками, об огромных стадах слонов, о пустынях, вымощенных алмазами.

Неожиданно его вернул к реальности звук покотившегося камня у него за спиной. Он машинально потянулся к висящему на поясе пистолету. Но рисковать, стреляя, нельзя. Баккат не слишком мягко отзывался о его мушкетном выстреле во время охоты на канну. Тот выстрел и привел к ним Ксиа.

– Ксиа никогда не распутал бы мой след, если бы ты сам не привел его к нам, Сомойя. Этот твой выстрел нас выдал.

– Прости меня, Баккат, – иронично извинялся Джим. – Я знаю, ты терпеть не можешь вкус чагги из мяса канны. Лучше бы мы умерли с голоду!

Он отвел руку от пистолета и взялся за нож с острым и длинным лезвием. Он держал его наготове для удара, но в этот миг за стеной укрытия голос Луизы негромко произнес:

– Джим?

Тревога сменилась радостью.

– Заходи быстрее, Ежик. Не показывайся.

Она заползла в низкий вход. Для них обоих внутри едва хватало места. Они сидели рядом, в нескольких дюймах друг от друга. Молчание было тяжелым и неловким. Наконец Джим нарушил его.

– У остальных все в порядке?

– Все спят.

Она не смотрела на него, но не осознавать остро его присутствие было невозможно. Он так близко, от него пахнет потом, кожей, лошадьми. Такой сильный и мужественный... она чувствовала смущение и растерянность. Мрачные воспоминания смешались с новыми противоречивыми чувствами, и Луиза отодвинулась так далеко, как позволяло пространство. Он сразу сделал то же самое.

– Здесь тесно, – сказал он. – Баккат строил для себя.

– Я не имела в виду... – начала она.

– Я понимаю, Ежик, – сказал он. – Ты мне один раз уже объяснила.

Она покосилась на него и с облегчением увидела, что его улыбка искренняя. За последние дни она поняла, что Ежик – не выговор и не оскорбление, а дружеская шутка.

– Ты как-то сказал, что мечтал о домашнем любимце.

Она думала о своем.

– Что?

Он удивился.

– О ежике. Почему ты не нашел себе ежа?

– Это не так-то легко. Они в Африке не живут. – Он улыбнулся. – Я видел их в книгах. Ты первая во плоти. Не возражаешь, что я так тебя называю?

Она задумалась и поняла, что он не смеется над ней, что говорит ласково.

– Вначале возражала, теперь привыкла, – сказала она и негромко добавила: – Позволь сказать тебе, что ежики очень милые и приятные маленькие зверьки. Нет, я нисколько не возражаю.

Они снова замолчали, но молчание уже не было неловким и напряженным. Немного погодя Луиза проделала глазок в травяной стене. Джим дал ей подзорную трубу и показал, как наводить на резкость.

– Ты сказала, ты сирота. Расскажи о своих родителях, – попросил он. Вопрос потряс ее, она вспыхнула. Он не имеет права спрашивать об этом! Она сосредоточенно уставилась в трубу, но ничего не увидела. Но вот гнев ее схлынул. И она почувствовала глубокую потребность поговорить о своей утрате. Она никогда не говорила об этом, даже с Элизой, когда еще доверяла ей.

– Мой отец был учителем, человеком мягким и добрым. Он любил книги и науку.

Голос ее вначале звучал почти неслышно, но набирал силу и уверенность по мере того, как она вспоминала удивительные вещи о своих родителях, их любовь и доброту.

Джим сидел тихо, задавая вопросы, когда Луиза замолкала. Он словно вскрыл нарыв в ее душе и дал возможность яду и боли вытечь. Она чувствовала растущее доверие к нему, как будто могла рассказать ему все и он сумел бы понять. Она потеряла всякое представление о времени, а потом неожиданно пришла в себя, услышав негромкое царапанье в задней стене укрытия. Голос Бакката шепотом спросил о чем-то. Джим ответил, и Баккат исчез так же неслышно, как появился.

– Что он сказал? – спросила Луиза.

– Он пришел сменить меня на вахте, но я его отослал.

– Я слишком много говорила. Который час?

– Ну, здесь время мало что значит. Ты рассказывай, рассказывай. Мне нравится тебя слушать.

Когда она рассказала ему все, что могла вспомнить о родителях, они перешли к обсуждению других тем – всего, что приходило в голову или к чему ее подвели его вопросы. Для нее было огромной радостью так свободно говорить с кем-то.

Теперь, когда она отчасти успокоилась и перестала отгораживаться от мира, Джим с радостью обнаружил у нее своеобразное сухое чувство юмора: Луиза одновременно была умна, самокритична, наблюдательна и зло иронична. По-английски она говорила свободно, намного лучше, чем он по-голландски, но акцент придавал ее словам свежее звучание, а редкие ошибки – очарование.

Образование, данное Луизе отцом, вооружило ее широкими знаниями и пониманием поразительного количества вопросов, и она много путешествовала, что особенно интересовало Джима. В Англии, на родине своих предков и своей духовной родине, он никогда не бывал, а Луиза описывала картины и места, о которых он слышал от родителей, но сам никогда не видел.

Часы утекали незаметно, и только когда длинная тень горы упала на маленькую хижину, Джим понял, что день почти закончился. Он виновато подумал, что пренебрег своими обязанностями и даже уже несколько часов не заглядывал в глазок.

Он наклонился вперед и посмотрел вниз по склону. Луиза вздрогнула от неожиданности, когда он положил руку ей на плечо.

– Они здесь! – Голос его прозвучал резко и настойчиво, но она не сразу поняла. – Кайзер и его люди.

Ее сердце забилося чаще, тонкие волоски на предплечье встали дыбом. Луиза со страхом выглянула и увидела далеко внизу, в долине, движение. Ручей пересекала колонна всадников, но узнать кого-либо на таком расстоянии было невозможно. Джим схватил с ее колен

подзорную трубу. Взглядом определил высоту солнца: хижина уже в тени, и нет опасности, что солнце отразится от стекол. Он быстро навел на резкость.

– Их ведет бушмен Ксиа. Я давно знаю эту свинью. Он хитер, как бабуин, и опасен, как раненый леопард. Они с Баккатом смертельные враги. Баккат клянется, что Ксиа колдовством убил его жену. Говорит, Ксиа заколдовал мамбу и заставил ужалить ее.

Он повернул трубу и продолжил описывать увиденное:

– Сразу за Ксиа – Кайзер. На гнедой кобыле. Это тоже очень хорошая лошадь. Кайзер разбогател на взятках и на том, что крадет у ВОК. У него одна из лучших конюшен в Африке. Он не так мягок, как может показаться оттого, что у него такой большой живот. Они прибыли на день раньше, чем предсказывал Баккат.

Луиза чуть ближе пододвинулась к нему. Она чувствовала прикосновение к спине холодной змеи страха. Девушка знала, что с ней будет, если она попадет в руки Кайзера.

Джим повернул трубу дальше.

– Сразу за Кайзером – капитан Эрминиус Котс. Милосердная Дева Мария, вот уж отвратительный тип! О Котсе рассказывают такое, что ты бы покраснела, а то и упала в обморок. За ним сержант Удеман. Собутыльник Котса, и у них одинаковые вкусы. Их интересует только золото, кровь и то, что под юбкой.

– Джим Кортни, я была бы благодарна, если бы ты не говорил так. Не забывай, я женщина.

– Тогда мне можно не объяснять тебе, что это такое, верно, Ежик? – Он улыбнулся. Луиза напустила на себя суровость, но он не обратил внимания на ее неодобрение и продолжал перечислять имена солдат, следовавших за Кайзером.

– Капралы Рихтер и Ла-Рише замыкают цепочку, они ведут запасных лошадей. – Он насчитал десять голов в небольшом табуне. – Неудивительно, что они появились так быстро. С таким количеством запасных лошадей они могут быстро нас догнать.

Он захлопнул подзорную трубу.

– Попробую объяснить, что мы будем делать. Нам надо увести Кайзера подальше от реки Гариеп, где ждет отец с фургонами и припасами. Прости, но это означает убежать еще много дней или даже недель. И вести гораздо более трудную жизнь. У нас не будет времени строить убежища; есть будем только мясо канны, если не сумеем добыть еще что-нибудь, но в это время года дичь в основном спускается в долины. Кайзер будет идти за нами, и охотиться мы не сможем. Будет нелегко.

Она скрыла страх за улыбкой и бодрым тоном:

– После орудийной палубы «Золотой чайки» это сущий рай. – Она потерла рубцы от цепей на лодыжках. Раны заживали: шрамы почти сошли, показалась розовая кожа. Баккат изготовил из жира канны и диких трав чудодейственную мазь.

– Я думал отправить тебя с Замой к реке Гариеп на встречу с отцом, пока мы с Баккатом будем уводить Кайзера, но поговорил с Баккатом, и мы решили, что это слишком рискованно. Этот бушмен Кайзера – настоящий волшебник. Вы с Замой не сможете обмануть его, даже если Баккат использует все свои хитрости. Ксиа возьмет ваш след там, где мы расстанемся, а ты нужна Кайзеру не меньше, чем я. – Лицо Джима потемнело при мысли о том, что беззащитная девушка окажется в руках Кайзера, Котса и Удемана. – Нет, мы будем держаться вместе.

Она сама удивилась, как ей полегчало оттого, что он не покинет ее.

Они наблюдали, как люди Кайзера обыскивают покинутую хижину, потом снова садятся верхом и отправляются по остывшему следу беглецов. Скоро они исчезли в горах.

– Они скоро вернутся, – предрек Джим.

Ксиа потребовалось три дня, чтобы провести Кайзера по следу и вернуться на холмы над Маджубой. Эти дни Джим использовал для того, чтобы отдохнули и подкормились лошади и мулы. Пока ждали, восстанавливал свои силы и Баккат. Его зад снова стал толстым и жирным. На третий день, вскоре после полудня, колонна Кайзера показалась снова. Она упрямо двигалась по старому следу. Как только Баккат ее заметил, Джим и его отряд начали уходить все дальше в горы. Джим приноровился к скорости преследователей; они держались так далеко от Кайзера, чтобы иметь возможность наблюдать за ним и видеть, какие они с Ксиа придумают неожиданные решения и уловки.

Обычно Заму и Луизу отправляли вперед с багажом. Зама вел животных таким быстрым шагом, какой они только могли выдержать. Им давали возможность пастись и отдыхать, иначе они быстро выбились бы из сил. К счастью, те же обстоятельства ограничивали скорость животных Кайзера, хотя у него были запасные лошади. Но все равно Зама и Луиза могли уходить далеко вперед.

Баккат и Джим держались под носом у Кайзера, следя за ним, оставаясь в тесном контакте и стараясь все время иметь точные сведения о его местонахождении. Когда тропа пересекала хребет или водораздел, они ждали наверху, пока не увидят отряд Кайзера. Прежде чем уйти, Джим в подзорную трубу пересчитывал лошадей, чтобы убедиться – все на месте.

С наступлением ночи Баккат пробирался к лагерю Кайзера и наблюдал за ним из укрытия, на случай если Кайзер задумал какую-нибудь хитрость. Он не мог брать с собой Джима. Постоянной угрозой оставался Ксиа, и, как ни искушен был Джим в знании дикой природы, Ксиа он не пара. Луиза и Зама ушли далеко вперед, и Джим в одиночестве ел у костра, потом оставлял его гореть, чтобы сбить с толку возможного наблюдателя, а сам ускользал в ночь, идя за передовыми двумя, защищая их с тыла от внезапного нападения.

Перед рассветом Баккат прекращал слежку и возвращался к Джиму. И весь день они снова уходили.

На следующее утро Ксиа мог прочитать их движения, изучая оставленный ими след. На третье утро Кайзер приказал предпринять внезапное нападение. Вечером он разбил лагерь. Его солдаты стреножили лошадей, поели и выставили часовых, потом все свободные от караула завернулись в одеяла, легли у костров и позволили им погаснуть. Из наблюдений Ксиа они знали, что Баккат может следить за ними. Едва стемнело, Ксиа тайно и неслышно вывел Котса и Удемана из лагеря. Они сделали круг, чтобы проскользнуть мимо Бакката и неожиданно напасть на Джима у костра. Но двое белых, даже если они сняли шпоры и обернули сапоги тряпками, чтобы приглушить шаги, не могут тягаться с Баккатом. Он слышал каждый их неверный шаг в темноте. И когда Ксиа и двое белых добрались до лагеря Джима, тот был уже давно покинут и догоревшие угли блестели янтарем.

Две ночи спустя Котс и Удеман далеко за границами лагеря залегли в ожидании Бакката. Баккат обладал звериным чутьем на опасность. Он почувствовал запах Котса с двадцати шагов: отчетливо повеяло потом белого человека и табачным дымом. Баккат столкнулся по склону перед собой небольшой камень. Котс и Удеман выстрелили на звук. В лагере послышались крики и стрельба, и остаток ночи ни Кайзер, ни его люди не спали.

На следующее утро Джим и Баккат наблюдали, как солдаты садятся верхом и выступают в путь.

– Неужели Кайзер не сдастся и не повернет в колонию? – спросил Джим.

Баккат, бежавший у его стремени, усмехнулся.

– Не надо было красть его лошадь, Сомойя. Я думаю, ты его рассердил, и для него теперь это дело чести. Нам придется либо убить его, либо обмануть. Сам он не сдастся.

– Никакого убийства, кровожадный маленький дьявол! Плохо уже и то, что мы похитили осужденную ВОК и лошадь полковника. Но даже губернатор ван де Виттен не сможет закрыть глаза на убийство своего военного командира. Ответит моя семья. Отец...

Он замолчал, не в силах продолжать. Последствия были бы ужасны.

– Кайзер не дурак, – заговорил Баккат. – Он узнал, что мы идем на встречу с твоим отцом. Он не пронюхал, где место встречи, но ему достаточно только идти за нами. Если ты не собираешься убивать его, тебе понадобится помощь Кулу-Кулу, чтобы сбить Ксиа со следа. Не думаю, что мне бы это удалось, даже если бы я двигался один. А теперь нас трое мужчин, девушка, которая впервые попала в дикую местность, две лошади и шесть груженных мулов. Как мы можем надеяться обмануть глаза, нос и колдовство Ксиа?

Они добрались до вершины очередного хребта и остановились, чтобы дать передышку Драмфайру и подпустить преследователей поближе.

– Где мы, Баккат?

Джим приподнялся в стременах и осмотрел внушающий благоговейный страх хаос горных вершин и глубоких ущелий.

– У обычных людей нет названия для этого места, потому что сюда приходят только заблудившиеся или безумцы.

– В таком случае в какой стороне море и колония?

Джим обнаружил, что в лабиринте гор ему трудно определять направление.

Баккат без колебаний показал, и Джим, прищурившись, взглянул на солнце, чтобы сориентироваться, но усомнился в непогрешимости Бакката.

– Далеко?

– Недалеко, если сидишь на спине орла, – пожал плечами Баккат. – Дней восемь, если знаешь дорогу и идешь быстро.

– Сейчас у Кайзера должны кончаться припасы. Даже у нас остался лишь последний мешок чагги и двадцать фунтов кукурузы.

– Прежде чем сдаться и позволить тебе встретиться с отцом, он съест запасных лошадей, – предсказал Баккат.

Позже в тот же день они с безопасного удаления наблюдали, как сержант Удеман выбрал одну из запасных лошадей и увел ее в ущелье по соседству с лагерем отряда Кайзера. Пока Удеман держал голову лошади, а Рихтер и Ла-Рише точили ножи о камни, Котс проверил кремь и заряд своего пистолета. Потом подошел к животному и прижал ствол к белому пятну на лбу. Выстрел прозвучал глухо, но лошадь сразу упала и конвульсивно задержала ногами.

– Бифштексы из конины на ужин, – задумчиво сказал Джим, – и у Кайзера провизии по меньшей мере на неделю. – Он опустил подзорную трубу. – Баккат, так продолжаться не может. Отец не будет ждать нас у Гариеп вечно.

– Сколько у них лошадей? – задумчиво произнес Баккат, поковыряв в носу и разглядывая плоды своих раскопок.

Джим снова поднял трубу и принялся считать.

– ...шестнадцать, семнадцать, восемнадцать. Восемнадцать, считая лошадь Кайзера. – Он смотрел на Бакката, на лице которого сохранялось невинное выражение. – Лошади? Да, конечно! – воскликнул он.

Баккат не выдержал и озорно улыбнулся.

– Да. Лошади – единственный их способ напасть на нас.

Преследование беспощадно продолжалось в дикой местности, где раньше не бывал даже Баккат. Дважды им встречалась дичь: один раз у горизонта прошли четыре канны, в другой раз – пятьдесят антилоп нильгау. Но если бы они занялись охотой, то подпустили бы преследователей ближе. А ружейные выстрелы привели бы отряд Кайзера к ним раньше, чем они успели бы освежевать добычу. Если застрелить одного из мулов, произойдет то же самое. Они продолжали двигаться, хотя провизии оставались последние крохи. Джим берег оставшуюся горсть кофейных зерен.

Скорость передвижения Замы с Луизой и мулами постепенно падала. Расстояние сокращалось, так что Джим и Баккат их догнали. А солдаты Кайзера ехали по-прежнему быстро, и отряду Джима все труднее становилось удерживать их на расстоянии. Свежие бифштексы из конины, жаренные на костре, казалось, вернули солдатам силы и решимость. Луиза слабела. Она и до начала похода была худа, а теперь, голодая и недосыпая, оказалась на грани своих возможностей.

Усугубляя тревоги Джима, к преследователям присоединились и другие охотники. Тревозно заснув в темноте, замерзшие и голодные, не имевшие возможности днем собрать дров для костра, ежесекундно ожидавшие появления людей Кайзера, беглецы проснулись от ужасных звуков. Луиза не смогла сдержаться и вскрикнула.

– Что это?

Джим выбрался из-под своего каросса и подошел. Он обнял девушку за плечи. Луиза была так испугана, что не отстранилась. Звук повторился: сначала низкий хриплый кашель, потом громовые раскаты, эхо которых прокатилось по темным горам.

– Что это?

Голос Луизы дрожал.

– Львы, – ответил Джим. Не было смысла обманывать ее. Напротив, он старался отвлечь Луизу. – Даже самый храбрый человек трижды пугается льва: когда первый раз видит его след, когда первый раз слышит его рев и когда впервые встречается с ним лицом к лицу.

– Для меня одного достаточно, – сказала она и, хотя ее голос дрожал, неуверенно улыбнулась. Джим понял, что гордится ее храбростью. Он убрал руку с ее плеч, почувствовав, что Луиза неловко подвинулась в его объятиях. Она по-прежнему не переносила прикосновения мужчины.

– Они охотятся на лошадей, – сказал ей Джим. – Если нам повезет, пойдут за лошадьми Кайзера, а не за нашими.

И, словно в ответ, несколько минут спустя они услышали залп мушкетного огня ниже по долине, где разбил лагерь их враг.

– Львы, должно быть, на нашей стороне.

Луиза снова рассмеялась, на этот раз убедительнее.

До самого утра время от времени слышались далекие выстрелы.

– Львы по-прежнему осаждают лагерь Кайзера, – сказал Джим. – Если нам повезет, они сожрут несколько лошадей.

На рассвете бегство возобновилось. Джим в трубу посмотрел назад и увидел, что Кайзер не потерял ни одной лошади.

– Жаль, но им удалось отогнать львов, – сказал он Луизе.

– Будем надеяться, сегодня ночью они повторят попытку, – ответила Луиза.

Этот день оказался самым тяжелым. В середине дня с северо-запада надвинулись дождевые тучи, и беглецов окатило холодным сильным дождем. Дождь перестал перед самым закатом, и в последних лучах солнца они увидели преследователей меньше чем в лиге за собой. Враг быстро приближался. Джим продолжал отступление в темноте. Это был кошмарный марш по мокрой коварной земле, через ручьи, опасно вздутые дождем. В глубине души Джим знал, что далеко они так не уйдут.

Когда они наконец остановились, Луиза едва не свалилась со спины Трухарт. Джим закутал девушку во влажный каросс и дал небольшой кусок чагги, чуть ли не последний.

– Ешь ты. Я не голодна, – возразила она.

– Ешь, – приказал он. – Сейчас не время геройствовать.

Она подчинилась, но уснула, не проглотив и нескольких кусочков. Джим подошел к сидящим рядом Заме и Баккату.

– Это конец, – мрачно сказал он. – Сегодня или никогда. Нужно добраться до их лошадей.

Они планировали эту попытку весь день, но попытку безнадежную. Хотя Джим бодрился, он понимал, что, по существу, они обречены.

Баккат единственный из них способен усыпить бдительность Ксиа и незаметно пробраться во вражеский лагерь, но в одиночку он не сможет отвязать восемнадцать лошадей и привести их с собой.

– Одну или две – да, – сказал он Джиму, – но восемнадцать – нет.

– Мы должны забрать всех. – Джим взглянул на небо. Сквозь летящие клочья дождевых туч виднелся узкий лунный серп. – Света для такой работы хватит.

– Баккат может подобраться к лошадям и искалечить их, перерезать им сухожилия, – предложил Зама.

Джим поерзал: сама мысль об изувеченной лошади была ему отвратительна.

– Первая же лошадь закричит так громко, что поднимет весь лагерь. Нет, это не годится.

В этот миг Баккат вскочил и громко принялся.

– Держите лошадей! – крикнул он. – Быстрее! Здесь львы!

Зама подбежал к Трухарт и схватил ее за повод. Баккат бросился к мулам, чтобы удерживать их. Они спокойнее чистокровных лошадей. Джим едва успел. Он схватил голову Драмфайра в тот момент, когда жеребец встал на дыбы и в ужасе пронзительно заржал. Джима подняло над землей, но он умудрился обхватить лошадь рукой за шею и удержать.

– Спокойней, мой дорогой. Вот так. Спокойней, спокойней! – шептал он. Но жеребец топал и пытался вырваться. Джим закричал Баккату: – Что это? Что происходит?

– Лев, – тяжело дыша, ответил Баккат. – Подлый демон! Он обошел нас по ветру и испустил свою зловонную мочу, чтобы лошади учуяли. А львица поджидает тех, кто убежит.

– Милосердный Христос! – воскликнул Джим. – Даже я чую!

Невыносимая кошачья вонь застыла в горле – отвратительней мочи любого кота. Драмфайр снова встал на дыбы. Запах сводил его с ума. Жеребец словно взбесился. Джим понял, что на этот раз не удержит его. Он по-прежнему обеими руками держался за шею Драмфайра, но ногами едва касался земли. Драмфайр сорвался в галоп и потащил за собой Джима.

– Львица! – закричал Баккат. – Берегись! Львица поджидает тебя!

Копыта Драмфайра стучали по каменистому грунту, и Джиму показалось, что руки его вырывает из суставов плеч.

– Пусть идет, Сомойя. Тебе его не остановить! – кричал ему вслед Баккат. – Львица убьет вас обоих.

Джим сложился вдвое и, когда его ноги коснулись земли, оттолкнулся и сел на спину Драмфайра. Легко удерживая равновесие на бегущем жеребце, он выхватил из кобуры пистолет Кайзера и одним движением взвел курок.

– Справа от тебя, Сомойя. – Голос Бакката отдалялся, но Джим вовремя услышал предупреждение. Он заметил движение, когда львица вышла из укрытия и побежала справа от него. В слабом лунном свете она казалась призрачно бледной, неслышной, огромной и страшной.

Джим поднял пистолет и наклонился вперед. Он пытался сдержать бег жеребца, сжимая бока лошади коленями, но Драмфайр словно не чувствовал. Джим видел, как львица опередила их и присела, готовясь к прыжку. Потом взвилась, устремившись прямо на Джима. Времени прицелиться не было. Джим инстинктивно направил ствол ей в морду. Она была так близко, что он видел вытянутые к нему передние лапы с выпущенными страшными кривыми когтями. Ее раскрытая пасть казалась черной ямой. Зубы сверкали в лунном свете, как фарфоровые, и, когда львица заревела, горячий трупный запах ударил Джиму в лицо.

Вытянув до предела руку, он выстрелил; вспышка ослепила его. Львица всей тяжестью ударила в них. Даже Драмфайр пошатнулся под этой тяжестью, но удержался и продолжал скакать. Джим почувствовал, как когти львицы вцепились в его сапоги, но соскользнули. Огромное тело упало, покатилося по камням и застыло неподвижной грудой.

Джим не сразу понял, что вышел из схватки невредимым. Потом он сразу подумал о лошади. Наклонившись вперед, он обнял Драмфайра за шею и стал успокаивать:

– Все кончено, мой хороший. Вот так! Вот умница.

Уши жеребца дернулись: он слушал голос Джима. Постепенно Драмфайр перешел на быстрый шаг и наконец просто на шаг. Но как только почувствовал запах львицы, занервничал и задергал головой.

– Львица мертва! – крикнул Баккат из темноты. – Пуля попала ей в пасть и вышла из черепа сзади.

– А где лев? – крикнул в ответ Джим.

И словно в ответ, они услышали рев льва с вершины горы, не менее чем в миле от них.

– Она теперь ему бесполезна, и он бросил свою подругу, – усмехнулся Баккат. – Трусливый вор.

Джиму было очень трудно уговорить Драмфайра вернуться туда, где рядом с тушей львицы стоял Баккат. Жеребец по-прежнему нервничал.

– Никогда не видел его таким испуганным! – воскликнул Джим.

– Ни одно животное не выносит запаха мочи или крови льва, – ответил Баккат.

И вдруг одновременно они воскликнули:

– Вот оно! Мы нашли выход!

* * *

Было уже далеко за полночь, когда они добрались до гребня хребта над лагерем Кайзера. Там догорали костры, но часовые не спали.

– Просто легкий ветерок с востока.

Джим держал голову Драмфайра, успокаивая его. Жеребец по-прежнему дрожал и потел от ужаса. Даже голос и рука Джима не могли его успокоить. Как только туша львицы, которую Джим тащил за собой на буксире, дергалась вперед, Драмфайр закатывал глаза, так что в лунном свете блестели белки.

– Надо держаться против ветра, – прошептал Баккат. – Их лошади не должны учуять запах, пока мы не подготовимся.

Они заглушили стук копыт Драмфайра, надев ему на ноги кожаную обувь, и закутали все металлические детали упряжи. Когда они огибали вражеский лагерь с запада, Баккат прошел вперед, желая убедиться, что путь свободен.

– Даже Ксиа должен иногда спать, – прошептал Джим Баккату, но тот сомневался. Они приближались медленно, пока не оказались в половине пистолетного выстрела от границы бивака, откуда на фоне слабого света костров были отчетливо видны часовые.

– Дай мне твой нож, Сомойя, – прошептал Баккат. – Он острее моего.

– Если потеряешь, я в обмен заберу оба твоих уха, – ответил Джим, протягивая нож.

– Жди моего сигнала.

Баккат исчез в своей манере, необъяснимо внезапно, словно растаял в воздухе. Джим, стоя у головы Драмфайра, зажал рукой храп жеребца, чтобы помешать ему заржать, когда он учует запах других лошадей.

Тенью приближался Баккат к кострам, и его сердце дрогнуло, когда он увидел Ксиа. Его враг сидел за вторым костром, закутавшись в каросс. Баккат видел, что глаза Ксиа закрыты, он клевал носом, готовый вот-вот соскользнуть в сон.

– Сомойя был прав. – Баккат улыбнулся. – Он иногда спит.

Тем не менее он держался подальше от Ксиа, но презрительно пробрался совсем рядом с капралом Рихтером, караулившим лошадей. Первой лошастью на его пути была серая кобыла Кайзера. Подползая к ней, Баккат начал издавать гортанный, низкий, успокаивающий звук. Серая переступила с ноги на ногу и насторожила уши, но не издала ни звука. Баккату потребовалось несколько мгновений, чтобы перерезать три пряди удерживавшей лошадь веревки. Напевая свою колыбельную, он перешел к следующей лошади в ряду и аккуратно надрезал удерживавшую ее веревку.

Он уже был на половине ряда, когда услышал, как капрал Рихтер закашлялся и сплюнул. Баккат прижался к земле и лежал неподвижно. Он слышал шаги Рихтера вдоль линии и видел, как капрал прошел вдоль лошадей и потрогал веревку серой кобылы. В темноте он не заметил надреза на ней. На ходу он едва не наступил на Бакката. Добравшись до конца ряда, он расстегнул ширинку и начал шумно мочиться. А когда возвращался, Баккат заполз под брюхо лошади, и Рихтер даже не посмотрел в его сторону. Он вернулся к своему месту у костра и что-то сказал Ксиа. Тот ответил.

Баккат дал им несколько минут на то, чтобы снова удобно устроиться, и пополз вдоль ряда лошадей, надрезая их недоуздки.

Джим услышал сигнал – тихий крик ночной птицы. Такой убедительный, что он лишь понадеялся, что это Баккат, а не настоящая птица. «Теперь возврата нет!» Он взлетел на спину Драмфайра. Взвинченный жеребец не нуждался в понуканиях, и, почувствовав прикосновение ноги Джима, двинулся вперед. Туша львицы поволоклась за ним; ее брюхо было распорото, зловонные внутренности вываливались из брюшной полости и тащились следом, и Драмфайр не смог больше это выдерживать. Он поскакал прямо на спящий лагерь, а Джим на его спине орал, выл и размахивал над головой шляпой.

Баккат выскочил из темноты на дальней стороне и испустил невероятно громкий для такого маленького тела звук. Это была совершенная имитация львиного рева.

Капрал Рихтер, едва проснувшись, встал и выстрелил из мушкета в проносящегося мимо Джима. Пуля миновала Драмфайра, но попала в одну из привязанных лошадей, разбив ей переднюю ногу. Лошадь заржала, дернулась, порвала подрезанный недоуздок, упала на спину и забила поднятыми ногами. Остальные солдаты просыпались и тоже хватались за мушкеты. Паника оказалась заразной, и они стреляли по воображаемым нападающим, выкрикивая призывы и приказы.

– Это ублюдок Кортни! – взревел Кайзер. – Это он! Стреляйте в него! Не дайте ему уйти!

На лошадей обрушились крики и вопли, залп мушкетного огня и, что страшнее всего, запах крови и внутренностей льва. Прошлой ночью на них несколько раз напал левиный прайд, и воспоминание об этом еще не стерлось. Лошади не выдержали. Они натягивали веревки, лягались, вставали на дыбы и ржали от ужаса. Одна за другой веревки лопались, и лошади освобождались. Они повернули по ветру и плотным табуном унеслись в ночь. Сразу за ними скакал на Драмфайре Джим. Из темноты метнулся Баккат, ухватился за его стремя. Драмфайр понес и его, а Баккат продолжал реветь, как разъяренный лев. За ними в пыли бежали Кайзер и его солдаты, они гневно орали и стреляли, едва успевая перезаряжать.

– Остановите их! – кричал Кайзер. – У них наши лошади! Остановите их!

Он споткнулся о камень и упал, тяжело дыша, сердце у него колотилось так, словно вот-вот разорвется. Кайзер посмотрел вслед исчезающему табуно, и на него обрушилось понимание катастрофы. Он со своими людьми застрял в горном бездорожье, в десяти днях пути от цивилизации. Припасов у них мало, но даже то, что есть, они не смогут унести с собой.

– Свинья! – заорал он. – Я доберусь до тебя, Джим Кортни! Я не успокоюсь, пока не увижу тебя на виселице, пока черви не заполонят твой череп и не начнут выползать из твоих глазниц. Клянусь в этом всем святым, и пусть Господь будет мне свидетель!

Сбежавшие лошади держались вместе, Джим подгонял их. Он перерезал веревку, на которой тащил тушу львицы, и, избавившись от этого зловонного бремени, Драмфайр сразу успокоился. Через милю табун перешел с галопа на быстрый шаг, но Джим продолжал его гнать. Спустя час он понял, что солдатам в тяжелой обуви, несущим вооружение и припасы, их не догнать. И перевел лошадей на легкую рысь – так они могли двигаться часами.

До нападения на лагерь Кайзера Джим отправил Заму и Луизу на Трухарт и мулах вперед. Они вышли на несколько часов раньше, но спустя час после восхода Джим их догнал. Встреча была радостной.

– Мы слышали ночью выстрелы, – сказала Луиза Джиму, – и боялись худшего, но я молилась за тебя. И не переставала, пока минуту назад не услышала твой крик.

– Это нам и помогло, Ежик. Ты, должно быть, первая по молитвам.

Хотя Джим улыбался, он испытывал почти непреодолимое стремление снять ее со спины Трухарт, прижать к себе и приласкать – такой она казалась бледной, слабой и утомленной. Но вместо этого сам спрыгнул с седла.

– Разведи костер, Зама, – приказал он. – Теперь можно согреться и отдохнуть. Черт меня побери, если мы не съедим последний кусок мяса, не выпьем последний глоток кофе и не будем спать, пока сами не проснемся. – Он рассмеялся. – Кайзер идет обратно в колонию пешком и какое-то время не будет доставлять нам неприятностей.

На этот раз Джим не позволил Луизе отказаться от чашки кофе, и, попробовав горькую жидкость, она перестала сопротивляться и с благодарностью выпила остальное. Кофе почти сразу оживил ее. Она перестала дрожать, и легкая краска вернулась на ее щеки. Она даже слабо улыбалась грубым шуткам Джима. Каждый раз как котелок пустел, Джим заливал его кипятком. Каждая следующая порция кофе была все менее крепкой, но все равно восстанавливала силы, и Джим снова сделался весел и боек. Он описывал Луизе, как Кайзер повел себя при неожиданном нападении, изображая, как полковник бежал босиком, размахивал шпагой над головой, выкрикивал угрозы и все время спотыкался. Луиза смеялась до слез.

Джим и Зама осмотрели захваченных лошадей. Те были в хорошем состоянии, если учесть проделанный долгий и трудный путь. Лучшей в табуне была серая лошадь Кайзера. Кайзер назвал ее Зен, но Джим перевел: Холодок.

Теперь, с таким количеством запасных лошадей, они смогут быстро проехать к месту встречи на реке Гариеп. Но вначале Джим дал лошадям возможность отдохнуть и покорчиться: он знал, что сейчас Кайзер им не помешает. Луиза воспользовалась передышкой. Свернувшись под кароссом, она сразу уснула. И лежала так неподвижно, что Джим встревожился. Он осторожно приподнял край шкуры, чтобы убедиться, что она дышит.

Этим утром незадолго до встречи с Замой и Луизой Джим заметил небольшое стадо из четырех или пяти болотных козлов, которые паслись выше по склону в долине. Теперь он оседлал Холодок, а Баккат сел без седла на другую захваченную лошадь. Джим оставил Луизу спать под охраной Замы, и они поехали назад, туда, где видели болотных козлов. Те перешли на другое место, склон оказался пуст, но Джим знал, что животные вряд ли ушли далеко. Стреножив лошадей, они оставили их пастись на участке свежей травы с пушистыми розовыми метелками, зреющими на весеннем солнце.

Баккат взял след козлов сразу под вершиной и быстро двинулся по нему по каменистой поверхности, Джим – за ним. На противоположном склоне хребта они увидели стадо – животные улеглись за большими камнями, которые защищали их от холодного ветра. Баккат подвел Джима совсем близко, и тот полз, как леопард, держа мушкет на сгибе локтя. Подобравшись на семьдесят шагов, Джим понял, что дальше идти нельзя: встревожишь стадо. Он

выбрал жирную серовато-коричневую самку, которая лежала, отвернувшись от него. Джим знал, что на расстоянии в сто шагов пуля из мушкета отклоняется вправо на три дюйма, поэтому для устойчивости уперся локтем в колено и ввел поправку на цель. Пуля ударила в основание черепа, раздался такой звук, словно спелая дыня упала на каменный пол и раскололась. Самка не двинулась, только уронила голову на землю. Стадо бросилось прочь, размахивая белыми хвостами и издавая тревожные крики.

Самку освежевали и выпотрошили, пожирая за работой свежую печень. Она оказалась средней величины, молодая и упитанная. Шкуру, голову и внутренности оставили, а мясо, сгибаясь под его тяжестью, отнесли к лошадям.

Добычу навьючили на спину Холодка, Баккат набил свой мешок для пищи кусками свежего мяса, и они расстались. Вооруженный подзорной трубой Джима, Баккат отправился наблюдать за Кайзером и его людьми. Джим хотел точно знать, что, лишившись лошадей, они отказались от преследования и начали долгий трудный путь по горам к далекой колонии. Джим не собирался сразу верить, что полковник сделает то, чего от него ожидают: он научился уважать упорство Кайзера и силу его ненависти.

Джим добрался до лагеря за полдень, но Луиза все еще спала. Ее разбудил запах жареного мяса. Джим умудрился сварить слабый кофе из уже вареных зерен, и Луиза с удовольствием выпила его.

К концу дня, когда солнце садилось за далекие вершины, окрашивая их багрянцем, в лагерь вернулся Баккат.

– Я застал их в пяти милях от места нашего ночного нападения, – рассказал он Джиму. – Они отказались от погони. Бросили все имущество и припасы, которые не могли унести с собой, и даже не стали тратить время на то, чтобы сжечь их. Я принес все, что может пригодиться.

Пока Зама помогал ему разгрузить добычу, Джим спросил:

– Куда они пошли?

– Как ты и надеялся, Ксия ведет их назад на запад, прямо к колонии. Но движутся они медленно. Большинство белых людей страдают. Их сапоги предназначены для езды верхом, а не для ходьбы. Толстый полковник уже хромотает и опирается на палку. Похоже, долго так идти он не сможет: ведь до колонии не меньше десяти дней пути. – Баккат взглянул на Джима. – Ты говорил, что не хочешь его убивать. Но горы могут сделать это за тебя.

Джим покачал головой.

– Стефанус Кайзер не дурак. Он пошлет Ксия вперед, чтобы тот привел из Кейпа свежих лошадей. Возможно, он потеряет часть брюха, но не умрет, – заявил Джим с уверенностью, которой не чувствовал. И про себя добавил: «Во всяком случае, я на это надеюсь». Он не хотел, чтобы его семью винили в смерти Кайзера.

Впервые за многие недели можно было не торопиться, уходя от преследователей. В одной из седельных сумок, брошенных Кайзером, Баккат нашел небольшой мешок муки и бутылку вина. Луиза испекла на углях плоские лепешки из пресного теста, приготовила кебаб из мяса и печени болотного козла, и они запили все это старым кларетом Кайзера. Для людей племени сан алкоголь – яд, и Баккат, пьяно хихикая, едва не свалился в костер, когда попытался встать. Меховые кароссы за день просохли после шедшего накануне дождя, путники заранее набрали ароматных кедровых дров и впервые за много дней всю ночь спали спокойно.

На следующее утро, сытые, отдохнувшие, они двинулись верхом к месту встречи у холма Голова Бабуина. Только Баккат еще страдал от последствий выпитых накануне трех глотков вина.

– Я отравлен, – жаловался он. – Я умру.

– Не умрешь, – заверил его Джим. – Предки не примут такого мошенника.

Три дня полковник Стефанус Кайзер тяжело хромал, опираясь на палку, вырезанную для него капитаном Котсом; с другой стороны полковника поддерживал Гоффель, один из солдат-готтентотов. Дорога казалась бесконечной; крутые спуски следовали за предательскими участками подъемов, где камни уходили из-под ног. За час до полудня третьего дня Кайзер понял, что дальше идти не может. Он со стоном опустился на камень у тропы, по которой они двигались.

– Гоффель, бестолочь, сними с меня сапоги! – закричал он, вытягивая ногу.

Гоффель ухватился за большой, побитый, пыльный сапог и отшатнулся, когда тот остался у него в руках. Остальные собрались вокруг и в страхе смотрели на обнажившуюся ногу. Чулок превратился в окровавленные лохмотья. Волдыри порвались, и с открытых ран свисали обрывки кожи.

Капитан Котс помигал светлыми глазами. У него были бесцветные ресницы, и поэтому взгляд казался слепым.

– Полковник! Вы не можете идти, когда у вас ноги в таком состоянии, сударь.

– Это я и говорю вам по меньшей мере последние двадцать миль, бормочущий мямля! – закричал Кайзер. – Пусть ваши люди сделают для меня носилки.

Солдаты переглянулись. Они и так были тяжело нагружены: Кайзер настоял, чтобы они забрали много снаряжения, включая его охотничье седло, складной походный стул и кровать, погребец и спальный мешок. А теперь им выпадала честь нести самого полковника.

– Вы слышали полковника, – набросился на них Котс. – Рихтер! Вы с Ла-Рише отыщите два кедровых ствола. Штыками обрубите сучья. Мы привяжем к ним седло полковника полосками коры.

Солдаты бросились выполнять приказ.

Кайзер босиком на окровавленных ногах проковылял к ручью и сел на берегу. Он опустил ноги в холодную чистую воду и с облегчением вздохнул.

– Котс! – крикнул он, и капитан побежал к нему.

– Полковник!

Он вытянулся на берегу во фрунт – худощавый, жилистый, с узкими бедрами и широкими костлявыми плечами под зеленой бязевой рубашкой.

– Хотите заработать десять тысяч гульденов?

Кайзер говорил тихо, доверительно. Котс задумался о названной сумме. С его нынешним жалованьем это плата за пять лет службы, а у него не было иллюзий относительно возможности подъема по военной лестнице.

– Это большие деньги, сударь, – осторожно ответил он.

– Мне нужен этот молодой ублюдок Кортни. Нужен больше всего на свете.

– Понимаю, полковник. – Котс кивнул. – Я сам хотел бы добраться до него.

При этой мысли он улыбнулся, напоминая кобру, и невольно сжал кулаки.

– Он уйдет, Котс, – тяжело сказал Кайзер. – Еще до того как мы доберемся до крепости, он перейдет через границу колонии, и мы больше никогда его не увидим. Он сделал из меня и из всей ВОК посмешище.

Котс не выказал ни следа огорчения по поводу такого преступления. И даже не смог сдержать легкую улыбку. «Не такой уж это большой подвиг. Не нужно быть гением, чтобы сделать из полковника посмешище».

Кайзер подметил эту усмешку.

– Из вас тоже, Котс. Все пьяницы и шлюхи во всех кабаках колонии станут издеваться над вами. Теперь много лет вам придется самому покупать себе выпивку. – Лицо Котса стало мрачным. Кайзер развивал свой успех: – Конечно, если мы с вами не позаботимся о том, чтобы привести его назад и заставить плясать на веревке перед всеми на площади.

– Он пойдет на север Дорогой Грабителей, – возразил Котс. – ВОК не может посылать за ним армию. Это не в ее власти. Губернатор ван де Виттен никогда этого не допустит. Он не может нарушить приказы Совета Семнадцати в Амстердаме.

– Я организую для вас, мой верный друг, бессрочный отпуск со службы в компании. Конечно, с оплатой. И предоставляю вам охотничью лицензию, дающую право на выход за пределы колонии. Дам вам с собой Ксиа и двух-трех хороших солдат. Например, Рихтера и Ла-Рише. И предоставлю все необходимые припасы.

– И если я достигну успеха? Если я схвачу Кортни и приведу его в колонию?

– Я позабочусь, чтобы губернатор ван де Виттен и компания выплатили вам премию в десять тысяч гульденов. Я готов даже согласиться на его голову в бочонке бренди.

Глаза Котса округлились, когда он услышал это. С десятью тысячами гульденов он мог бы навсегда покинуть эту Богом проклятую землю. Конечно, он никогда не вернется в Голландию. На родине его знали под другим именем, и одно незавершенное там дело могло привести его на виселицу. Однако Батавия – истинный рай по сравнению с этой отсталой колонией на краю варварского континента. Котс позволил себе беглую эротическую фантазию. Яванские женщины славятся своей красотой. Похожие на обезьян готтентотки Кейпа ему никогда не нравились. Тем более что на Востоке всегда существуют возможности для человека, который хорошо владеет шпагой и мушкетом, а в поясе у него защиты золотые гульденны.

– Что скажете, Котс? – прервал его мечты Кайзер.

– Я скажу – пятнадцать тысяч.

– Вы алчный человек, Котс. Пятнадцать тысяч – это целое состояние.

– Вы богаты, полковник, – заметил Котс. – Я знаю: за Трухарт и Холодка вы заплатили по две тысячи гульденов. Вместе с головой Кортни я доставлю вам обеих лошадей.

При упоминании украденных лошадей гнев, который Кайзер до сих пор сдерживал, вспыхнул с новой силой. Лучшие лошади за пределами Европы! Он посмотрел на свои искалеченные ноги. Боль была почти такой же сильной, как при мысли о потере лошадей. Но пять тысяч гульденов из собственного кармана – это много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.